

Андрей
Балканский

Андрей Балканский

ЭДУАРД ЛИМОНОВ

ЭДУАРД ЛИМОНОВ

С О В Р Е М Е Н Н Ы Е   К Л А С С И К И

Annotation

Эдуард Лимонов — одна из самых противоречивых фигур современной российской литературы и политики. За свою жизнь он успел побывать московским богемным поэтом, бесприютным эмигрантом в Нью-Йорке, модным писателем в Париже, а потом — радикальным политиком, книги и выступления которого неизменно вызывали скандал. Оказавшись в оппозиции к властям не только России, но и других стран бывшего СССР, Лимонов и созданная им Национал-большевистская партия прославились громкими публичными акциями, которые в конце концов привели партию к запрету, а ее лидера — к тюремному сроку. Сегодня, несмотря на почтенный возраст, Лимонов сохраняет активность и молодой задор во всех областях — творчестве, политике, личной жизни. Его первая русскоязычная биография написана давним соратником писателя, петербургским политиком и журналистом Андреем Дмитриевым (литературный псевдоним — Балканский) на основе личных воспоминаний и бесед с героем книги.

[Адаптировано для AlReader]

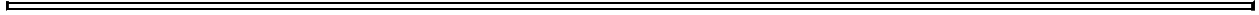
FB2 книгу сделал mefysto

-
- -
    -
    - [Говорим «Лимонов».](#)
    - [Предисловие](#)
    - [Пролог из Великой эпохи](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)

- [illegible]

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

СОВРЕМЕННЫЕ
КЛАССИКИ

Андрей Балканский

ЭДУАРД ЛИМОНОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2017

*

ЖЗЛ
СОВРЕМЕННЫЕ КЛАССИКИ
Серия основана в 2016 году

*Оформление и макет
художника Андрея Рыбакова*

© Балканский А., 2017
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

*Памяти моего друга Евгения Павленко,
петербургского нацбола и добровольца Донбасса,
павшего смертью храбрых под Дебальцево 8 февраля
2015 года*

Несмотря на то что официальная Россия молчит обо мне, словно я и не родился или умер, я представляю из себя целый континент понятий, категорий, принципов, образов, идей, мыслей, книг и деяний.

Э. Лимонов

Говорим «Лимонов», подразумеваем «партия»

Мне сложно судить об этой книге — я внутри нее жил.

Автор, Андрей Дмитриев, догадался о простой вещи: биографий Лимонова должно быть несколько.

Эммануэль Каррер, создавший международный бестселлер «Лимонов», поступил хитро: написал отличное предисловие, хорошее послесловие, а в середину загнал пересказы всех романов Лимонова. На Западе Лимонова давно толком не издают — поэтому пошло на ура.

Но в России простых путей не ищут.

Уверен, со временем будут написаны отдельные книги на тему «Лимонов и его женщины», причем в нескольких томах — потому что сравнительное описание совместной жизни Лимонова и Елены Щаповой (тоже, напомню, в ответ на «Это я, Эдичка» написавшая своё «Это я, Леночка»), Лимонова и Натальи Медведевой (Лимонов фигурирует сразу в нескольких ее романах и песнях; соответственно, и она героиня его романов, стихов и воспоминаний), Лимонова и, скажем, актрисы и певицы Екатерины Волковой (ей в серьезной мере посвящена книга «В сырах» и десятки лимоновских стихов, она ответила рождением Лимонову двух детей, но, думается, и в песнях Волковой ее бывший муж тоже так или иначе отображен) — заслуживает отдельных филологических, биографических (и каких там еще?) — психологических исследований.

Хороший томик может получиться на тему «Лимонов и война», и его тоже напишут. «Лимонов и тюрьма», естественно. Он сам об этом написал достаточно, но есть ведь десятки свидетелей его пребывания в Сербии или всех его тюремных треволнений и страданий: тут будет несколько иная, по-новому звучащая история.

Меня крайне интересует тема «Лимонов в эмиграции» — не скажу про США, а вот во Франции я знаю людей, которые дружили с Лимоновым и помнят его — каким он был в начале 1980-х. Лимонов, скажу я вам, много интересного не дорассказал.

Отдельного исследователя ждут темы «Лимонов и СМОГ», «Лимонов и Евтушенко» (как бы плохо Лимонов к нему ни относился), «Лимонов и Бродский», «Лимонов и Харьков» и даже «Лимонов и Дзержинск» — никто толком так и не выяснил, в каком роддоме он родился, где именно работали

его отец и мать.

А там дальше можно двигаться — ведь и с родителями придется разбираться, и с вопросами, отчего отец не построил себе карьеры в НКВД и что там за история с лимоновским сводным братом, вдруг объявившимся много лет спустя...

Ой, много работы!

(Мы ведь даже боимся затронуть такие, не менее биографические темы, как «Лимонов и демоны». Или «Лимонов и его ангелы».)

Дмитриев же вовремя схватил тему горячую, актуальную — даже не «Лимонов и политика», а «Лимонов и его нацболы».

И Дмитриев прав: последние 20 лет нацболы для Лимонова важнее его романов, его стихов, а порой и его, — здесь можно ещё раз написать слово «романов», — его, я имею в виду, девочек.

Всё остальное Дмитриев дает штрихпунктирно; хотя масштаб фигуры отлично осознает и все нужные вещи с фехтовальным изяществом очерчивает кончиком пера.

Иногда история политической деятельности Лимонова превращается в историю партии, что тоже объяснимо.

Пожалуй, эту книгу так и стоило назвать «Лимонов: взгляд питерского нацбола».

(А то и «Лимонов: портрет на фоне нацболов».)

Из побочных, внеполитических тем, которые подняты в книжке (и едва ли кем-то, кроме Дмитриева, могли быть описаны) можно назвать такую тему, как «Лимонов и Санкт-Петербург». Или (здесь уже ближе к политике) «Лимонов и антилимоновская мифология».

Мне в книжке интереснее всего читать человеческое, простое — о том, как, к примеру, Лимонов просит у жены Дмитриева потрогать ее грудь, а она ему отвечает... Впрочем, сами прочитаете.

Что до политики — я ж ее знаю наизусть, до последней детали.

Но вы-то не знаете. И едва ли кто-то всё это знает в таком объеме, как автор этого достойного сочинения.

Начало русской «лимонианы» положено. Поехали.

Захар Прилепин

Предисловие

«Будь проклят тот день, когда я принесла домой книги Лимонова!» — воскликнула как-то в сердцах моя мама в середине девяностых, когда в очередной раз после акции Национал-большевистской партии^[1] я вернулся из отделения милиции под утро.

Кажется, первыми у родителей на полке появились «Это я, Эдичка», «Дневник неудачника» и «Лимонов против Жириновского».

С «Эдичкой» мы родились в одном году — 1979-м. Маме и папе вместе с туго спеленутым свертком с младенцем выдали медаль синего цвета с изображением памятника Ленину у Финляндского вокзала и надписью «Родившемуся в Ленинграде» (и по сей день медали, которые в других регионах не вручают, являются предметом гордости ленинградцев-петербуржцев) и свидетельство о рождении, где было сказано:

«Дорогие родители! Сердечно поздравляем вас с новорожденным, радуемся вместе с вами рождению нового человека — гражданина Союза Советских Социалистических Республик, члена будущего коммунистического общества.

Желаем вашей семье здоровья, большой любви, дружбы и согласия.

Уверены, что вы воспитаєте сына добросовестным тружеником, верным патриотом нашей великой Родины.

Исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся».

Можно себе представить, как бы отреагировали эти самые депутаты трудящихся, а также мама и папа, если бы им сообщили, что великая Родина вскоре развалится, Ленинград исчезнет с карты страны, а новорожденный вступит в стремящуюся к свержению новой власти НБП, станет председателем ее петербургского отделения, затем его будут судить за использование ее символики — красного знамени с серпом и молотом — и признают экстремистом, а еще позже он будет писать эти строки...

Тексты, переделывающие жизнь, конечно, стоят проклятий. Но в этом и смысл их создания. Все остальное называется графоманией или *pulp fiction*, развлекательным чтивом.

Критики любят сравнивать Лимонова с Габриеле д'Аннунцио, который захватил в 1920 году хорватский город Фиуме и основал там футуристическую республику, просуществовавшую четыре месяца. Или с Юкио Мисимой, создавшим ультраправое «Общество щита» и совершившим сэппуку после неудачной попытки государственного

переворота. Сравнения не слишком корректные: оба все же в первую очередь литераторы, сделавшие радикальную политику орудием эффектного эстетического жеста. Лимонов же полагает себя демиургом, создателем новых реальностей и форм и помещает в компанию «священных монстров» и «титанов» (о которых писал в одноименных сборниках) рядом с пророком Мани, Платоном, Марксом, Ницше, Мао, Пол Потом...

«Пол Пот жив. Вступай в НБП» — такие небольшие красные листовки с портретом приветливо улыбающегося лидера красных кхмеров расклеивали мы в спальных районах Питера в 1990-е годы. У меня была мысль написать для серии «ЖЗЛ» биографию одной из самых загадочных фигур XX столетия, закрывшей череду его великих вождей. Однако изучение немногочисленной доступной литературы на эту тему приводит к выводу, что о нем ничего толком не известно. К примеру, недавно вышедшая книга Олега Самородного «Пол Пот. Камбоджа — империя на костях?» заканчивается откровениями личного пилота камбоджийского лидера. Он сообщает, что Пол Пот и Салот Сар (принято считать, что это его настоящее имя) — два разных человека и однажды он вез в самолете их двоих.

В противоположность Брату № 1 о Нацболе № 1, наоборот, известно всё, что создает меньшую проблему.

Возникает вопрос: как писать биографию человека, который сам ее раскрыл в мельчайших подробностях? Лимонов, как не раз отмечено, пишет всю жизнь одно произведение, возвращаясь к одним и тем же моментам, рассматривая их под новым углом зрения, что-то уточняя и дополняя. Творческое наследие Эдуарда Вениаминовича огромно и, вероятно, является одним из самых объемных среди наших современников. Более шестидесяти книг (их количество неумолимо приближается к возрасту автора), неисчислимо количество статей (в разных СМИ еженедельно в течение многих лет), ежедневные посты в блоге, многочисленные интервью, публичные выступления, переписка... Полное собрание сочинений Ленина составляет 55 томов, Ким Ир Сена — более 100.

У Лимонова явно будет больше. Добавим сюда воспоминания тех, с кем его сталкивала судьба, — а таких людей тоже великое множество, начиная с жен и друзей и заканчивая литературными агентами и редакторами, — и мы придем к выводу, что в лимоновской биографии сложно обнаружить неизвестный доселе факт.

Можно было бы последовать предложению литературного критика

Льва Данилкина: «Намеренно отказаться от игры в то, что Лимонов — герой его книг и Лимонов подлинный — это одно и то же; устроить, то есть, тотальный фактчекинг всех его беллетристических заявлений». Такую книгу, наверное, напишут. Это будет академическое издание, составленное ведущими специалистами по творчеству классика второй половины XX — начала XXI века из нескольких томов текста и еще нескольких томов ссылок и примечаний, которое выйдет к столетию писателя вместе с его ПСС. В общем, не здесь и не сейчас.

Более простым путем пошел Эммануэль Каррер, в бестселлере «Лимонов» бегло пересказавший содержание основных книг героя, разбавив все это собственными впечатлениями и замечаниями о русских вообще, СССР и современной России, Ельцине, Путине и прочих персонажах нашей действительности. Это произведение, построенное как приключенческий роман, приобрело большую популярность на Западе, хотя для русского человека там многое выглядит нелепо. Но главное: мы-то живем в России, и произведения Лимонова отечественному читателю хорошо известны.

Так что не ждите пересказа трилогии «Детство-От-рочество-Юность» с вкусным запахом ваксы от отцовских сапог, «пальтишком на рыбьем меху» и огромными цехами славного харьковского завода «Серп и молот». Не ждите разбора знаменитой сцены с негром Крисом на пустыре, а также анализа прочих гомо-и гетеросексуальных походов героя «Эдички» в Нью-Йорке. Наконец, не ждите укрощения неистовой Натальи Медведевой в Париже и дыма над окопами среди цветущих яблоневых садов на балканской войне. Лучше возьмите и перечитайте оригиналы.

Эта книжка — портрет Нацбола № 1 на фоне России девяностых, нулевых и десятых годов. Среди соратников и врагов, ментов, фээсбэшников, националистов, коммунистов, либералов, чиновников и журналистов. На ее страницах появляются легендарные братья Гребневы, художник и музыкант Александр Лебедев-Фронтон и писатель Захар Прилепин, политики Гарри Каспаров и Михаил Касьянов, абхазский полевой командир Дмитрий Кишмария, политолог Станислав Белковский, адвокат Сергей Беяк и многие другие.

Ты, читатель, пройдешься по легендарному бункеру на 2-й Фрунзенской улице в Москве, где со стены смотрит, направив на тебя пистолет, гигантский Фантомас работы Лебедева-Фронтон. Залезешь вместе с нами на мачту крейсера «Аврора» в майском солнечном Питере и будешь скандировать «Россия — все, остальное — ничто!». Выйдешь на Марш несогласных, чтобы получить дубинкой по голове и уехать в ИВС на

15 суток. Наконец, выпьешь 100 граммов в любимом Лимоновым кафе «Сковородка» на Суворовском проспекте и задумаешься о судьбах русского народа.

Я пишу о том, что видел, слышал и знаю сам. Герой книги занял очень большое (иногда кажется, что слишком большое) место в жизни автора. За без малого 20 лет пребывания в рядах нацболов и личного знакомства с вождем партии и старшим товарищем накопилось немало информации, материалов, впечатлений и воспоминаний. Кроме того, в процессе работы над книгой было сделано пять больших интервью с ее героем для уточнения некоторых моментов его политической и идейной эволюции.

«Лимонов — необычайно любопытное существо с талантом, проявляющимся на уровне нейрофизиологии; его исключительный ум подсказывает ему кратчайший путь к достижению лучшего результата в самых разных областях деятельности; он всегда выбирает лучший эпитет, лучший глагол, лучший способ жизнестроительства; думаю, интересно изучить его органы высшей нервной деятельности — как Ленина, Павлова, Уэллса, — ответил Данилкин на вопрос Прилепина, не готов ли он сесть за книгу о Лимонове после блестяще выполненной биографии Александра Проханова. — Если б я был дипломированным сотрудником Института мозга и имел возможность считывать данные непосредственно из головы, то взялся бы исследовать биографию этого мозга без малейших колебаний».

Мозг Лимонова уже был изучен специалистами. В 2002 году, во время пребывания в СИЗО «Лефортово», з/к Савенко прошел полагающееся в таких случаях обследование в Институте имени Сербского. В результате врачи установили у него «интеллект высшего типа».

Сегодня именно роль интеллектуала, ведущего за собой мыслителя, своего рода учителя жизни, стала представляться Лимонову основной. «Аятолла» — так называется последняя глава книги, в которой мы беседуем об этой его ипостаси.

Автор выражает благодарность Сергею Гребневу, предоставившему свои рукописи об алтайской экспедиции 2000–2001 годов, Даниле Дубшину, отобравшему редкие фотографии героя из своего архива, Ольге Лаврентьевой, любезно разрешившей использовать иллюстрации из своих документальных комиксов, а также Захару Прилепину, согласившемуся написать предисловие к изданию и ставшему его первым читателем и критиком.

Вперед же — приступим к изучению континента «Лимонов»!

Пролог из Великой эпохи

Сделавший датского кинорежиссера Ларса фон Триера знаменитым фильм «Европа» о легионе «Вервольф» начинается с того, что зрителям предлагается закрыть глаза, сосчитать до десяти и плавно погрузиться в послевоенную Германию. Прделаем то же самое и перенесемся в нашу, советскую Великую эпоху.

Зима 1943 года — время перелома в Великой Отечественной. Год символично начинается с введения Сталиным погон для офицеров воюющей армии. Золотые погоны дополняют облик советского военного и выполняют роль исторической преемственности к войскам старой России.

Январь и февраль отмечены значительными успехами советских войск на юге и на севере. 16 января освобожден Ростов-на-Дону, 18-го взят Шлиссельбург и прорвана блокада Ленинграда. В город отправился первый поезд с хлебом. 2 февраля в мерзлых волжских степях капитулируют остатки армии Паулюса, заканчивается эпическая Сталинградская битва.

Обеспокоенный таким развитием событий с 17 по 22 февраля, Гитлер прилетает на Восточный фронт, посещая Запорожье и свою ставку в Виннице. Генерал Гудериан, побывавший в его бункере, нашел фюрера сильно постаревшим и печальным.

«Изменилось соотношение сил на советско-германском фронте, — констатирует Сталин в поздравлении по случаю 25-й годовщины создания Красной армии. — Дело в том, что фашистская Германия все более и более истощается и становится слабее, а Советский Союз все более и более разворачивает свои резервы и становится сильнее. Время работает против фашистской Германии».

Мускулы страны накачивают миллионы людей, среди которых не последнее место занимает мой дед — Алексей Андреевич Дмитриев, днем и ночью пропадающий в цехах танкового завода в Свердловске. Он происходил из еще дореволюционных питерских пролетариев, всю жизнь трудился на Ленинградском металлическом заводе и пользовался там большим уважением. Дед имел очень редкую специальность — разметчик, принадлежа по сути к рабочей аристократии. Он переносил на металл с чертежей в необходимых масштабах детали турбин и прочей выпускаемой заводом продукции.

Его брат Петр Андреевич, служивший в одном из райкомов Ленинграда, был арестован в ходе чисток после убийства Кирова в 1934

году и сослан в один из северных лагерей, где его следы и затерялись. Когда в 1937-м на заводе случился пожар, на деда как на родственника «врага народа» пало подозрение. За несколько дней до рождения моего отца его вызвали на допрос в ленинградское управление НКВД — недавно построенный однофамильцем Льва революции замечательным архитектором Ноем Троцким Большой дом на Литейном проспекте. Однако улики не было, да и квалификация помогла: дед был нужен на производстве. Поэтому молодой следователь под свою ответственность порвал материал и отпустил его домой.

После начала войны деда одним из первых с семьей в июле 1941 года отправили в эвакуацию на Урал. Отец запомнил, как низко летели над составом фашистские самолеты, так что видно было кресты на крыльях, и тогда надо было выпрыгивать наружу и ложиться за насыпью. Впрочем, ему, трехлетнему, это напоминало больше какую-то игру, веселое приключение.

Появляются самолеты с крестами на крыльях и над Дзержинском — пригородом Горького, где на выпускающем снаряды заводе трудится молодая девушка-техник Раиса Зыбина. По законам военного времени за опоздание на работу больше чем на 20 минут отдавали под суд. Как-то Рая опоздала, однако ее пожалели и записали 18 минут. Однажды она возвращалась домой и ей осветил фонариком дорогу молодой лейтенант НКВД Вениамин Савенко, отправленный на Волгу ловить дезертиров. Так родилась семья, давшая жизнь нашему герою.

Эдуард Вениаминович Савенко появился на свет 22 февраля 1943 года в Дзержинске Горьковской области. «Зачатый в грустном мае поражений, он родился в победном ликовании».

Теперь бросим взгляд на происходящее в мире.

На других фронтах тоже теснят немцев и их союзников. Черчилль и Рузвельт на встрече в Касабланке в январе 1943-го требуют от стран оси безоговорочной капитуляции. Остатки африканской группировки немецко-итальянских войск прижаты к морю в Тунисе. В мае на мысе Бон 150 тысяч человек капитулируют и группировка прекратит свое существование.

А в далекой затерянной в горах китайской Яньани, столице красных партизан, Мао Цзэдун избирается председателем ЦК Компартии Китая. Этому предшествовала долгая внутрипартийная борьба, сочетавшаяся с кампанией по упорядочению стиля — «чжэнфэн», в ходе которой коммунисты, от партийных ветеранов до вступивших в партию крестьян, изучали его труды и изречения, ну а те, кто делал это плохо, подвергались, как водится, различным гонениям.

К Мао у Лимонова всегда будет особое отношение. В партийном бункере на 2-й Фрунзенской будет висеть его большой портрет с изречением «Больше читаешь — умнее не станешь!».

Среди появившихся на свет в тот год — генерал Ратко Младич, начальник штаба войск Республики Сербской, с которым Лимонов встречался на войне и впоследствии сделал героем сборника рассказов «СМРТ».

Там же символ поколения Мик Джаггер — уже старый и морщинистый, как шарпей, вечный рокер-подросток. Год вообще был богат на зал славы рок-н-ролла, от трагического Джима Моррисона до слащавого Джорджа Харрисона. Венчается список «деятелей культуры» актерами Катрин Денев и Робертом де Ниро.

«Все-таки мое поколение — очень маленькое, — рассуждает Лимонов. — Ощущается дефицит ведущих фигур, аятолл, назовем так, или по-французски — учителей мысли. Такие люди встречаются крайне редко. Если взять 1943 год — кот наплакал таких людей. Мик Д жаггер какой-нибудь. Сейчас я представляю себе как такой аятолла. Поскольку по возрасту в полевые командиры я не гожусь, по горам уже лазить сложнее, чем лет в тридцать, но вот на роль аятоллы, как человек, который может задавать тон своими идеями, я имею дерзость претендовать»^[2].

Чуть расширив временные рамки, мы обнаружим в пределах того же поколения родившихся чуть раньше второго лидера северокорейского государства Ким Чен Ира и главу ливийской революции Муамара Каддафи.

Каддафи — автор Зеленой книги, не занимавший почти полвека во главе Ливии никаких постов, но при этом создавший экзотическую ветвь арабского социализма, Джамахирию, или «народную власть», — точно проходит по разряду «аятолл». Ким Чен Ир же обычно находится в тени своего отца Ким Ир Сена, архитектора северокорейского государства и идей чучхе. Однако мы должны учитывать, что во многом ему, возглавившему Северную Корею после крушения соцлагеря, практически без союзников, да еще и в период природных бедствий и катаклизмов, было сложнее, чем отцу. Тем не менее он сумел сохранить выстроенную там уникальную систему.

Родившись в один год, они и умерли с разницей в два месяца, в конце 2011 года. Но какие разные смерти! Одного провезли по засыпанным свежим пушистым снегом улицам Пхеньяна, где тысячи и тысячи людей рыданиями провожали вождя в последний путь. А другого его же народ в виде возбужденной, бестолковой и жестокой толпы повстанцев изнасиловал и разорвал на куски возле его родного города Сирта. Каддафи

не бежал из страны, не сдался и сопротивлялся до конца...

«Муамар погиб как воин. Убит в бою», — напишет Лимонов в этот день в своем блоге.

Генеалогическое древо семьи Савенко-Зыбиных выводит нас к обычным русским людям из средней полосы России.

Вениамин Иванович происходил из города Боброва Воронежской губернии. Дед и прадед — крестьяне из деревни Масловки той же губернии, деду, правда, удалось дослужиться до бухгалтера. Вениамин был призван в армию в 1937 году и, имея специальность электротехника, попал в элитные войска НКВД. Раиса Федоровна — из города Сергача Нижегородской губернии. Отец ее происходил из деревни Нови, опять же из крестьянской семьи. Затем стал директором ресторана в Горьком, проворовался, попал в штрафной батальон и был убит в 1944 году. В общем, «плоть от плоти и кровь от крови двух российских деревень — Новь да Масловка».

Экзотическое имя Эдуард было дано ребенку в честь поэта Багрицкого, томик которого читал отец, когда ему сообщили о рождении малыша, что отчасти и предопределило его дальнейшую судьбу. (Потом Вениамин Иванович пожалел об этом — он никак не хотел видеть сына писателем.) Тихий еврейский мальчик родом из Одессы, поэт-декадент в 1917 году вступил в Красную армию и превратился в яростного революционного агитатора, изображавшего самого себя «ангелом смерти в кожаной тужурке», насилующим гимназистку во время обыска. В перестроечные времена его обвиняли в антигуманизме (особенно недолюбливавшие его за еврейское происхождение патриоты). Однако ему-то точно пришлось бы по душе нацбольские кричалки вроде «Отобратить и поделить!» или «Да — смерть!».

Родители всегда говорили маленькому Эду — «мы русские, русские...». И хотя в полученном им заново во Франции свидетельстве о рождении вместо утерянного при переездах в графе национальности отца стояло — украинец, а в 2010 году в харьковском издательстве «Фолио» даже вышла его биография в серии «Знаменитые украинцы», Лимонов придерживался этого принципа всю жизнь и достаточно резко реагировал, когда этот факт подвергался сомнению.

«Придурки москвичи причисляют меня иногда по фамилии к украинцам, но это потому, что не осведомлены, — отмечает он в «Книге воды». — Так же как и на Кубани, живет в верховьях Дона множество людей с фамилиями, кончающимися на «о», все они потомки казаков. Ни бабка моя ни слова не знала по-украински, ни отец не знает. Верховья Дона

и городки вокруг него исконно казацкие».

Ну а когда на съезде националистов в феврале 1996 года в Санкт-Петербурге один из участников издевательски поинтересовался, что он тут делает, не являясь русским, Лимонов просто ударил его в ответ кулаком в лицо.

Кусок территории, по которому проходили странствия семьи Савенко и за который она не отлучалась, — Донецкий бассейн, Левобережная Украина, Луганск, Миллерово, Харьков. Лишь в 1951 году, после скитаний по баракам и временным комнатам, родители Эдуарда получили собственную двухкомнатную квартиру в поселке Салтовка в черте Харькова аж в 20 квадратных метров, в новом двухэтажном доме на Поперечной улице.

Послевоенный СССР переживал строительный бум. В полуразрушенных во время войны городах возводилось новое жилье, часто — руками пленных немцев. В 1955-м отпраздновала новоселье в Ленинграде и семья моего деда. В отличие от скромной салтовской квартиры это была роскошная и по нынешним меркам «двушка» в только что построенном парадном сталинском особняке в начале Среднеохтинского проспекта, с лепниной и высоченными потолками.

Делать репортаж о жизни простых советских рабочих, у которых была даже комнатная собачка породы шпиц, к нам приезжал корреспондент американского журнала «Тайм». Правда, материал так и не вышел. По одним данным, не были найдены необходимые для американской пропаганды изъяны и трудности рабочего быта. По другим — начались события в Венгрии, и стало не до того. Зато сохранились фотографии, а сделавший их репортер прославился серией снимков советских танков и уличных столкновений в Будапеште.

В общем, семья Савенко, как и семья Дмитриевых, вкалывала на государство, но и получала от него немало и в обиду на советскую власть не была, как и миллионы других семей.

В день смерти Сталина моя мама, возвращаясь домой из ленинградской школы, боялась напомнить, что у нее день рождения. И маленький Эдик плакал вместе с другими взрослыми и детьми.

Март ледяной. Знамен суровых шелест.
Диктатора продолговатый гроб.
Его Асгарты ожидает прелесть,
Где рядом бы Один уселся чтоб...

Март ледяной. Один его сажает.
И Сталину смеется сквозь усы,
Кумысу козьего доверху наливает,
Свинины отрезаются кусищи и кусы...

Март ледяной. Поверхности сияют —
Небес кубы. Пространства океан.
Друг к другу головы согласно наклоняют,
Их Бог Один. И Сталин наш тиран.

Валькирии с огромными глазами
Стоят, не шелохнувшись, заделами,
И трубки возбуждающий дымок
Двоих окутал там, где только мог...

Глава первая

«УБЕЖДЕННЫЙ АНТИСОВЕТЧИК»

Согласно северокорейским идеям чучхе, человек имеет две жизни — обычную, физическую, и политическую, которая даруется ему вождем и партией. У каждого гражданина КНДР имеется специальный блокнот красного цвета под названием «Отчет о жизни» (прямо как в песне группы «Аукцыон» — «Я веду книгу учета жизни»), куда он записывает свои достижения и ошибки, а затем обсуждает с соседями и коллегами по работе на еженедельных собраниях. Получается своего рода дневник политической жизни.

Обозначим в нескольких эпизодах, пунктирно, вехи политической жизни Савенко-Лимонова Эдуарда Вениаминовича на протяжении пятидесяти лет, до создания НБП.

Эпизод № 1. Убить Никитку.

«— С какого момента в жизни вы почувствовали себя «человеком политическим»?

— Я с дружками моими полукриминальными красной ручкой в тетради писал фамилии руководителей государства, кого надо убрать. Мы хотели прийти к власти. Это так по-детски все выглядит, конечно, крайне наивно, ну что вы хотите, 15 лет мне было. Я не помню даже, куда потом эта тетрадь делась.

— Это вы, выходит, Хрущева хотели убить?

— Да, Никитку. Возможно, и другие фамилии были из газет выписанные. Я бы говорил об этом как о курьезе, но, видимо, было определенное желание».

Как бы странно это ни прозвучало, но ничего удивительного в таком желании нет. За полвека до описываемых событий, во времена первой и второй русских революций, у прогрессивных гимназистов существовала мода на такие списки, а кое-кто и лично бросал бомбы в городских и чиновников режима. Не мечтал убить «Николая Кровавого» только ленивый, что в итоге и было реализовано большевиками.

Советская власть была пожестче царских сатрапов: попади такая тетрадь в поле зрения сослуживцев Вениамина Ивановича (который, кстати, как и многие офицеры, «Никитку» не любил за сокращение армии и

урезание пенсий военным) — мог бы Эдик и в тюрьму загреметь на долгие годы. Обратившись к справочнику «58.10. Надзорные производства прокуратуры СССР (март 1953–1991)», содержащему все дела по антисоветской агитации и пропаганде, мы обнаружим множество «убийц» Хрущева, о которых бдительные граждане доносили куда следует. Вот только несколько случаев за август — сентябрь 1957 года:

Батула А. Г., украинец без определенных занятий из города Сталино (нынешний Донецк), был задержан 23 августа 1957 года на станции Вапнярка Одесской железной дороги для выяснения личности и сказал, что едет в Москву убить Хрущева за то, что он отстранил Молотова, Маленкова и других от власти, что народ голодает, а Хрущев открыл двери иностранцам;

Рязанцев М. М. 14 сентября тоже в помещении вокзала на станции Киан Орджоникидзевской железной дороги нецензурно ругал Хрущева, советскую власть и правительство, говорил, что в них надо бросить атомную бомбу;

Галь Е. М., заведующий сельским магазином в станице Тамань Краснодарского края, распивая вино в буфете, говорил, что: «Пленум ЦК неправильно поступил, исключив Маленкова, Молотова, Кагановича и Шепилова из ЦК... Все они являются государственными деятелями, большими людьми... В этом виноват Хрущев. Я бы убил его».

Вопреки общепринятым представлениям, что «брали» по 58-й статье в основном либералов-антисоветчиков, среди осужденных было множество «диссидентов наоборот». То есть граждан, которые хвалили Сталина и представителей старой гвардии, типа Вячеслава Молотова, выражали недовольство решениями XX съезда КПСС, писали в ЦК письма о том, что верхушка партии продалась Западу и т. д. Ну и понятно, что в поле зрения спецслужб попадали лишь самые буйные, а вели разговоры на кухнях, что мало расстреливают воров, не стало порядка и вообще «за державу обидно», и разделяли такие настроения десятки миллионов советских людей.

Этот стихийный народный консерватизм, отступивший во времена перестройки и распада СССР, вернется многотысячными демонстрациями под красными и имперскими флагами в начале 1990-х и восторжествует в десятилетия следующего века, чему наш герой немало поспособствует.

Эпизод № 2. Диссидент Гершуни.

Желая прославиться и начать новую жизнь, в 1967 году юный поэт Лимонов перебирается в Москву со своей гражданской женой Анной

Рубинштейн — полной красивой еврейкой, продавщицей книжного магазина в Харькове, благодаря которой он вошел в круги местной богемы. (Именно в общении с местными поэтами и родился шуточный псевдоним в духе Хармса и Введенского — Лимонов.) Денег у них нет, живет молодая семья впроголодь, однако же постепенно у него появляется довольно широкий круг общения среди столичной богемы, от официоза до полуподполья, населенного разного рода непризнанными гениями, авангардными художниками, скульпторами, писателями и прочими творцами. Лимонов кочует по их мастерским и квартирам, зависая неделями на дружеских пьянках или вписываясь в свободные комнаты. Сближается с неформальной поэтической группой СМОГ (Самое молодое общество гениев), созданной поэтом Леонидом Губановым, бывает в квартире Юрия Мамлеева в Южинском переулке, где собирается кружок литераторов-мистиков, изучающих глубины русского духа в ходе совместных возлияний и чтений декадентской поэзии, в общем, посещает все основные точки неофициальной Москвы.

«— Вы наверняка были знакомы и с кем-то из диссидентов?

— У меня были довольно близкие отношения с Володией Гершуни, который советскую власть ненавидел. Мне оставили ключи от квартирки на Власовом переулке в центре Москвы, на первом этаже, и просили, чтобы я его пускал на ночь. Там были две крошечные комнаты, внизу был угольный склад, это школа, бывшего директора школы квартирка. Я ему оставлял окно открытым, и он ночами по крыше угольного склада в окно входил, и мы с ним беседовали на разные темы. Он мне приносил «В круге первом», отпечатанный на машинке, «Мои показания» Марченко... Ругались страшно.

— Вы защищали советскую власть?

— Да, но тем не менее как-то меня вот эта блатная романтика оппозиционная задела. Я не даю оценки, но все это как-то действовало».

Владимир Гершуни был к тому времени уже ветераном диссидентского движения. Поэт и правозащитник, племянник легендарного главы боевой организации партии эсеров Григория Гершуни, он впервые был арестован еще в 19 лет по обвинению в создании подпольного молодежного кружка, провел четыре года в лагере. В 1960-е помогал в составлении «Архипелага ГУЛАГ» и распространении самиздата. Впоследствии два раза был признан невменяемым и на длительные сроки заключался в психиатрические лечебницы. Там, чтобы не свихнуться окончательно, он писал палиндромы — фразы, читаемые одинаково справа налево. «Для здорового человека, надолго помещенного в желтый дом,

составление перевертней — лучший способ спастись от сумасшествия, — утверждал он. — Эти упражнения, интеллектуальные, почти как шахматы, и азартные, почти как карты, до отказа заполняют досуг, стерилизуют сознание от всего, что могло бы ему повредить».

При чтении Марченко у Эдуарда вызвала протест сцена, где заключенный в лагерной санчасти отрезает свой член и бросает к ногам врача. «Не верю!» — говорил он Гершуни.

Предметом дискуссий в 1968 году у них служил и ввод советских войск в Чехословакию, который Лимонов защищал, а Гершуни называл вторжением. Любопытно, что ранее, во время поездки в Харьков, он спорил о том же с отцом. Только тогда Эдуард защищал Пражскую весну, а опытный советский офицер объяснял, что СССР нельзя давать слабину после вторжения американцев во Вьетнам. В итоге он сына переубедил.

Гершуни был классическим левым либералом, как и большинство тогдашних диссидентов. Вообще диссидентское движение в 1950-е годы зарождалось как марксистское, ведь советские люди воспитывались в принципах марксизма и имели весьма смутные представления об идеологических альтернативах этому учению. Однако «Капитал» был доступен всем, и пытливый читатель сразу замечал резкое расхождение его модели социалистического государства и той, что была реализована в СССР. Так появились истинные марксисты-ленинцы, ругавшие официоз за предательство идеалов отцов-основателей. Постепенно движение стало эволюционировать в сторону либерализма; события в Чехословакии и появление «Хроники текущих событий» отражали именно этот период.

Уже во времена распада СССР, как утверждали знакомые Гершуни, он нещадно ругал Лимонова за патриотическую публицистику конца 1980-х. Сам же Эдуард отмечал, что, при всей противоположности взглядов, Владимир подействовал на него в плане бунтарства, бесстрашия и радикализма и что, возможно, противостояние с властями ельцинской и путинской России связано с тем, что «Володькина закваска во мне бродит».

Итак, зафиксируем, что диссидентом Лимонов никогда не был, хотя в его круге общения в Москве таковые встречались и на него повлияли.

А возвращаясь к теме «диссидентства наоборот», надо отметить, что среди советских инакомыслящих встречались самые разные люди: были и русские националисты, и маоисты, и даже люди, называвшие себя национал-большевиками.

К примеру, так называемая «группа Фетисова», созданная в середине 1950-х годов в Институте комплексных транспортных проблем молодыми учеными Михаилом Антоновым и Александром Фетисовым. Они понимали

национал-большевизм как необходимость «совершенствования советской власти в интересах русского народа», выступали против критики культа личности Сталина (Фетисов в знак протеста против решений XX съезда вышел из КПСС в 1956 году), а также утверждали, что экономика СССР является «недостаточно советской, недостаточно социалистической», рабочий класс мало привлекается к ее управлению. В работе «Построение коммунизма и проблемы транспорта» Антонов писал о том, что достичь этой цели можно куда быстрее, чем предусматривает ревизионистская хрущевская программа. Не были фетисовцы чужды и идеям дезурбанизма — то есть расселения больших городов и создания принципиальной иной среды обитания для человека нового общества. Что касается национального вопроса, то Карла Маркса, который был для членов группы абсолютным авторитетом в области экономики, они считали при этом русофобом, а одной из главных проблем СССР называли засилье «инородческого элемента» во властных структурах.

В интервью автору в 2000 году Михаил Антонов утверждал: «Я — советский, русский, православный человек, ни я, ни Фетисов никогда не выступали против советской власти, как это делали диссиденты». Действительно, во время процесса над Андреем Синявским и Юрием Даниэлем, которых диссидентская тусовка активно защищала, Фетисов утверждал, что их нужно расстрелять.

Однако карающая длань советской власти вскоре коснулась и самих членов группы. В 1968 году, когда идейный базис был разработан, ее члены перешли к действию и распространили по почтовым ящикам в московских домах 650 листовок, обвинявших советскую верхушку в перерождении и призывавших выходить из партии. После этого четверо фетисовцев, включая самого основателя движения, были арестованы, осуждены по статье 58.2

и — в соответствии с модным тогда способом наказания, примененным и к Гершуни, — признаны невменяемыми и рассажены по спецпсихбольницам.

Эпизод № 3. Карлос.

«— Есть точка зрения, что Советский Союз брежневских времен был достаточно скучным государством, с подавленной общественной и интеллектуальной жизнью, тоскливым партийным официозом, отсутствием свободных коммуникаций с другим миром...

— Это смотря для кого. Если люди были робкими обывателями, то, конечно, для них было скучно. Я питался такой средой художников, поэтов.

Я нашел этих людей и в Харькове, все-таки провинциальном городе, и в Москве. Очень много, тысячи людей, которые составляли то, что сейчас называют тусовка. На сегодняшний день оказалось, что я был знаком с лучшими художниками России, ныне культовыми фигурами, как какой-нибудь Венедикт Ершов. Скучной жизнь была для обывателя, а для того, кто был смелее, — вовсе не была.

У меня были еще в СССР в друзьях западные социалисты, в частности, секретарем австрийского посольства работала Лиз Ульвари, которая позднее издала в Швейцарии книгу «Свобода есть свобода». Она была прогрессивная молодая девка в круглых очочках, худая как спичка, курила привезенный из Афганистана гашиш, вот она была настоящая социалистка. Еще ряд был у нее друзей. И вот они как раз капали мне на мозги и говорили: «Эдвард, вы не понимаете, что живете в социалистической стране и тут множество преимуществ» и прочее».

Одним из популярных у тусовки мест неожиданно стало посольство Венесуэлы. Почти 20 лет дипотношения между Москвой и Каракасом были разорваны, и посол Бурелли Ривас был первым дипломатом, после долгого перерыва прибывшим в СССР. Интеллектуал, поэт, знаток русского языка и литературы, он развил в Москве бурную деятельность — общался со всеми, от подпольных художников до старообрядцев, устраивал в посольстве вечеринки и дарил понравившимся женщинам (включая супругу режиссера Георгия Данелия Галину) вино целыми ящиками. Насколько известно, кроме этого он помогал передавать на Запад рукописи и полотна по неофициальным каналам. Все это кончилось тем, что в 1976 году по просьбе советского руководства его отозвали на родину.

В общем, жизнь в посольстве была ключом, и Эдуард со своей новой девушкой, первой московской красавицей Еленой, которая ушла к нему от мужа — художника-графика Виктора Щапова, — регулярно бывал у гостеприимного Риваса. Там-то он и познакомился с будущим знаменитым террористом и легендой мирового левого движения Ильичем Рамиресом Санчесом, он же Карлос, он же Шакал.

Ильич был венесуэльским гражданином. Рожденный в Каракасе в 1949 году, он, как можно догадаться, получил имя в честь вождя Октябрьской революции (двух его братьев отец — убежденный марксист — назвал соответственно Владимиром и Лениным). С подростковых лет он участвовал в коммунистических манифестациях и беспорядках, а в 1968-м добился зачисления сына в Московский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Два года Карлос провел в СССР. Во время учебы он познакомился с активистами Народного фронта освобождения

Палестины, куда вскоре и отправился, начав восхождение к мировой славе.

«Это было в 1969 году. Как-то после одной из вечеринок в посольстве, было лето, мы пошли ночью гулять с двумя молодыми парнями, студентами Патриса Лумумбы. Потом, через много лет уже, находясь в Париже, я увидел в газетах фотографии человека в странных таких очках. Это было убийство на Орли, когда Карлос застрелил четверых. На фото был человек, с которым мы тогда целую ночь проговорили, спорили. Это официально известный факт, он пишет в своей биографии, что тут учился, потом как он ходил в посольство. Тут сомнений быть не может.

И мы целую ночь спорили, куда-то еще зашли потом — не было тогда ночных заведений — наверное, к нам, еще выпили. И мы все доказывали, говорили, что у нас страна говно, как молодые люди. А они говорили: «Да вы что, вы живете в такой стране, с таким режимом. Вы просто не понимаете, что такое капитализм». Была целая страстная ночь вот этих вот разговоров, и лицо его перепутать было невозможно. Такое немножко с индейскими чертами, и эти очки. Никаких сомнений. Ну, это случай свел.

По Карлосу там немножко даты, месяцы не сходятся. Но когда я прочел несколько французских книг о Шакале, мне кажется, он натянул немного даты, чтобы участвовать в Черном сентябре, а мои воспоминания такие, что он еще был в это время в СССР. Может быть, чтобы ужесточить свой имидж, сделать из себя такого ветерана. Ну бог весть, он сидит в тюрьме, и человек он большой».

Случай или нет, но Карлос также без сомнения проходит по разряду священных монстров и титанов. Сегодня, отбывая пожизненное заключение во французской тюрьме, он пишет: «Я не жалею ни о чем из того, что совершил. Но я жалею об эволюции современного мира, о распаде СССР и о том, что нам пока не удалось освободить Палестину».

Палестина русским не столь близка, как принявшему там ислам Ильичу, а так Эдуард мог бы подписаться.

Эпизод № 4. КГБ был достаточно велик.

Со времен перестройки либеральные историки, публицисты и литераторы создают картину мира, согласно которой в СССР половина страны была палачами, а другая половина — жертвами. Те, кто имел отношение к спецслужбам, автоматом записываются в палачи, хотя очевидно, что сам факт работы в органах отнюдь не означал «расстрелов несчастных по темницам» или допросов диссидентов.

«Нет, я никогда к арестам отношения не имел и заключенных не охранял, — рассказывал на склоне лет в интервью Дмитрию Быкову

Вениамин Савенко. — Я радист, с детства приемники собирал у себя дома, потом и в армию был призван связистом. Был во внутренних войсках, на охране особо важных объектов промышленности. Потом, после переподготовки, стал политработником».

Таким же талантливым «технарем», попавшим в систему госбезопасности, был и мой папа — Юрий Алексеевич Дмитриев. Студента, с отличием учившегося в Институте связи имени Бонч-Бруевича, в какой-то момент заметили и пригласили на работу во Всесильный Комитет государственной безопасности. Папа работал в Оперативно-техническом управлении, занимавшемся разработкой различной аппаратуры для нужд комитета, в том числе для пограничников, дослужился до подполковника и ушел на пенсию накануне краха СССР. Затем по его стопам пошел и младший брат, Евгений Алексеевич (средний же — Лев Алексеевич — много лет проектировал подводные лодки и корабли в КБ «Рубин»). Он быстро сделал карьеру, занимаясь курированием по линии комитета различных ленинградских промышленных предприятий.

В застольных разговорах дядя Женя вспоминал о своих встречах с нынешними первыми лицами государства. Однажды он давал отчет о проделанной работе только что назначенной главе Красногвардейского района Ленинграда комсомолке Валентине Матвиенко. Со слов дяди, в отчете она ничего не поняла, «ну ей этого и не надо было». Предложила кофе с коньяком. «Я извинился — кофе, мол, не пью...» В общем, отметили наступающий 1979 год просто коньяком.

Ну а пока на дворе 1960-е годы, и сын офицера спецслужб Эдик Савенко попал в поле зрения «органов» как предмет разработки. Попал скорее случайно, хотя его круг общения — Гершуни, Бурелли, богема — к этому, несомненно, располагал.

«— Ваш отъезд за границу был связан с угрозами КГБ?

«— Да не угрозами, а просто конкретно сказали уезжать. Но как мы потом выяснили с моей бывшей женой, как это ни причудливо звучит, мы попали в пекло борьбы между двумя спецслужбами — КГБ и Службой внешней разведки. Мы-то думали, это мы так интересуем их, а оказалось, что копали под ее сестру. У нас стоял под окном фургон, который нас прослушивал, к нам приезжал с сестрой бывший военный атташе в Германии, муж ее Николая. И он привычно говорил — о, вас подслушивают, я знаю, как у них там все устроено. И она, оказалось, работала на Лубянку. Как у нас говорят, борется, но и себя не забывает. Прикрытием у нее был антикварный магазин. Муж — бывший военный атташе — он так ее любил,

она была такая пышнотелая блондинка. А противники из КГБ хотели даже не ее завалить, а ее шефа. Вот они вели вот эту слежку, на нас давили тоже.

Мы еще выпутались хорошо, а парень этот, поскольку у сестры был антикварный магазин, а она хотела еще на что-то существовать и привозила, пользуясь своими связями, иконы там какие-то роскошные. Все это продавалось, естественно. А человек, который поставлял иконы, ему дали девять лет тогда. Ей — нет, ее выгнали, по-моему.

Ну, короче, вот эти все люди присутствовали на нашей с Еленой свадьбе в 1974 году. Этот Давид, которого взяли сразу после свадьбы. А мы отделились вот так вот легко».

Позднее Эдуард отметит, что решительно не хотел стучать на свое окружение. Вот если бы пригласили в Высшую школу КГБ — другое дело. Мог бы, наверное, сделать в комитете хорошую карьеру.

Либеральные критики потом не раз пытались доказать, что такого быть не могло и на самом деле Лимонов наверняка был завербован, а потом уже отправлен за границу. Доказательств, однако, никаких нет.

Зато, как утверждала дочь певца Александра Галича Алена, в 1989 году в КГБ ей показали дело ее отца и сообщили, что он был одним из немногих, кому даже не предлагали стать информатором: «Мы понимали, что это просто бессмысленно. Ну, еще Лимонову не предлагали. Он же дурак, чего ему предлагать».

«— Как вы оцениваете то КГБ и тех сотрудников, с которыми вам приходилось сталкиваться?

— Вел нас некий Антон Семенович, высокий такой, довольно молодой человек в очках. И я потом как-то попал во Франции, меня французская контрразведка ДСТ допрашивала. Типажи те же. Из троих двое были в очках. Я ходил на Дзержинскую улицу, там такие особнячки с колоннами, и чтобы запугать, видимо, посетителей, стояли двое таких крепких мальчиков. Это когда видишь, было очень неприятно. Отметили эти ребята, что я не боялся. Было неприятно, что они мне звонили каждое утро, в ранние часы. Они могли мне позвонить в семь часов и сказать: «Приезжайте, Эдуард Вениаминович!» Вот на Дзержинского, рядом с основным корпусом, сейчас это Сретенка. Допрашивали, разговаривали одно время чуть ли не каждый день. Это после свадьбы, на которой был арестован Давид. Завербовать они тоже хотели. Но мне кажется теперь, что особой ценности во мне, даже завербованном, не было. Долгое время моя оценка этого была самой наивной, что это потому, что я в посольство ходил.

В общем, мой опыт говорит, что КГБ был достаточно велик. Народ

был хмурый и серьезный. Однажды Антон Семенович, когда он отчаялся уже со мной, сказал — вот сейчас придет мой начальник. Он и сказал: «Вам с Козловой на выезд».

Потом пришла открытка, что нам разрешают выезд. Люди ждали этих разрешений годами, а мы — веселая пара — поехали на юг.

Последнее, что я помню, это таких ленивых скучающих солдатиков у входа в Шереметьево, пограницы такие, курящие какую-то жуткую махорку, стоящие в расслабленных позах, в мятых шинелишках таких.

— А у вас не было мысли остаться в стране, несмотря на угрозы?

— Я сейчас не буду разыгрывать, что упирался в те годы. Нет. Не из-за чего было садиться, вот чего. Когда я в 2001 году оказался в тюрьме, я знал, за что я сижу. Я никуда бы не уехал, тем более что за мной стояла организация, за которую я ответствен. В тот период я был молодой человек безо всякой политической ориентации, кроме того, что я был естественный такой патриот, воспитанный в определенной семье, с определенной памятью. И конечно, я одобрял всю советскую внешнюю политику. У меня были разногласия чисто личного, эстетического какого-то порядка. Я считал, что я очень крупный поэт, и одновременно меня там не печатали. Я считал, что мне мешают стать тем, кем я должен быть и кем я по праву являюсь.

— Бытует мнение, что сам Юрий Андропов называл вас убежденным антисоветчиком. Откуда взялась эта информация?

— Саша Морозов, писатель, он до сих пор жив, магистр в те годы, он учился в университете с дочкой Андропова Ириной на истфаке, что ли. И поскольку у меня были эти все неприятности с КГБ, эти вызовы, я взмолился и как-то ему говорю: «Саш, пусть она узнает у папы: чего им от меня надо? В чем вина-то моя?» Потому что меня вызывали, но ничего не говорили, просто пытались сломать, завербовать и прочее.

Первый раз она отказалась. Сказала, что мы с отцом договорились — ни он в ее личную жизнь не лезет, ни она в его работу. А второй раз — поскольку маразм крепчал и меня стали конкретно прессовать, она согласилась и наконец спросила отца. Через какое-то небольшое время, где-то через неделю, он сказал ей характеристику: «По нашим данным, убежденный антисоветчик».

— Утверждали, что именно Ирина сыграла определенную роль в разрешении вам выезда за рубеж?

— Не знаю, у меня нет никаких подтверждений. Я с ней не был знаком и не помню, чтобы супруга с ней общалась».

Любопытно, что все фигуранты этой истории имели отношение к

издательству «Молодая гвардия». Александр Морозов, бывший участник СМОГа, где они и познакомились с Лимоновым, с 1971 по 1985 год редактировал научно-популярную, весьма востребованную у советского читателя серию «Эврика». Ну а Ирина Андропова после окончания филфака МГУ работала редактором серии «Жизнь замечательных людей». Тогдашний заведующий серией Сергей Семанов вспомнил о ней как о весьма скромной девушке без элитных закидонов, которая выходила из подвозившей ее иногда на работу служебной «Волги» отца за квартал до издательства и шла туда пешком.

Что до убежденных антисоветчиков, то они уже тогда сидели в руководстве партии. Сам Андропов покровительствовал главе Ставропольского обкома, «молодому и перспективному» Михаилу Горбачеву, с 1971 года — члену ЦК КПСС. В том же году был назначен послом в Канаду, где он и задумает перестройку, Александр Яковлев. Борис Ельцин работал главой отдела строительства в Свердловском обкоме партии. Скоро эти люди выйдут на первый план и уничтожат государство. И всемогущий комитет со всеми своими отделами, сетью информаторов, агентурой и аппаратурой окажется бессилён перед исходящим сверху предательством.

Эпизод № 5. Запад.

В 1974 году Эдуард и Елена покидают Советский Союз и через Вену и Рим переезжают в Нью-Йорк. Некоторое время Лимонов работал в эмигрантской газете «Новое русское слово». Там судьба свела его с линотипистом Борисом Ковердой — убийцей советского дипломата Петра Войкова в 1927 году, в годы войны подвизавшимся фельдфебелем зондеркоманды нацистов на территории Польши и СССР и сумевшим тихо дожить свой век в Америке. В рассказе «Коньяк Наполеон» он выведен под фамилией Кружко как тяжелый, психически неуравновешенный человек с темным прошлым. У Эдуарда во время застолья в типографии случился с ним конфликт. Пожилой психопат бросился на него с молотком, а затем написал заявление редактору, что Лимонов пытался его убить, оставшееся, впрочем, без последствий: «Можете гордиться. Он, говорят, евреев и коммунистов отстреливал, а вот вас испугался. Донос начальству настрочил...»

В «Слове» наш герой долго не задержался. Сама среда эмигрантов, одновременно ностальгировавших по родине и ненавидевших ее, вызывала у него раздражение. «Русская газета пахнет могилой и старческой мочой», — характеризовал он коллег по редакции.

За пять прожитых в Америке лет Лимонов познал ее целиком и полностью, до самого социального дна, проживая одно время в дешевом отеле с проститутками и неграми-драгдилерами и сменив множество профессий — от рабочего-ремонтника до прислуги в доме миллиардера. (Одной из лучших сцен в романе «История его слуги» является прислуживание им за столом Иосифу Бродскому, явившемуся в гости к его хозяину.) Именно знание этой настоящей, а не картинной американской жизни и отличало его от того же Яковлева, смотревшего на Канаду из окна посольства или дипломатического лимузина, или изумленных обилию сортов колбасы в магазинах советских журналистов-международников, втайне обожавших тот образ жизни, который им положено было обличать.

Лимонову довелось узнать, что американское общество не очень-то восприимчиво к критике. В мае 1976-го он даже приковывался наручниками к зданию «New York Times», требуя публикации своих текстов, — это можно назвать протонацбольской акцией. Через 20–30 лет приковывание наручниками к различным министерствам и ведомствам, кабинетам высоких чиновников и даже к ним самим станет одним из излюбленных приемов акций прямого действия национал-большевиков. Правда, в России это повлечет за собой куда более тяжкие последствия, чем на Западе.

Неудивительно, что из-за такого поведения буйный русский эмигрант вновь попадает в поле зрения спецслужб, теперь уже ФБР.

«— Что для вашей политической жизни означали более пятнадцати лет, проведенных в Америке и во Франции?

— Огромную школу прошел, конечно. Когда я приехал на Запад, то началось такое обучение сразу же. Начиная с Австрии (мы же вначале в Вене прожили какое-то время) и далее — по крупицам стала собираться вот эта отвратительная мозаика западной жизни. Собственно, то, о чем меня предупреждали мои друзья, австрийские социалисты. Там были еще — я забыл фамилии — с одним из них мы даже переводили Тракля (это великий австрийский поэт, погибший в 1914 году, он покончил с собой в госпитале), то есть он мне приносил подстрочник. Далее на пути в США я познакомился — по-моему, его звали Патрик Кэмпбелл — бывший сотрудник ЦРУ, который работал руководителем Толстовского фонда. Я приходил к нему какое-то количество раз, бухал он со мной, видимо, интересно ему было, и он мне рассказывал, как боролся против коммунистической опасности, а потом в один прекрасный день увидел, какая за этим паутина, ложь и прочее.

Я встречался еще с рядом людей, которые откровенно платили

эмигрантам из России за информацию в виде статей. Потом был Нью-Йорк с огромным количеством проблем, эта вот жизнь мигранта. Первое, что я сделал в Америке, — отправился на собрание троцкистов, Социалистической рабочей партии, потом палестинская была партия.

Как снежный ком все это нарастало, у западного мира появились детали. Я их стал регистрировать, писать статьи. Я тогда написал статью «Разочарование», за что меня выгнали из «Нового русского слова». Эти статьи были подхвачены советской прессой. Связей у меня с ней не было, я и не хотел их иметь».

Именно в это время Лимонов переживает кризис: от него уходит любимая Елена, он бродит по Нью-Йорку в полубессознательном состоянии. И в это же время, в 1976 году, он пишет свои лучшие книги, сделавшие его знаменитым, — «Это я, Эдичка» и «Дневник неудачника».

Создать настоящий скандал в мировой литературе после всех книжных революций XX века, сексуальных и наркотических, от Генри Миллера до Уильяма Берроуза, было почти невозможно. Тем более — для русского автора. Ведь русская литература и в эмиграции оставалась таким междусобойчиком для своих. Ну кому при всем уважении в США нужны были Сергей Довлатов или Василий Аксенов? Разве что с политической точки зрения, как обличители советского строя. Лимонову же, хоть и не сразу, это удалось.

Тридцать шесть американских издательств, куда настойчивый автор отправил свою книгу, отказались от нее. Один из редакторов писал в ответном письме, что нашел «раздражающим» выведенный в книге портрет США. (Еще бы!) Впервые «Эдичка» вышел осенью 1979 года на русском языке в только создававшемся издательстве «Руссика». Ради того, чтобы не быть проклятым всей русской эмиграцией, им пришлось переименоваться в «Индекс-пресс». (Одновременно в знаменитом издательстве «Ардис» вышел сборник стихов «Русское» в аскетичной белой обложке. Автор как-то прикупил его на букинистическом развале в ДК Крупской и теперь гордится библиографической редкостью у себя на полке.)

В 1980 году Лимонов переезжает во Францию. Здесь он наконец находит издателя для франкоязычного варианта «Эдички», который вышел под эпатазирующим названием «Русский поэт предпочитает больших негров». Именно с этого издания началось триумфальное шествие книги по миру. Правда, более отражал суть книги заголовок немецкой версии — «Fuck off, Amerika».

В 1982-м, находясь по делам в Лос-Анджелесе, он знакомится в ресторане с уехавшей в Америку из Ленинграда и ставшей там моделью и

ресторанной певицей «сумасшедшей русской» Натальей Медведевой. Во Францию они возвращаются уже вместе, Наталья станет третьей женой Лимонова. Безусловно, из всех женщин Эдуарда только Медведева представляет собой фигуру под стать ему. Это союз равных, как в личных отношениях, так и в творчестве, хотя влияние мужа весьма ощутимо в ее книгах, статьях и песнях.

В Париже Лимонов пишет трилогию — «У нас была великая эпоха», «Подросток Савенко», «Молодой негодяй» — о своем харьковском детстве-отрочестве-юности. Многих читателей, привлеченных бунтарством и скандальностью его первых книг, удивили весьма теплые воспоминания о советском детстве героя и апология послевоенной сталинской «великой эпохе».

Здесь мы сталкиваемся с вечным вопросом, насколько написанное литератором от первого лица можно считать достоверным и стоит ли отождествлять автора с его героем.

Если говорить о харьковском периоде, то, наверное, лучший эксперт в этом случае — Раиса Федоровна Савенко. «Он вообще фантазер страшный, — говорила в середине нулевых годов мама Эдуарда интервьюировавшему ее Дмитрию Быкову. — Вы, когда читаете «Молодого негодяя», все делите на два: там фантазий очень много. Он с детства придумывать любил».

Впрочем, как свидетельствуют дожившие до наших дней товарищи юности Лимонова, а также харьковские краеведы, в целом он оставил вполне близкий к жизни портрет города и горожан тех лет. Более того, именно с Лимоновым теперь связан славный образ советского промышленного центра, города пролетариев, гопников и поэтов, который сейчас старательно пытаются ликвидировать киевские власти. Когда-нибудь, вероятно, увидит свет путеводитель по лимоновскому Харькову, как сейчас по пушкинскому Петербургу или ленинскому Симбирску-Ульяновску. Что Александр Сергеевич, что Владимир Ильич, что Эдуард Вениаминович — люди весьма активные, много перемещались в пространстве, жили по разным адресам, а значит, материала для такого издания найдется немало.

Кстати сказать, Украиной город своей юности Лимонов никогда не считал. Украиной для него были села где-нибудь на Полтавщине или Житомирщине, куда его ребенком возили отдыхать летом. Или далекий Львов, откуда периодически приходили похорожки на боровшихся с бандеровским подпольем сослуживцев отца. Харьков же однозначно был для него Россией.

Книги американского периода сделали Лимонова знаменитым, однако

принесли ему такую славу, о которой временами приходится жалеть. Нет проще приема для врагов и недоброжелателей, чем обратиться к эпизоду с негром Крисом. К примеру, в конце 1990-х годов Марк Дейч в «Московском комсомольце» вперемешку с цитатами из программы НБП воспроизводил известные сцены из «Эдички», дабы вызвать эффект отвращения у публики. И добился своего — в результате той публикации распался союз НБП с «Трудовой Россией» Виктора Анпилова. Автор прекрасно помнит, как в 1990-е годы приходилось чаще отвечать публике на различных собраниях левой или националистической оппозиции на выпады по поводу этого романа, нежели спорить о политике.

«Главное действующее лицо моих книг — Лимонов, — говорил в начале 1990-х годов журналисту Евгению Додолеву сам наш герой. — Но ведь такого человека не существует в природе. По паспорту я Савенко Эдуард. Точка. А Лимонов, значит, это и герой, и автор. Автобиографические приемы были важны для меня при показе эпохи, среды. Например, в романе «У нас была великая эпоха» маленький сын лейтенанта Эдик — только предлог, чтобы показать время конца сороковых. А «Молодой негодяй» — это Эдичка в Харькове шестидесятых. Понимаете, это страна через героя, это эпопея... И чтобы упредить возможные вопросы, повторю еще раз: не следует отождествлять меня с Эдичкой. Я не ругаюсь в обществе женщин, я не наркоман и не гомосексуалист».

С дальнейшим литературным творчеством Лимонова все проще. В случае его совместной жизни с Натальей Медведевой мы имеем уникальную возможность сопоставить произведения обоих супругов об их отношениях (соответственно «Укрощение тигра в Париже» и «Моя борьба»). А после возвращения в Россию вся жизнь Лимонова протекала на виду у общества, и его биография задокументирована как им самим, так и множеством других источников. Тут уж что-то придумывать не было никакого смысла, тем более что сами повороты судьбы Эдуарда выглядели круче любого качественного сериала.

Но вернемся в 1980-е. Во Франции Лимонов заводит массу новых знакомств среди политиков, интеллектуалов и разного рода культовых личностей. Так, он знакомится с «королем наемников», бывшим диктатором Коморских островов Бобом Денаром, основателем «Национального фронта» Жаном Мари Ле Пенем, адвокатом Жаком Вержесом, дружившим с красными кхмерами и защищавшим множество удивительных людей — от алжирских террористов из Фронта национального освобождения и того же Карлоса Шакала до бывшего гестаповского палача Клауса Барбье. Здесь он впервые попытается

реализовать ту идею, которую потом принесет на российскую почву, — объединение ультралевых и ультраправых, бунтарей и радикалов разного толка против буржуазной системы. Единомышленников он нашел в газете Жана Эдерна Аллье «Идиот Интернасьональ», в которой стал постоянным автором. Впрочем, это вызвало мощнейшее сопротивление среди французского истеблишмента, и до создания какой-то политической структуры дело не дошло. Для Европы, где со времен Великой французской революции правые и левые четко делили места в Конвенте и знали свою нишу, это было невозможно.

Уточняет свои взгляды он в эссе «Исчезновение варваров» (1984) и «Дисциплинарный санаторий. Этюды социальной ментальности обществ» (1989–1991), где, развивая принятую в США и Европе концепцию «СССР = ГУЛАГ», уподобляет западные общества санаториям закрытого типа, своего рода психбольницам с облегченным режимом.

«— Когда я перебрался во Францию, то тотчас же установил связь с ФКП — французской компартией. Я был первым русским, который посетил этот знаменитый бункер на улице Колонель Фабьен и почти сразу стал писать для журнала «Революсьен» — идеологического органа Компартии. Я написал большую разгромную статью о перестройке году, наверное, в 1987-м, и «Юманите» хотела ее опубликовать. Если бы они ее опубликовали, это был бы программный поворот во всей политике компартии. Там в Центральном комитете целый ряд людей решали, обсуждали это, но, когда газета уже практически версталась, испугались.

Тогда же, в 87-м году, я оказался в Будапеште на конференции писателей, еще наши войска были там. Однажды нас возили на экскурсию, Ален Роб-Грийе сидел сзади меня, французы, кого только нет. И вот мы едем, а рядом едет открытый советский «газон» и сидят офицеры, курят. Все шушукаются, испугались, перебежали к этому борту, на них смотрят. Я посмотрел и у меня такая гордость: «Вот мы везде, полмира». И вскоре после этого ушли советские войска...

— Уместно ли будет сказать, что именно опыт жизни на Западе сформировал вас как антизападного политика?

— Конечно. Это постепенно нарастало, и ни одна деталь уже не была в пользу Запада. Потом, во Франции, я стал читать всякие умные, интересные книги. У нас по сей день в России такие книги не изданы. Я вдруг выясняю, к примеру: 1947 год, свободная французская армия подавляет восстание мальгашей на острове Мадагаскар. По моим тогдашним сведениям, 70 тысяч человек погибло, а сейчас я нашел в одной книге переводной, что якобы до полумиллиона. Это, конечно, такие

зловещие противоречия. Никто об этом не знает. Мы знали вот фасады, выкрашенные свежей краской, — как все прекрасно и здорово, а вот таких деталей не знали. Или то, что во вьетнамской войне погибли миллионы людей. Нам никогда не давали эти цифры, а сейчас они появились: четыре миллиона гражданских и миллион сто тысяч вьетконговцев.

— Ну как же вы говорите, что плюсов нет. Вы сами говорите, что советское общество значительно отставало от западного в интеллектуальном развитии, не были прочитаны вовремя нужные книги...

— В СССР как раз не прочли те книги, которые по сути своей были скорее антизападными.

— Но на Западе они свободно циркулировали...

— Это ничего не значит. У нас они тоже свободно циркулируют, и что, у нас есть демократия и свобода? Нет. Это культура, не надо ее путать с политикой. Западное общество, его верхушка трезво и умно считают, что не нужно всю культуру подчинять. Сейчас и в России то же самое.

— Советский паспорт у вас оставался все это время?

— Отобрали при выезде. Люди, которые уезжали, автоматически лишались гражданства. Мы даже платили за отказ от гражданства какую-то сумму, если я не ошибаюсь. Гражданство мне вернули специальным указом Горбачева в октябре, кажется, 1991 года, одним из последних указов. Я не писал заявления, но в одном из интервью сказал, что не понимаю, почему вернули всем, вплоть до Аксенова, а мне нет.

— По поводу Запада вас часто упрекают в неблагодарности, что вы уехали, США вас приняли и вы даже вэлфер^[3] получали, Франция вам паспорт дала, а вы теперь клеймите их...

— Никакой благодарности я ни к кому не испытываю, кроме как к своим родителям.

— Вы стали там писателем, начали публиковаться...

— Я мог стать алкоголиком или чернорабочим на всю жизнь, и они были бы счастливы. Я всего добился сам. Все страны, где я находился, — и СССР, и Запад — все желали смешать меня с дерьмом. Желали, чтобы я погиб и ничего от меня не осталось, и сейчас Россия занимается тем же. Я испытываю злорадное удовольствие от того, что я их победил, а они меня так не хотели, два раза отказывали в гражданстве. В США я никогда не просил гражданства, но мне даже грин-кард, по-нашему — статус беженца, которая полагалась через два года проживания, дали через пять, когда я уже жил в Европе и она мне уже на хрен была не нужна.

Два раза мне отказывали во французском гражданстве. Только благодаря поддержке французских интеллектуалов я его получил. Мне оно

было не нужно, но поскольку я оказался без документов, надо было что-то делать, иначе меня собирались депортировать.

То есть это все сказки, что кто-то кому-то обязан. А сколько они получили морального кредита, те же страны Запада, куда в те годы ехала русская культура — все эти музыканты, танцоры, писатели. Они получили огромный кредит, поэтому давайте не будем, кто кому чего должен».

Эпизод № 6. Арестовать Горбачева.

Кинокритик Михаил Трофименков как-то заметил, что главное предназначение большого творца — будь то режиссер, писатель или поэт (о чем большинство из них давно забыли) — это создать портрет эпохи.

Портрет советского общества времен распада империи был написан Лимоновым в книге «Иностранец в смутное время», когда в 1989 году он возвратился в СССР после двадцатилетнего перерыва. Это было совсем не то государство, из которого он уезжал. Ключевые слова — грязь и запустение. Грязные тротуары, кошмарные вокзалы и общественные туалеты, в запущенном состоянии мозги соотечественников, которые, кажется, всей страной собрались уехать на Запад, где «люди по-настоящему живут».

Перестроечный Ленинград автору в его 10–11 лет вспоминается примерно так же. Мы с родителями переехали к тому времени в Купчино, огромный новый район на юге города с одноименной станцией метро. К ней вели под ж/д путями два длинных тоннеля со стенами желтого кафеля, в которых среди грязных луж и человеческой толкотни торговали всем подряд. В моде тогда были только что появившиеся эротические плакаты. Обычно возле столиков с ними собиралась толпа мужиков, которые стояли в своих серых куртках и шапках-петушках и молча, сосредоточенно смотрели на них. Ну и я смотрел тоже, само собой.

Всяк выходящий из метро утыкался в гигантское море ларьков, возле которых все так и кишело кавказцами в кожанках. Они развлекались тем, что швыряли камнями в крыс, расплодившихся на смрадной речке Волковке с усеянными свалками берегами. «Грязь скрипит под ногами, вонючая жирная грязь... Гуляка, гуляка, я гуляка» — это о том же кричал в микрофон под гитарный скрежет в духе *Rage Against the Machine* Андрей Машнин, лидер группы «Машнин-бэнд». Это он воспевал красоты Купчина. Как раз направляясь от метро к себе домой через пустырь, он и написал эти строчки.

Позднее вонючую речку заключили в трубу, ларьки снесли и построили на их месте торговые комплексы и гипермаркеты. Всё

постепенно цивилизовалось.

И конечно, портрет эпохи — это знаменитые невзоровские «600 секунд», которые в нашей семье не пропускали ни разу. Да что там в нашей! Вечером, около 22.00, когда выходила передача, улицы и метро пустели.

Невзоров породил впоследствии целую плеяду подражателей, но до той десятиминутки ненависти с вывернутой наизнанку городской натурой — свалками, бандитскими перестрелками, теми самыми грязными рынками, — поданной в жестком и лаконичном ключе, всем им далеко. Как и самому Александру Глебовичу, проделавшему долгий путь от яростного красно-коричневого патриота через соратника олигарха Березовского и любителя лошадей до сегодняшнего не менее яростного либерала и русофоба.

А пока что Лимонов пытался достучаться до жителей и правителей катящейся в пропасть страны.

«— Каким образом вы пытались влиять на умы соотечественников после того, как стали вновь приезжать на родину?

— Я стал писать еще с 1990 года в советские газеты. Послал по почте в «Известия», и у меня опубликовали сразу несколько статей подряд. Я бы публиковался там и дальше, но сменилось руководство. Власть захватили либералы во главе с Голембиовским, и меня оттуда попросили. Я взял и точно таким же манером, по почте, послал статьи из Франции в «Советскую Россию» и там печатался в течение двух лет.

Я массу разумных вещей тогда написал, но не мог переубедить. Вы помните, что тогда творилось. Я высмеял Явлинского, который предлагал за 500 дней все переустроить. Ссылаясь на французские источники, я писал, что, например, на замену оборудования на военном заводе в Эльзасе ушли дикие деньги и десять лет времени. А ты, сумасшедший, пишешь полную х...ню про 500 дней. Они говорили такие глупости. И я понял, что меня слушали, кому-то это интересно, но я ни на что не влияю. Перед последним пленумом КПСС (летом 1990 года он, кажется, должен был состояться, а это было начало года, чуть ли не январь или февраль) я сказал в присутствии Чикина и разных больших коммунистических боссов: «Ребята, вы должны арестовать Горбачева прямо на пленуме».

— И какова была реакция?

— Они все соглашались, говорили, «да-да, пора бы». Я сказал: «Безжалостно просто арестовать, и всё, иначе конец».

— То есть никто просто не хотел на себя брать ответственность?

— Может быть, они и не мыслили, как я. Я имел в виду просто взять и

арестовать к едрене матери, скрутить руки, и всё».

В моей семье придерживались схожих взглядов по поводу Горбачева. На референдуме в марте 1991 года родители голосовали за сохранение СССР, на выборах президента России летом — за генерала Альберта Макашова. А во время августовского путча мы с бабушкой на даче играли в домино. И услышав 19 августа, как по радио зачитывают решения о создании ГКЧП, решили, что это правильно. Однако на следующий день интонации ведущих поменялись, а вскоре они уже радовались арестам участников «преступного заговора против руководства СССР», включая престарелых маршала Дмитрия Язова и участника Парада Победы генерала Валентина Варенникова.

Эпизод № 7. Шешель.

Развал СССР застаёт Лимонова на Балканах. В ноябре 1991 года он отправляется в охваченную войной Югославию, на защиту братского сербского народа. Всего таких поездок будет три: Вуковар, Босния, Сербская Крайна. Плюс еще две уже на постсоветском пространстве — в Абхазию и Приднестровье в 1992 году.

Все поездки, за исключением последней, были, выражаясь словами Лимонова, «военно-журналистскими», а вот в Сербской Краине он несколько месяцев воевал в качестве обычного добровольца. Еще во время первой поездки западные репортеры засняли, как он стреляет из пулемета по осажденному Сараеву. Видео вызвало грандиозный скандал на Западе и разговоры о том, не следует ли лишить его французского гражданства. Репортажи Эдуарда с фронтов из различных СМИ вошли в сборник статей «Убийство часового», а позже, уже в конце 2000-х годов, появилась книга «Смрт» с рассказами о балканской войне.

В Белграде Лимонов встретился с одним из колоритнейших сербских политиков — Воиславом Шешелем. Внук четника и сын партизана из отрядов Иосипа Броз Тито, родившийся в боснийском Сараеве, уже в 1980-е годы он стоял на позициях сербского национализма и борьбы с коммунистическими властями республики. За это дважды отсидел в тюрьме — по два года с лишним. К моменту распада Югославии в 1991 году Шешель основал Радикальную партию, с которой успешно выступил на выборах, став союзником президента Слободана Милошевича и его Социалистической партии в противовес прозападной оппозиции.

«— Когда вы впервые подумали о возможности создания собственной партии?

— Первая мысль о партии у меня возникла в 1991 году, когда я

встретился с Шешелем. Я имел с ним беседу на несколько часов, был у него в штаб-квартире и подумал: «А я-то что, хуже? Я, наверное, тоже смогу».

Так что, когда я увидел, как это все происходило, уже в 90-м году я был страшно разочарован, что моя журналистика никакого существенного эффекта не приносит. И в 91-м, когда я оказался в Сербии, уже после войны, я пошел к Шешелю. Меня восхищало то, что он делает и говорит, восхищало, что отряды на фронте (как у нас сейчас)^[4]. Однако у него не было разностороннего опыта.

Я уже к тому времени, прожив на Западе 15–16 лет, не доверял ни одной б...ди европейской, ни одной суке, ни одной улыбке. А у него не было этого опыта. Он же пошел и сдался Гаагскому трибуналу.

Вот начало. Тогда я понял, что самому нужно что-то делать. Прежде чем заниматься политикой, нужно овладеть ее языком. Я стал это делать. Попался по дороге Дугин, который, хоть и великий путаник, но все же некоторые вещи внес. За несколько месяцев все встало на свои места».

Помимо поездок на войны Лимонов все чаще бывает в Москве, продолжает активно публиковаться в СМИ (становится обозревателем «Советской России») и превращается в узнаваемого и популярного деятеля оппозиции. 23 февраля 1992 года он в первых рядах многотысячной колонны под красными и имперскими флагами штурмует самосвалы, выставленные на Тверской, чтобы предотвратить прорыв к Кремлю. 17 марта участвует в работе Съезда народных депутатов СССР в подмосковном поселке Вороново. Съезд был объявлен нелегальным, в зале отключили электричество, поэтому он проходил при свечах. Затем выступает на Народном вече на Манежной площади, забитой людьми от края до края — сотни тысяч людей пришли требовать отстранения президента Ельцина от власти.

«— Можно было совершить мирную бескровную революцию 17 марта 1992 года. Пятьсот тысяч человек стояли на Манежной. Перед Анпиловым, на двух грузовиках мы стояли все. Никто не догадался просто повернуть все эти массы народа к Кремлю и зайти туда. Милиция была прикрыта только какими-то деревянными корытами, а не щитами. Все можно было сделать.

— А вас бы не послушали тогда?

— Нет. Я был просто интересный, свой в доску, эмигрант, недавно приехавший. Я это понял именно в этот день. Когда был съезд в Воронове, когда я бегал — есть свидетели — и говорил: что вы делаете? Они там решили проголосовать за постоянный президиум Верховного Совета СССР.

Мы же накануне ночью — я был на сходке для своих, где был генерал Макашов, был ныне покойный Илюхин, — мы сидели в комнате и говорили, что нужно делать параллельное правительство. Договаривались о том, что на этом сходе у гостиницы «Москва» будет объявлен диктатор — генерал Макашов. Диктатор по-ребячески звучит. Но собрались на этот съезд в Воронове — ехали, на три километра машины растянулись, журналисты, там была четверть депутатов Верховного Совета СССР, только что распушенного в конце прошлого года. Можно было все сделать. И только трусость... А мы бегали, хватали «черных полковников», Алксниса за лацканы и говорили, что вы делаете, надо объявлять прямо сейчас со сцены...»

Вскоре на короткое время Лимонов сближается с набирающим популярность Владимиром Жириновским и даже занимает пост министра госбезопасности в теневом кабинете ЛДПР. Впрочем, увидев стремление Жириновского встроиться во властную систему, а не бороться с ней, Эдуард порвал с ЛДПР и вместе с другими недовольными организовал Национал-радикальную партию.

Учредительный съезд партии прошел 22 ноября 1992 года не где-нибудь, а на даче заместителя Жириновского Алексея Митрофанова в элитном подмосковном поселке Николина Гора. В нем принимало участие около тридцати человек, председателем был избран Лимонов. Правда, уже в январе партия раскололась. Председатель ушел из-за разногласий с соратниками — разошелся с политтехнологом и лидером панк-группы «ДК» Евгением Жариковым и бывшим пресс-секретарем ЛДПР Андреем Архиповым на почве того, что те исповедовали язычество, которое Эдуард относил к примерам «извращений национализма». В дальнейшем партия тихо умерла, никак не проявив себя на политическом поприще, но оставшись тем не менее в истории как прямая предшественница НБП.

Глава вторая

РОЖДЕНИЕ ПАРТИИ

Появление на свет политической партии, призванной оставить след в истории, или, по выражению Мао, «группы людей, связанной воедино «измом», не бывает одномоментным. Это всегда длительный процесс, в котором имеет большое значение датировка. Какое именно событие берется за точку отсчета?

Как правило, это первый партийный съезд. Так было у российских социал-демократов, объединивших несколько разрозненных марксистских кружков в Минске в 1898 году. То же самое у китайцев. Последователи Маркса и Ленина числом 15 человек (самому младшему 19, старшему — 45 лет) в 1921 году собрались в общежитии женской гимназии в Шанхае, а через несколько дней переместились в дом одного из участников съезда, куда вскоре нагрянула полиция, лишь случайно не обнаружившая в ящике стола свеженаписанный «Манифест КПК». Поэтому участники съезда провозгласили создание партии, которая через несколько десятилетий объединит сотни миллионов человек, наняв большую лодку для катания на пруду и выкрикивая лозунги: «Да здравствует Коммунистическая партия Китая!», «Да здравствует коммунизм — освободитель человечества!»

Круче китайских товарищей с лодкой были только камбоджийские, проводившие в 1960 году первый съезд Кхмерской народно-революционной партии в заброшенном товарном вагоне на железнодорожных путях близ вокзала Пномпеня. Тогда Пол Пот вошел в состав ЦК партии и возглавил комиссию по отбору кадров всех уровней.

Несколько иначе обстояли дела в Германии, в которой политическая жизнь вращается вокруг пивных и закусочных. Немецкая рабочая партия, как известно, была создана 5 февраля 1919 года в мюнхенской пивной «Штернекенброй», где объединились Политический рабочий союз с Союзом независимых рабочих. У ее истоков стояли слесарь Антон Дрекслер и журналист Карл Харрер, к ним присоединился Адольф Гитлер, и партия начала свое завораживающее и чудовищное шествие по временному пространству XX века.

Процесс создания Национал-большевистской партии не был одномоментным. За основу могло быть взято несколько дат, как то:

1 мая 1993 года — день подписания Лимоновым и Александром

Дугиным приказа о создании Национал-большевистского фронта.

8 сентября 1993 года — день регистрации НБП в Минюсте в качестве общественной организации.

28 ноября 1994 года — день выхода первого номера газеты «Лимонка».

С философом Александром Дугиным, участником эзотерических кружков московского подполья в 1970—1980-е годы, побывавшим членом общества «Память» и РНЕ, а также считавшимся главным идеологом российских «новых правых», Лимонов познакомился в 1992 году на вечере газеты «День». Они немедленно нашли общий язык и составили политический союз.

Как образно выражался Дугин, в их тандеме Лимонову отводилась роль короля Артура, то есть политического лидера, а самому Александру Гельевичу — Мерлина, жреца, ловца душ и идеолога.

«Мерлин», владеющий восемью языками, выступал первооткрывателем целых идеологических пластов. Автор наряду с другими партийцами зачитывался его журналом «Элементы», узнав из него о существовании философов-традиционалистов Рене Генона и Юлиуса Эволы, геополитиков Карла Хаусхофера и Карла Шмитта и многих других важных имен для интеллектуальной карты Европы XX века.

Впоследствии стало понятно, что Дугин — не столько самостоятельный мыслитель, сколько толковый компилятор, соединявший различные теории и идеи, а также популяризатор несистемных западных философов. Что нисколько не отменяет ценности этой его деятельности.

Но главное — именно Дугину партия обязана своим названием и представлением о национал-большевизме и его истории.

Исторически своими корнями национал-большевизм восходит к Советской России и Германии 1920—1930-х годов^[5]. Национал-большевиками называли тех русских интеллектуалов и общественных деятелей, кто принял советскую власть, считая ее действующей в традициях русской истории. Наиболее известной фигурой среди них был бывший кадет и участник Белого движения Николай Устрялов, который, находясь в эмиграции, пересмотрел свои взгляды и с удовлетворением описывал эволюцию советской власти в имперском направлении. Выделяют также встречное течение в самой партии большевиков, апеллировавшее к русской истории, к патриотизму и отчасти восторжествовавшее при Сталине.

Что до немецких национал-большевиков, то их отцом-основателем считался Эрнст Никиш. Они призывали к союзу с Советской Россией в борьбе с американским и английским капитализмом, к строительству

евразийской империи на социалистических началах. Здесь было принципиальное отличие от национал-социалистов. Никиш написал после их прихода к власти книжку «Гитлер — злой рок для Германии», за что и угодил в концлагерь.

Национал-большевистская идеология не имеет своего центрального труда, вроде «Капитала», и представляется довольно эклектичной. Вместе с тем было важно, что она имела свою традицию, что ее разделяли выдающиеся интеллектуалы своего времени, а главное — что она носила живой, творческий характер. Отцы-основатели не боялись скрещивать нескрещиваемое и создавать удивительный для современников синтез право-левых идей. Так и Лимонов с Дугиным не боялись объединения понятий о социальной и национальной справедливости, сближения левых и правых радикалов против системы. Как видно, для Эдуарда это было вполне естественно — такой же синтез он пытался осуществить ранее во Франции, хотя и не преуспел. В России начала 1990-х годов жизнь была разнообразнее, а простор для деятельности оказывался шире, хотя быстро укреплявшаяся государственная машина вскоре мало что оставила от этого буйства цветов и красок.

Вторым важным постулатом национал-большевизма, передавшимся сквозь десятилетия истории, стала приверженность идее единого евразийского пространства. Поэтому даже в годы союзов с либералами и восстания против власти нацболы видели себя действующими в интересах большой России в границах Российской империи и СССР, а не против нее. Именно так понималась национальная справедливость, с борьбой за это связана вся партийная история.

Приказ о создании Национал-большевистского фронта Лимонов с Дугиным набросали буквально на коленке на Горбатом мостике возле Белого дома после первомайской демонстрации 1993 года. То шествие стало одной из пиковых точек в противостоянии режима и вышедших на улицы граждан. После столкновений с ОМОНОм на Гагаринской площади более двухсот человек оказались в больницах, а один страж порядка погиб.

«Приказ № 1. О создании Национал-большевистского фронта.

Политическая борьба в России достигла критической точки. Фаза сопротивления исчерпала себя, потому традиционная оппозиция (лишь эмоциональная, лишь протестантская) исчерпала себя. Период сопротивления закончился, начинается период национального восстания.

Новый этап борьбы требует новых методов, новых форм и новых инструментов политической борьбы. Поэтому мы считаем необходимым создание радикальной политической и идеологической структуры нового,

небывалого типа, призванной адекватно ответить на вызов Истории. Да будет национал-большевизм!

Что такое национал-большевизм? Слияние самых радикальных форм социального сопротивления с самыми радикальными формами национального сопротивления есть национал-большевизм. До настоящего времени две идеологии — национальная и социальная — объединялись на уровне компромисса, прагматичного временного союза, в национал-большевизме они сольются в нераздельное целое. Попытки объединить эти идеологии предпринимались на протяжении всей Новейшей Истории. (От якобинцев, через Устрялова и Никиша, до «Юной Европы» Тириара.) Мы намерены осуществить это важнейшее слияние. Мы понимаем социальную революцию как синоним национальной революции и национальную — как синоним социальной.

Наши цели и задачи: устранение от власти антинациональной хунты и режима социальной диктатуры подавляющего меньшинства; установление нового порядка, основанного на национальных и социальных традициях русского народа».

Документ был подписан четырьмя организациями — Национал-радикальной партией, Фронтом национального революционного действия, Движением в поддержку Кубы, Движением новых правых. Все они существовали в основном на бумаге, однако Фронту удалось провести две демонстрации с участием молодежи из числа левых и правых радикалов — 9 мая и 22 июня. Уже к августу из-за внутренних противоречий объединение развалилось. Тогда Лимонов с Дугиным приняли решение создавать свою партию, а помогать им вызвался студент юридического факультета Тверского университета Тарас Рабко. Первым делом было решено подать документы на регистрацию, дабы застолбить за собой название. На сегодняшний день это невозможно без санкции Кремля, а тогда система еще только формировалась, и 8 сентября Рабко получил документ о регистрации московского областного отделения Национал-большевистской партии.

В это же время на горизонте появляется третий отец-основатель НБП — легендарный сибирский панк, основатель и лидер группы «Гражданская оборона» Егор Летов. О Летове сообщил Лимонову в одном из писем Рабко, переслав его интервью, где тот цитировал «Дисциплинарный санаторий», и отметив, что «он — наш Человек! Он нам нужен».

Дело тут было не только в популярности Егора — как помнят многие, в начале 1990-х в каждом подъезде под портвейн и гитару подростки орали «Все идет по плану» и «Ходит дурачок по лесу» (автор — не исключение),

а надпись ГО соперничала по частоте с самым популярным трехбуквенным русским граффити, — но и в идейной, и в стилистической близости. В середине 1980-х Летов со товарищи был анархистом и бунтовал против отмирающей советской бюрократии, за что и подвергался гонениям вплоть до принудительного лечения в омской психушке. Однако пришедшая на смену ей действительность 1990-х оказалась куда омерзительнее, и Егор нашел свое место на противоположном ельцинскому режиму полюсе.

Соответствующим образом начали меняться тексты его песен. В оригинале композиции «Харакири» сказано:

А цель оправдывает средства — давай
Убивай, насилуй, клевети, предавай
Ради светлого, светлого, светлого, светлого
Здания идей Чучхе.

Подразумевалась человеконенавистническая сущность коммунистической идеологии (и северокорейской как ее наиболее радикальной формы). А после расстрела парламента в 1993 году убивать, насиловать, клеветать и предавать стало нужно:

Ради светлого, светлого, светлого, светлого
Храма Демократии.

Появились в репертуаре группы и новые композиции. Теперь Летов безо всякой иронии — и весьма проникновенно, внося новые нотки в официозную песню застойных времен, — пел: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди». А северокорейская тематика выражалась песней китайского народного добровольца времен войны 1950–1953 годов:

К нам он шел, тот китаец молодой,
Шел наш брат, чтоб в сражении нам помочь.
Чтоб помочь нам справиться с бедой,
Гнать американцев прочь!

«Содержание у Егора правильное, а вот музыка не наша, слишком западная, форма хромает пока...» — так, помнится, автора, заглянувшего

как-то со значком ГО в штаб Российской коммунистической рабочей партии (РК.РП) году в 1994-м, поучал ее бессменный вождь Виктор Тюлькин.

У нас ничего не хромало. Летов получил партбилет НБП под № 4. Принято считать, что если Дугин среди отцов-основателей олицетворял правое начало, то Летов — левое, красное, как ни парадоксально, советское. Толпы панков восторженно приветствовали находившегося на пике популярности после своих самых мощных альбомов «Прыг-скок» и «Сто лет одиночества» музыканта, создавшего национал-коммунистическое рок-движение «Русский прорыв» и выступавшего теперь под красными и партийными флагами на концертах и уличных митингах. Побойщем с милицией едва не закончился Первомай 1994 года, где Егор с грузовичка, стоя рядом с Лимоновым и Виктором Анпиловым, пел свою новую песню «Родина». Безусловной же вершиной деятельности Летова стало выступление с концертом и интервью в «Программе А» Сергея Антипова в 1994 году, где он в прямом эфире одного из ведущих телеканалов, РТР, призвал к революции против ельцинского режима. До сих пор неясно, как такое проглядели спецслужбы и телевизионное начальство... Впрочем, мы забежали несколько вперед, у нас пока на дворе 1993 год.

Вернувшись из Парижа в Москву, Лимонов попадает в самую гущу разворачивающейся политической драмы. До сих пор предметом особой гордости для него служит тот факт, что его подпись как главы НБП стоит седьмой по счету под обращением защитников Белого дома. В первые дни его обороны он находится внутри здания. На одной из редких сохранившихся фотографий из Верховного Совета Лимонов запечатлен в компании Александра Проханова, Виктора Алксниса и Александра Невзорова. (Много лет спустя в одном из интервью тот утверждал, что Эдуарда никогда не видел и «нас никогда не сводила судьба там, где было по-настоящему опасно и серьезно — хоть в 1991-м, хоть в 1993-м», — но явно лукавил.) Затем Лимонов участвует во всех ключевых событиях тех кровавых дней — в захвате московской мэрии, попытке прорыва к осажденному парламенту, штурме «Останкино», в ходе которого чудом не был ранен или убит огнем спецназа из здания.

Лучший портрет эпохи дан в песне Натальи Медведевой:

На Манежной снег, снег мокрый.
В небе — серп и молот, крест, триколор блеклый.
В переходе — склизь, грязь, темень.
На листовках — Ельцин, Лимонов, Ленин.

На Центральном ананасы, киви, лимоны.
На Центральном весь Кавказ — лица темны.
На Цветном очередюга — метров сто.
В кровь избили белолицего за воровство
Тары!

Мне вдруг вспомнилась весна, и как в ночи
Я гуляла по Калининскому в юности.
«Волги» желтофарые, как грачи,
Проносились мимо, и без трусости
Я гуляла по московской ночи,
Но сегодня об этом молчи.
В тупике метро, где Ленин без рук, стоишь потным.
Прет толпа на переход препаратом рвотным.
Черным атомным грибом застыл парламент.
Мы, конечно, скажем «Да!», как отрекламят.

Все это была Москва-1993...

До сих пор неизвестно, сказало ли тогда население «да» новой конституции, принимавшейся одновременно с выборами, которую усиленно рекламировали власти. Есть мнение, что итоги референдума были просто «нарисованы».

Отсидевшись несколько недель на квартире у Рабко в Твери, после объявления о назначении выборов Лимонов решает выдвинуться в Государственную думу. Обратившись к Геннадию Зюганову за поддержкой, он получил обещание, что КПРФ в этом округе никого выдвигать не собирается и поможет ему. Однако затем свое обещание коммунисты нарушили, выдвинув ставшую в итоге депутатом Татьяну Астраханкину.

Предвыборная кампания произвела на Эдуарда самое удручающее впечатление.

«— Мы идеологически были в жутком состоянии, никто ничего не понимал, я приезжал, например, в 1993 году к шахтерам. Со мной они как самые отпетые либералы говорили. Я говорил: «Надо продавать оружие, на фига перестали продавать?» И мне шахтеры, чумазые, только из шахты, целый зал шахтеров, говорили: «Да нет. Как вы можете такое говорить». Я смотрел на этих шахтеров, и мне хотелось заплакать от бессилия, потому что если людей за несколько лет перестройки и реформ вот так

обезобразили, это чудовищно. Особенно повлиял на меня еще опыт первых парламентских выборов 1993 года. Когда я увидел избирателя — в основном землистого цвета старух и стариков, я приехал и сказал Дугину: «Надо заходить вообще с другой стороны, потому что эти люди в своих средневековых категориях живут. Нам нужна молодежь, на которую можно зайти с другой стороны. Например, со стороны культуры».

Именно эту задачу и выполнила «Лимонка». Хотя партия де-юре уже существовала более года, по факту людей в ней не было. Поэтому дата выхода газеты — 28 ноября 1994 года — и считается днем рождения партии. В ту до-интернетную эпоху вокруг газеты сформировалась партийная структура.

Первый номер был снабжен фотографией троих отцов-основателей НБП, лозунгом «Россия — всё, остальное — ничто!», «Лимонкой в Проханова», интервью с Егором Летовым и опусом Дугина «Новые против старых». Там же появилась очень живучая и сохранявшаяся до последних номеров рубрика «Как надо понимать», в которой разъяснялись различные текущие новости.

Передовица гласила:

«Лимонка» обязана своим рождением оппозиционным газетам, а точнее, тому обстоятельству, что после выборов 12 декабря 1993 г. они перестали быть свободными изданиями всей оппозиции, но поддерживают лишь официозный истеблишмент ее. «Лимонка» обязана своим рождением настроением революционной молодежи, напору масс, требующих все большего радикализма в оппозиционной политике.

«Лимонка» обязана своим рождением расколу оппозиции на «старых» — консерваторов и «новых» — революционеров. Да здравствуют раскол, ампутация, чистка! «Лимонка» появилась потому, что время верхушечных заговоров вельмож номенклатуры (гэкачеписты, октябристы 93-го г.) прошло и наступило время выйти на авансцену истории вершителям и созидателям НАЦИОНАЛЬНОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Потому вот «Лимонка». Цель — сделать ее еженедельным изданием, а пока она будет выходить настолько часто, насколько будет возможно. Партайгеноссе Александр Дугин работает для нас, точнее, для себя, так как «Лимонка» после «Элементов» ему второй дом родной. С нами — и ведет рубрику — товарищ Егор Летов. Рубрику «Железный марш» обещал вести Сергей Троицкий (Паук). С нами наглый хулиган Ярослав Могутин. Женское начало представляет Марго Фюрер. Редактор газеты — я, лидеры Национал-большевистской партии в Ростове-на-Дону — Олег Гапонов и Иван Трофимов — будут курировать культуру. Уверен, приблизятся и еще

талантливые люди. А кто не с нами — тот против нас».

Могутин — поклонник Лимонова, прибывший в столицу из Кемерово. Этот молодой скандальный журналист и стал автором названия газеты. Его тексты считаются одним из выдающихся образцов трэш-журналистики начала девяностых. После выхода в 1994 году в газете «Новый взгляд» статьи «Чеченский узел, 13 тезисов» против него было возбуждено уголовное дело за разжигание национальной розни. Могутин уехал в США, где получил политическое убежище, и оттуда продолжал слать в «Лимонку» желчные тексты теперь уже об американской жизни.

Как-то банально даже писать о том, что влияние «Лимонки» на поколение 1990-х, причем не только на партийцев, было огромным. Большинство тех, кто позже заняли важные позиции в журналистике, пиаре, культуре, а иногда и в государственных структурах (от либерального журналиста Олега Кашина до кремлевского политтехнолога Павла Данилина), были ее внимательными читателями.

Газета — как часы, особенно в первое время — выходила раз в две недели. Лимонов уделял ей массу времени: он редактировал ее, сам писал «колонки вождя», исторические тексты под своей фамилией и под псевдонимами, вычитывал и правил макет, а также лично, вооружившись ножницами, вырезал и выклеивал крупные лозунги и фотографии (первые номера были клееными, а потом уже это все переводилось на пленку). Особенно круто выглядели первые 30 номеров: крупный рубленый шрифт, большие фотографии, необычная для газет толстая бумага, большой формат — А2. «Лимонку» и сегодня приятно взять в руки, Интернет такого эффекта не дает, хотя большинство из 345 номеров газеты выложены в сетевом архиве.

Так продолжалось до 1999 года, когда на посту редактора Эдуарда сменил Алексей Вольщев. Но то была уже другая эпоха, и газета тоже серьезным образом изменилась.

А тогда, поскольку партия еще только создавалась, в газете было мало текущих новостей. По сути ранние «Лимонки» — чистый образец стиля, формировавшего новое сознание.

Примером изменения сознания является и сам автор. Однажды я приобрел газету у одной из бабушек, продававших оппозиционную прессу на Невском возле Гостиного Двора, у так называемой «стены плача». Власти периодически пытались разогнать собиравшихся там завсегдаев коммуно-патриотической тусовки, затеявая различные ремонты, а петербургские либералы совершали против продавцов агрессивные вылазки. Так, однажды парни из организации «Молодые христианские

демократы», близкой к либеральной депутатше Госдумы Галине Старовойтовой, во главе с ее помощником, будущим депутатом от «Единой России» и столпом православной духовности Виталием Милоновым, напали на одну из пенсионерок, побили ее, а газеты отняли. Однако бабки оказались очень живучи и стоят на Невском до сих пор.

Так вот, «Лимонка»... Оппозиционную прессу я читал и раньше. Но «Лимонка» отличалась от нее кардинальным образом. На ее фоне даже прохановские «День» и «Завтра», не говоря уже о чикинской «Совраске», выглядели как нечто совершенно замшелое и скучное.

В моей коллекции первыми идут номера 24–25 «Лимонки», это конец 1995 года. В рубрике «Легенда» там публиковались истории из жизни «красной валькирии» Ларисы Рейснер, румынского железного капитана Корнел иу Кодряну, последнего камикадзе Юкио Мисимы, лимоновского приятеля Боба Денара. А дугинская апология Савинкова содержала строчки, которые сегодня точно были бы признаны экстремистскими: «Мы так хотим, так страстно желаем Утреннюю звезду. На дворе 1905 год. И нам снова и снова кажется, что губернатор все еще жив. Выйди на улицу и...» В общем, каждый номер прочитывался от корки до корки.

«Лимонкой», а также газетой «Завтра» автор троллил учителей в школе. Дело в том, что я учился тогда в петербургской Классической гимназии, основанной известным историком Львом Лурье. Заведение весьма специфическое, где по усиленной программе проходили математику, историю, иностранные языки, а также — латынь и древнегреческий. Если с историей было все в порядке и я с удовольствием изучал царские династии Ура и Аккада, а слова «ассирийские военные зверства» и вовсе звучали для моего уха как музыка, то с мертвыми языками дело не задалось. Латынь еще можно было как-то освоить, и «Записки о Галльской войне» Цезаря с его сухим языком «первый легион идет сюда, второй — туда», в общем, стоили того, чтобы быть прочитанными в оригинале, то с древнегреческим все было очень плохо.

Вообще именно изучение древних языков навсегда привило автору отвращение к античности как фундаменту западной цивилизации с ее представлениями о демократии, праве и человеческой индивидуальности. Вслед за Константином Леонтьевым, описывавшим похожие ощущения при знакомстве с древней историей, я всегда сопереживал персам в боях с греками (хотя общепринятой является прогреческая версия), Карфагену и парфянам — в войнах с римлянами и шире — Востоку против Запада. Тот же Леонтьев, Василий Розанов, русские евразийцы, Лев Гумилев: все это было тогда мною прочитано, после чего вполне логичным образом

появился и Дугин с национал-большевизмом. А учителя в Классической гимназии были поголовно питерская либеральная интеллигенция, и высшим удовольствием было, сидя на первой парте, демонстративно открыть газету «Завтра», где на первой полосе написано что-то вроде «Тель-авиденье», и смотреть, как у них глаза наливались кровью. В итоге, как написал в своей книге «Путь хунвейбина» Дмитрий Жвания, «Дмитриев ушел оттуда из-за «засилья либералов». В гимназии он прослыл антисемитом». Антисемитом я, разумеется, не был и с тем же Лурье всегда поддерживал хорошие отношения. Но гимназию вскоре действительно бросил.

Одновременно с «Лимонкой» в 1994 году была отпечатана небольшая книжка кисельного цвета (или, как шутили нацболы, цвета «женских трусиков эпохи сталинизма») — первая программа партии. Она практически полностью копировала опубликованный в «Советской России» летом 1993 года лимоновский «Манифест российского националиста».

В 1996 году в «Лимонке» был напечатан расширенный вариант программы — Дугин добавил туда пункты о геополитике и основанной на принципе прогрессивной национализации экономике. Та программа действовала до 2004 года, когда на съезде приняли новую, но и старая по настоянию председателя партии при этом не была отменена и осталась своеобразным партийным канонem.

Провозглашалось, что «сущность национал-большевизма — испепеляющая ненависть к античеловеческой СИСТЕМЕ троицы: либерализма/демократии/капитализма. Человек восстания, национал-большевик видит свою миссию в разрушении СИСТЕМЫ до основания». В качестве врагов обозначены внешние: «Большой Сатана — США и мондиалисты Европы, объединенные в НАТО и ООН». И внутренние: «Класс «пиджаков» — бояр-чиновников, мародеры — новые русские, космополитическая интеллигенция».

Глобальной целью было объявлено «создание Империи от Владивостока до Гибралтара на базе русской цивилизации. Цель будет достигнута в четыре этапа: а) превращение РФ в национальное государство Россию путем Русской Революции; б) присоединение населенных русскими территорий бывших союзных республик; в) сплочение вокруг русских евразийских народов бывшего СССР; г) создание гигантской континентальной Империи».

Соответственно выдвигалось требование денонсации Беловежского договора и объединения всех русских в одном государстве. «Территории отколовшихся от нас «республик», где русское население составляет более

50 %, будут присоединены к России путем проведения местных референдумов и их поддержки Россией (Крым, Северный Казахстан, Нарвский р-н и пр.). Стремления нац. меньшинств к сепаратизму будут безжалостно подавлены».

Во внешней политике декларировался поворот лицом к Азии. «На континенте возможна дружба с Германией, Ираном, Индией, Японией».

В экономике планировалось создание Русского Социализма, с принадлежностью земли государству, а также исключительным правом продажи им нефти, газа, драгоценных металлов и оружия. Результатом должно было стать создание полной хозяйственной автаркии (самодостаточности) России.

Ключевым для нацболов было и остается определение понятия «русский»:

«НБП не левая и не правая, но национальная партия русских. Русский определяется не по крови и не по вероисповеданию. ТОТ, КТО СЧИТАЕТ РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКУЮ КУЛЬТУРУ СВОИМИ, ИСТОРИЮ РОССИИ — СВОЕЙ ИСТОРИЕЙ, КТО ПРОЛИЛ и готов ПРОЛИТЬ СВОЮ И ЧУЖУЮ КРОВЬ ВО ИМЯ РОССИИ И ТОЛЬКО РАДИ НЕЕ И НИКАКОЙ ДРУГОЙ РОДИНЫ И НАЦИИ НЕ МЫСЛИТ, ЕСТЬ РУССКИЙ».

В разделе «Кадры» утверждалось, что «НБП опирается в своей деятельности исключительно на активное меньшинство. Прежде всего на социально неудовлетворенную молодежь: провинциалов, «предпринимателей», рабочих, военных, студентов, маргиналов, милиционеров. Кто был ничем, тот станет Дзержинским, Геббельсом, Молотовым, Ворошиловым, Чиано, Герингом, Жуковым. Россия вся будет принадлежать нам».

Лозунг НБП: «Россия — всё, остальное ничто!» Приветствие: выброшенная вперед и в сторону рука со сжатым кулаком и возглас: «Да, смерть!» Знамя красное, с белым кругом посередине, в круге черные серп и молот. Партийный символ: изображение гранаты-лимонки.

Автором партийного флага и эмблемы-лимонки стал художник Дмитрий Кедрин. Он оформлял книги Лимонова, выходившие в издательстве «Глагол», и поставил черный серп и молот в белом круге на красном фоне на обложку сборника «Исчезновение варваров» еще в 1992 году. А затем по просьбе Эдуарда смакетировал и первый номер газеты.

Любопытно, что художник приходится внуком и полным тезкой первоклассному советскому поэту Дмитрию Кедрину — автору стихов про то, как солдатский огонек горит в сталинской трубке, а также

монументальной поэмы «Христос и литейщик». На самой известной фотографии поэт Кедрин запечатлен в футуристических очках в виде гаек, вполне в стиле газеты, появившейся через полвека после его трагической гибели под колесами подмосковной электрички.

Помимо программы существовали еще законодательные предложения НБП, печатавшиеся в «Лимонке» в 1993–1996 годах и потом объединенные в сборнике «Программные документы», к примеру:

«Поддержите русского производителя! Покупайте только русские товары! Рубль — да, доллары — нет!»

Или:

«Требуем изменения границ! Требуем проведения референдумов в русских землях в «республиках» и последующего присоединения их к России! Нарва, Севастополь, Луганск, Харьков, Семипалатинск — русские города!»

Или:

«Опустим железный занавес! Требуем послать Международный валютный фонд на три буквы! Требуем закрытия границ для иностранных товаров!»

Отец питерского нацбола Владимира Линда, голландец и бывший губернатор провинции Ява в Индонезии Яап Линд, когда его сын попал в тюрьму за участие в захвате приемной администрации президента, писал в открытом письме российскому руководству, что первая программа партии выглядит как «полный абсурд». Но ведь русские вообще часто кажутся европейцам абсурдными, а некоторые пункты программы спустя много лет были успешно претворены в жизнь Кремлем...

В течение первых полутора лет издания в газете вышли «Лимонки в...»:

Проханова;

либералов;

стукачей-интеллигентов;

Сергея Ковалева;

телегенералов;

избирателя;

противников войны;

устроителей выборов;

статью закона РФ о СМИ;

власть чиновников;

политических чудовищ (Руцкого и Рыбкина);

церковь;

хорватов;
мирную жизнь;
временное правительство;
зверей и их обожателей (чеченских террористов);
племя Черномырдиных;
парламент;
толпу;
женщину;
избирательные блоки;
выборы;
стадо избирателей;
телеящик;
стабильность;
народ.

Как видно, огонь велся во все стороны, не исключая и народные массы, перед которыми политикам положено заискивать. Однако в первую очередь период становления «Лимонки» и партии (с конца 1993-го по лето 1996-го) был периодом штурма и натиска не столько в отношении власти, сколько тогдашней оппозиции. (Этим он очень напоминает 2011–2013 годы, посвященные размежеванию с «болотной» оппозицией и ее критике.) Шанс на взятие власти, имевшийся в 1992 и 1993 годах, когда на митинги под красными флагами выходили огромные толпы народа, был упущен и раздавлен танками в черном октябре. А дальше оппозиция быстро разделилась на системную и несистемную. В Государственной думе оказались КПРФ и ЛДПР, обеспечившие легитимность ельцинской власти, а уличные трибуны красных и коричневых — Виктор Анпилов и Александр Баркашов — остались на улице с редющим числом соратников. Поэтому стрелы гнева Лимонова были направлены в первую очередь против парламентских оппозиционеров, вроде Геннадия Зюганова, Владимира Жириновского и Ивана Рыбкина.

В одном из первых номеров «Лимонка» приветствовала начавшуюся в конце 1994 года первую чеченскую войну. Эдуард от имени руководства НБП даже обратился к президенту Борису Ельцину и премьер-министру Виктору Черномырдину с призывом «обопритесь на нас» и предложением о встрече с «лидерами партий, поддерживающими вашу политику». Обращение, как и следовало ожидать, осталось без ответа.

Другой программной темой, начиная с ранних номеров, был Крым и украинский вопрос. В газете регулярно публиковались отчеты о пророссийских акциях и волнениях в Севастополе, в частности — одного

из организаторов русского движения города Анатолия Круглова, а также лидера «Движения славянского единства» Олега Бахтиярова из Киева.

Особое негодование Лимонова вызвало упразднение поста президента Крыма весной 1995 года. «Подлые украинские власти ликвидировали 17 марта президентство Крыма, — писал он в статье «Весенние страсти». — Просчитав, что Россия, связанная войной в Чечне, проглотит оскорбление. Черноморский флот мог бы навести порядок в Крыму, но где приказ?.. В Крыму нужно было воевать. Выдать наглým Киева последний ультиматум и затем сократить их недвижимое имущество до размеров Киевской области и Западной Украины. Отдать город, политый русской кровью, — значит отказаться от истории, продать душу дьяволу, стать жалким народом, которого всякий может пнуть ногой».

А первой партийной акцией, которая освещалась в «Лимонке», был митинг возле консульства Украины под лозунгами «Крым — русский, хохлов — в Канаду!» и «Государства Украины не существует» с требованием разорвать с ней дипломатические отношения.

Понятно, что такое издание даже в относительно свободные 1990-е годы быстро привлекло внимание компетентных органов. В 13-м и 16-м номерах газеты появились тексты Лимонова «Черный список народов» и «Лимонка в хорватов». В них Эдуард вспоминал о зверствах хорватских усташей во время Второй мировой войны и о виденных им самим в Югославии адских картинах, припомнил сотрудничество с гитлеровской Германией значительного числа чеченцев и крымских татар и «подвиги» чехословацкого корпуса во время Гражданской войны. «Плохие народы существуют. Коллективная вина народов существует», — был его вывод, которым он оправдывал сталинские переселения народов. В результате Министерство печати вынесло предупреждение «Лимонке» за публикацию этих статей, а Хамовническая межрайонная прокуратура возбудила уголовное дело в отношении автора по статье 74 УК РФ (разжигание межнациональной розни, оскорбительные характеристики чеченцев, хорватов, латышей, чехов, словаков, крымских татар, призывы к войне), которое, правда, через пару месяцев было прекращено.

Второй после газеты важнейшей составляющей партийного строительства стал бункер. После выхода первых же номеров «Лимонки» руководство «Советской России» во главе с бессменным Валентином Чикиным попросило Лимонова с Дугиным освободить занимаемое ими в редакции помещение. Те отправились в Москомимущество — и (о либеральные ельцинские времена!) — получили по символической цене в аренду подвал неподалеку от центра столицы, на 2-й Фрунзенской улице,

дом 7. До этого там располагались коммунальные службы, и Лимонов вместе с Дугиным и первыми нацболами сам клал бетон, ставил двери и расширял окна, чтобы приспособить подвал для жизнедеятельности радикальной партии.

Спустившись по железным ступенькам, всяк входящий в логово НБП попадал в зал, где висел огромный плакат «Вставай, проклятьем заклейменный!» с направляющим на тебя пистолет Фантомасом работы Александра Лебедева-Фронтowa. Под плакатом находился стол с печатной продукцией — «Лимонками», дугинским журналом «Элементы» и его же книжками. За столом размещался принимавший посетителей дежурный.

Слева от входа находился небольшой кабинет Лимонова (в нацбольском просторечии — «вождяцкая»), где Эдуард работал и принимал посетителей. Далее коридор вел мимо кухни, оклеенной старыми «Лимонками», где партийцы обычно ели бомж-пакеты с лапшой, пили чай и беседовали, к другим помещениям — залу для собраний и занятий спортом и комнатам, где жили завсегдатаи бункера. При необходимости помещение могло вместить довольно много народу, что и происходило в дни партийных съездов и иных общероссийских мероприятий, когда сюда съезжались сотни молодых людей из разных российских городов.

Для того чтобы следить за порядком среди нередко буйных обитателей штаба и поддерживать сухой закон, была введена должность «бункерфюрера». Первым был Максим Сурков, а затем его бессменной преемницей стала Ольга Шалина.

Бункер обживался, в партию пошли люди, стали появляться региональные отделения. К осени 1995 года, когда были назначены внеочередные выборы в Думу (предыдущая выбиралась на два года — переходный период после расстрела Белого дома), Лимонов и Дугин решили баллотироваться в депутаты соответственно по 194-му московскому округу, к которому были приписаны избиратели Севастополя и Крыма, и в Питере по 213-му округу.

Одним из знаменитых эпизодов той дугинской кампании стал приказ мэтра питерским нацболам и сочувствовавшим, работавшим на него, перед днем голосования разрезать по яблоку и медитировать, глядя на него. Планировалось, что это неминуемо приведет к поражению кандидата от «Яблока» Анатолия Голова (который выборы в итоге и выиграл).

Затея оказалась не слишком удачной, а результаты — провальными. Лимонов получил 1,91 процента (13-е место в округе); Дугин — 0,87 процента (18-е место). Лозунги, вроде «У Лимонова честное лицо» или «Тайное станет явным», избирателей не тронули. Лидеры НБП оказались

слишком экзотичны и радикальны для масс, предпочитающих выбирать между привычными чиновниками, как тогда говорили, «крепкими хозяйственниками», и коммунистами, а в случае Петербурга — демократами яблочного типа.

Забегаая вперед отметим, что все без исключения попытки Лимонова участвовать в выборах — а он предпримет их еще несколько — будут провальными. Как и для его соратников (исключения, вроде избранной мэром города Коврова Владимирской области в конце 1990-х Ирины Табацковой или депутата Законодательного собрания Ленинградской области Владимира Леонова — эпизоды, в данном случае лишь подтверждающие правило). Вероятно, большего успеха могла бы достичь партия — самостоятельно либо в составе блока, — однако тут уж государство позаботилось о том, чтобы этого не произошло и во времена Ельцина, не говоря уже о Путине, буквы НБП так в избирательных бюллетенях и не появились.

«Демократические выборы — отвратительное зрелище, вот тут уж «кухарки» действительно суммой своих копыт залавливают все разумное и живое, — писал Эдуард в тексте под названием «Лимонка в стадо избирателей». — Почему все же НБП и я лично участвовали в выборах? Надеялись на случайность, на то, что парнокопытных удастся провести, обмануть, притворившись парнокопытными. Парламент (Дума) на сегодня, увы, единственное политическое пространство в России, и для выживания партии очень нужно было бы НБП иметь своих представителей в Думе. Более того, и впредь НБП будет участвовать в выборах, одновременно испытывая и к этому процессу, и к избирателям презрение и отвращение. Лучшие люди нации (а только они нам и нужны) понимают нас и разделяют с нами отвращение к выборам, а стадо все равно боится нас».

Тем временем приближались выборы куда более важные — президентские. Стремительно дряхлеющий Ельцин имел рейтинг на уровне статистической погрешности, наиболее вероятным кандидатом на пост президента выглядел Геннадий Зюганов, но в целом будущее страны находилось в тумане. На этом фоне развернулся следующий виток политической активности новорожденной НБП.

Поддержать Зюганова, который был одним из главных объектов его критики в последние три года, Лимонов не мог и стал искать другие возможные варианты. В феврале 1996-го в Петербурге состоялся съезд русских националистов, созванный бывшим милиционером, а затем лидером Национал-республиканской партии Юрием Беляевым. На нем несколько дней дебатировался вопрос, кого поддержать на президентских

выборах — Зюганова или Ельцина. На ночном совещании лидеров выяснилось, что поддерживать Геннадия Андреевича желанием никто не горит, найти единую кандидатуру в своих рядах вожди националистов не смогли из-за взаимной ревности, а потому было принято парадоксальное решение выступить за Ельцина (по логике, как выразился Дугин, «чем х... евей, тем лучше»).

«Я смотрю на это как на неловкий эпизод, который был спровоцирован скорее Дугиным и каким-то количеством нациков, в том числе, по-моему, и Беляевым, кто там был. Я просто оказался в данном случае козлом отпущения, самым храбрым. Потому что мы целую ночь сидели в помещении, курили, вопили, кричали и решили — пусть будет уж хуже некуда. Но я был зеленый политик еще, понимал, что политика не понимает парадоксов. Она апеллирует простыми вещами, как дважды два четыре. Я не снимаю с себя вины, но одновременно можно отдать мне должное, что я был храбрый человек. Уже к утру я обнаружил, что никого нет, кто со мной совещался. Они попрятались и испугались. А я взял команду НТВ или что-то, во-первых, сказал это в зале, а потом дал интервью. Потому что я так устроен: был договор между пацанами — договорились. Все понимали, что будет это неприятно, но так решили. Но парадоксы в политике невозможны, не надо начинать от противного... Ну, они и будут вспоминать, так же как мою книгу, негров, кого угодно. Эти вещи придают мне человеческое измерение. У всех великих — у Игнатия Лойолы — были какие-то такие вещи».

Вероятно, никакое другое решение в политической жизни не стоило Лимонову такого количества критики, отвернувшихся соратников и сторонников, а также прочих проблем. Некоторые оппозиционные активисты поминают ему это до сих пор.

Первым ударом стал выход в знак протеста из партии Летова. 17 марта в «Советской России» появилось «Соглашение о совместных действиях в поддержку Зюганова на президентских выборах», под которым стояла его подпись как лидера рок-движения «Русский прорыв».

Летов назвал Лимонова «страдающим вождизмом человеком» и объявил, что «нужно отнять у него красное знамя». В интервью «Лимонке» он (в общем-то справедливо) возмущался, что ему никто не позвонил и не предупредил о таком решении: «Ельцин — это враг номер один. Он из этого сброда, жопись, типа Старовойтовой, вся эта мразь гайдаровская. После этого все от него (Лимонова) отвернулись. Он в политике ничего не соображает». Эдуард в ответ назвал поступок Летова «обыкновенным предательством» и списал его эмоции на творческие метания: «Мне,

конечно, следовало бы быть осторожнее и не давать артисту партбилет».

Так Егор первым из трех отцов-основателей покинул партию.

Впрочем, вскоре у националистов появился другой кандидат. О своем выдвижении объявил бывший штангист, многократный чемпион мира, публицист православно-патриотической окраски Юрий Власов. Лимонов и лидер карликовой Народной национальной партии Александр Иванов-Сухаревский от лица созданного в Питере Координационного совета националистов посетили его в московской квартире возле станции метро «Сокол» и остались довольны общением, хотя и отметили, что «сильным рассудительным медведем» Власовым активно помыкает его супруга Лариса Сергеевна.

«Сделаем русского Власова русским президентом! Нет и коммунистам, и демократам!» — под таким лозунгом КСН включился в кампанию по его поддержке. Вскоре Власов был зарегистрирован Центризбиркомом.

В разгар избирательной кампании было положено начало важной нацбольской традиции. Лимонов придумал отмечать 5 апреля — в день победы Александра Невского в Ледовом побоище в 1242 году — День русской нации как прообраз победы России над силами НАТО. Отметим, что официальные российские власти пришли к подобному решению через десять лет, назначив День народного единства на 4 ноября в честь освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 году. Дата во всех отношениях сомнительная, поскольку, во-первых, конкретно 4 ноября ничего не происходило; во-вторых, она была выбрана главным образом для того, чтобы убрать из календаря красный день 7 ноября.

А тогда, в 1996 году, «Лимонка» оповестила желающих участвовать в мероприятии следующим объявлением:

«5-го апреля впервые в России отмечается

ДЕНЬ РУССКОЙ НАЦИИ

Москва, Сбор на Лубянке в центре площади в 14.00, факельное шествие до Политехнического музея.

В программе:

— Зажигательные речи русских националистов Юрия Власова, Эдуарда Лимонова, Иванова-Сухаревского.

— Рок-концерт.

— Специально для девушек — стриптиз Арнольда Шварценеггера, министра спорта США.

— Раздача кваса и пива (в розлив).

— Уличные беспорядки.

— Покаяние бывшего члена НБП Егора Летова «Гражданская

оборона».

— Публичная порка Михаила Горбачева и его супруги».

На митинг к памятнику героям Плевны собралось более трехсот молодых людей. Большинство составляли нацболы и сочувствующие панки, скины и прочая молодежь. Присутствовали также несколько групп националистов, в том числе — сторонники Иванова-Сухаревского и Беляева. Прямо на митинге получил партбилет НБП один из мэтров русского рока, лидер группы «Калинов мост» Дмитрий Ревякин, спевший несколько песен в мегафон вместе с бардом Александром Непомнящим.

Ревякин в НБП долго не задержался — однажды он зашел в бункер и объявил Лимонову, что «выполнил особое задание сибирского военного округа» и должен сдать партбилет. Но в целом тезис «надо зайти со стороны культуры» был осуществлен настолько удачно, что новорожденная партия тогда стала центром притяжения для великого множества неформатных рок-музыкантов и авангардистов. В «Моей политической биографии» Эдуард приводит неполный список: «Егор Летов — билет № 4, покойный Сергей Курехин — билет № 418, Селиванов («Красные Звезды») — № 13, Игорь Жев-тун — № 43, Сергей Троицкий («Паук») — № 14, наш старейший член НБП Сашка Аронов («День Донора»), Непомнящий и нет им числа. Даже ставшая недавно модной группа «Нож для Фрау Мюллер» — многолетние члены партии. О «Че Дане», Гапонове и Мартынове и «Запрещенных барабанщиках» я только что упоминал. Попутчиков же тьма: Вадим Степанцов, Тегин, даже группа «Ленинград». В партии уже с год состоит Сантим («Банда четырех»). На этом остановимся».

Юрий Власов же на организованный для его поддержки митинг не явился и в дальнейшем в ходе избирательной кампании все дальше отдалялся от поддержавшего его Лимонова и националистов.

«Я всеми правдами и неправдами старался зарегистрировать Власова. Но он оказался не бойцом и по дороге стал вести себя как кандидат, вместо того чтобы выжать всё из того, кем он был — одним из первых настоящих националистов, кондовых еще, православно-антиеврейских. А он перед самыми выборами стал таким демократом. Это полный идиотизм. Даже исходя из практических побуждений — ты сохранишь свой электорат и, может быть, его увеличишь. А если ты делаешь резкий поворот на 360 градусов, ты и новых сторонников не приобретаешь, и теряешь старых. Совершенно азбучная истина».

В итоге «кандидат от националистов» занял на выборах девятое место, набрав в первом туре 0,2 процента голосов (151 тысячу), и навсегда сошел с политической арены.

Ну а победивший и в первом, и во втором туре выборов (что много лет спустя признали в Кремле) Зюганов поддался давлению властей и отказался от победы, признав фальсифицированные итоги выборов. Тем самым шанс на смену власти демократическим путем в России был упущен на годы, даже на десятилетия вперед.

«Есть анекдот, где грузин пригласил девушку в баню, а она с гневом отказалась, — комментировал тогда Лимонов результаты выборов. — Тогда по совету друга он покатал девушку на лодке, и девушка дала ему. И, довольный, грузин повторяет русскую мудрость: «Не мытьем, так катаньем». А! «Не мытьем, так катаньем!»

Результаты во втором туре президентских выборов добыты и мытьем, и катаньем. Путем чудовищных ухищрений, обманов, предательств своих (Коржакова, Барсукова, Грачева, Сосковца), несусветной лжи, авантюрных приключений с проносом полумиллиона баксов из Кремля, торговли баш на баш с абсолютным авантюристом, уркой-генералом, сманиванием от коммунистов казаха Тулеева, заискиванием перед полупьяной молодежью на концертах, поголовной поддержкой СМИ и всех евреев страны и мытьем, и катаньем заставили Россию дать Ельцину опять. С притопом, прихлопом, эстрадой, запугиванием ГУЛАГом и хитрым фильмом хитрого Михалкова по ящику.

Все это — якобы законные, демократические методы совращения России. На деле вышеперечисленные методы и есть фальсификация. Выборы полностью фальсифицированы, но не мошенническим подсчетом голосов, а мошенническим влиянием на мозги избирателей. Все это противно, противно и отвратительно».

В первые месяцы после выборов главным антигероем «Лимонки» стал генерал и новоиспеченный секретарь Совета безопасности РФ Александр Лебедь, заключивший Хасавюртовские соглашения с чеченскими боевиками. «Оборотень Лебедь сдает Чечню!», «Ельцин, очнись, арестуй Лебеда!», «Лебедь — лучший чечен года и враг России!». Именно Лебеда Эдуард заподозрил в организации нападения на себя. 18 сентября 1996 года во дворе в окрестностях Комсомольского проспекта, неподалеку от бункера, на него напали три человека. Ударили сзади по голове и затем молча били в течение нескольких минут. Результат — разбито лицо, сломан нос, повреждена оболочка глазного яблока. Небольшое пятно на роговице глаза осталось на память навсегда.

Что касается Зюганова, то к Геннадию Андреевичу у автора есть и собственные претензии за те выборы. Права голоса я тогда не имел, но, стремясь помочь ему победить ненавистного Ельцина, мы с приятелем

распечатывали на принтере листовки собственного сочинения в его поддержку и раздавали их в метро. Так что кинул он не только своих избирателей, но и нас тоже.

Тем летом я устроился работать в одну из туристических фирм, занимавшуюся модным по тем временам и крайне сомнительным бизнесом — тайм-шерами (продажа недвижимости за рубежом на один или несколько месяцев в году на 10–20 лет вперед). Моей задачей было отлавливать на улицах в центре богатых людей и заманивать их при помощи особых анкет на презентацию, где их под шампанское обрабатывали уже другие специально обученные люди. В первый день я пришел в офис в тельняшке со значком Летова, повергнув в шок менеджера, так что пришлось сменить ее на белую рубашку. По итогам месяца мои показатели выглядели неплохо. Но, получив первую в жизни зарплату (100 тысяч, кажется, тогдашних рублей), я больше на работу не вышел.

И правильно сделал: вскоре и офис в центре города, и сама фирма бесследно исчезли. Впрочем, потерявших свои деньги богатеньких клиентов мне было совершенно не жалко.

Заработанные деньги я решил потратить на поездку в Москву, обнаружив в «Лимонке» дичайшее даже по тем временам объявление, гласившее, что 10 августа 1996 года состоится концерт, посвященный тысячелетию Смоленска, участие в котором примут Лимонов, Дугин, а также группы «Гражданская оборона», «Калинов мост», «Золотое кольцо», а также ансамбль песни и пляски Западного военного округа. Пропустить такое было невозможно. Проблема была только в том, что в объявлении не указали, что концерт будет в Доме офицеров в Смоленске, а не в Москве. Приехав с другом рано утром в безлюдную, еще свежую столицу, мы побродили по саду у Кремля, какое-то время я спал на скамейке все в том же тельнике с Летовым. Вежливый милиционер, разбудив нас, сообщил, что спать тут нельзя, и мы отправились восвояси. Найдя московский Дом офицеров, узнали, что никакого концерта тут не будет. Что оставалось делать? Ехать в бункер — не зря же в столицу скатались...

Там, на кухне, в отсутствие прочих нацболов, уехавших в Смоленск, сидела и пила водку небольшая компания (сухой закон то ли еще не действовал, то ли отменился на время отъезда лидеров). Была Маша Забродина из Питера, чьи большие белые сиськи позже воспел Лимонов, а еще позже она померла от передозировки наркотиков. И был один из первых нацболов, участвовавший в охране партийных мероприятий и самого вождя, здоровый и спортивный Кирилл Охапкин. Когда кончилась

закуска, по его предложению мы реквизируем арбуз у торговавших ими на углу Комсомольского проспекта и 2-й Фрунзенской кавказцев и продолжили пиршество. Потом, уже пьяные, ехали в метро, и на станции «Библиотека имени Ленина» я сообщил Кириллу, что вступаю в партию. А он принялся убеждать меня, что я неподходящий для нацбolsкого дела человек и долго у них не удержусь. На том и расстались.

Вернувшись в Питер, вскоре я появился уже в местном штабе НБП. Тут надо словами Лимонова кратко описать предыдущую историю петербургской организации.

«В Питер да, я помню, мы приехали с Дугиным в феврале 1995 года выступать, еще до выборов. И вдруг на сцену после нас вскарабкался такой прыщавый долговязый подросток и сказал, что я — Евгений Веснин, представляю Национал-большевистскую партию в Питере. Я так несколько подох...ел.

Еще до этого был Слава Сорокин такой. Он работал помощником ректора Академии русского балета имени Вагановой, а впоследствии — заместителя министра культуры России Леонида Надинова. А Сорокин — он расшифровал чего-то такое китайское тысячелетнее, сделал гениальную находку. Он был хром, похож на Ницше, и мы его считаем первым нацболом Питера. Он был во все это дико влюблен и сказал, что всю жизнь искал этого. И вот в театре Вахтангова на улице Росси это происходило, мы там поселились. Второй раз приезжали, и он нас поселил с Фонтанки такой двор был, и туда приходил Пепел, персонаж из РНЕ. Каждый вечер к нам приходили РНЕ-шники, по семь-восемь человек, в портупеях, такие причесанные, с пивом. И мы с ними разговаривали за жизнь.

Сорокин, к сожалению, рано умер. Он уже тогда все эти компьютеры знал, мы ни х...я в этом не понимали, а у него как раз все эти диаграммы. Он был личным доверенным лицом этого Надинова. И вообще человек бешеный такой. Мы с ним как-то пришли в Мариинский театр задолго до скандала с директором там. Мы с ним напились и потому пошли разбираться, у них там квартировали какие-то чеченцы. И мы ворвались туда и стали этих чеченцев пинками выгонять. И огромный чеченец смотрит на нас с ох...ением, не понимает, о чем речь идет. Такие вот приключения на грани фола».

Веснин в партии надолго не задержался и 15 лет спустя всплыл в качестве политтехнолога «Единой России» на муниципальных выборах, будучи немедленно опознан СМИ как первый гауляйтер НБП. Как сложилась дальше его карьера в партии власти — автору неизвестно.

Примерно в это же время сформировался костяк петербургского

отделения. Это были студенты-дугинцы, организаторы квартирных концертов Летова Лев Морус и Петр Игонин. Егор, приезжая в Питер, регулярно останавливался в квартире у Левы напротив станции метро «Елизаровская». К ним присоединялись та же Маша Забродина и тихий молодой человек, которого звали Олег Беспалов. Олегу предстояло впоследствии отсидеть в тюрьме за захват кабинета главы Минздравсоцразвития Михаила Зурабова, и поныне он остается самым старым действующим нацболом Питера. Их партийная деятельность тогда заключалась в основном в совместных возлияниях. Как утверждают, Дугин споил весь первый состав питерской НБП.

Ситуация изменилась с приходом Капитана— Сергея Курехина. Появление среди национал-большевиков любимца богемы, композитора мирового уровня, лидера уникальной «Поп-механики», автора передач про «Ленина-гриба» и безусловного русского гения, вызвало настоящую бурю, отголоски которой слышны и по сей день, даже спустя много лет после его смерти.

Биограф Курехина, музыкальный критик Александр Кушнир, полагает, что разочарование Сергея в либеральной демократии — а поначалу он относился к перестройке и ельцинским реформам скорее позитивно — произошло в конце 1994 года. Пошлость российской окружающей действительности оказалась ничуть не меньше позднесоветской. «Демократов как таковых нет, а есть одни только идиоты. Тупые идиоты и мелкие ворюги! Мне кажется, что деградация достигла своего апогея. Клиническая деградация и воровство, возведенные в государственный ранг. И жизнь показывает, что идеи демократии в России — абсолютно бесполезные, бессмысленные и нереальные вещи» — так говорил Капитан.

Национал-большевизм, к которому Курехин пришел через знакомство с Дугиным, показался ему порывом свежего ветра в этой затхлой атмосфере. Свел Капитан знакомство и с Лимоновым.

«Время от времени Курехин приезжал в Москву. Без Дугина, — вспоминал Эдуард в «Книге мертвых» одну из их встреч. — У него были здесь две девушки, «ночные бабочки», как я их называл: Ольга и Анечка — или актриски, или около-актриски. Вместе мы несколько раз ходили в ночное заведение «Маяк», в районе башни ВХУТЕМАСа (башню давно занимает художник Глазунов)... Мы строили тогда, я помню, вход в наш штаб на Фрунзенской, из окна сделали дверь, стали выкладывать ступени. Класть кирпичи и ступени пришлось мне. Наши юноши никогда не имели дела ни с кирпичом, ни с цементом. Ступени держатся до сих пор. Пальцы мне тогда разъело цементом. Подушечки пальцев. Боль была невыносимая.

Потому, когда позвонил Курехин и предложил встретиться в «Маяке», я отказался, сославшись на раны на руках. «Мы вас вылечим, Эдуард, приходите, девочки вас вылечат», — уговаривал Сергей. Я дал себя уговорить. Сидеть в ночи в своем личном хаосе, дома, мне не улыбалось. Днем я был среди партийцев, вечерами бывало страшновато. Ночами я плохо спал. В «Маяке» Курехин заказал в качестве лекарства сметану, и Анечка окунала в нее мои бедные выжженные пальцы».

Весной 1995 года Капитан пришел в партию и к ужасу петербургской интеллигенции и своих старых друзей всерьез и активно начал проповедовать свою новую веру. Во-первых, он нашел для петербургского отделения бункер. Это было подвальное помещение на углу улиц Потемкинской и Чайковского, возле Таврического сада. До революции в этом здании будто бы располагался бордель, что подтверждал фасад, украшенный фигурами полуобнаженных дев. Штаб радикалов там совмещался с торгующей чаем фирмой, поэтому первое, что встречало спускающегося в подвал по лестнице, — аромат экзотических чаев и пачки элитных напитков в разных упаковках. В большой комнате в глубине помещения под портретом Муссолини восседал номинальный глава фирмы, нацбол и ветеран Афганистана Саша Мальцев. Была еще дальняя комната, вся заваленная летовскими пластинками «Попе» и «Все идет по плану», вторым номером журнала «Элементы» с Сатаной на обложке и прочей литературой, где обычно и происходили посиделки актива, частенько плавно перетекавшие в застолья.

Пытался Сергей найти для партии и финансирование, однако в этом не преуспел. Гуляя с Лимоновым во время белых ночей по Питеру и на рейв-фестивале, Сергей стыдил своих приятелей-бизнесменов: «Что же ты за еврей, если не хочешь дать денег на революционную партию? Фима, ты не еврей. Каждый еврей должен быть спонсором революционной партии». Те смущенно оправдывались, но денег не давали.

Во-вторых, Курехин начал продвигать национал-большевизм в культурных кругах Северной столицы. В мае он провел совместную пресс-конференцию с Лимоновым и Дугиным в петербургском рок-клубе на улице Рубинштейна. Тусовка была, мягко говоря, не в восторге. «Так ты за рок или нет?» — бросил после длинного спича Капитана Григорий Сологуб из «Странных игр». Вопрос повис в воздухе.

А 23 сентября 1995 года в ДК Ленсовета прошел концерт под названием «Курехин для Дугина. Памяти Алистера Кроули. Поп-механика 418». Автор запомнил его как лучший, на котором ему доводилось бывать в жизни. Впрочем, это действие сложно было назвать концертом. Дугин читал

сатанинские заклинания на разных языках, в зал закидывали огромные надувные презервативы, на сцену выходили собаки, египетские боги и тевтонские рыцари, четырехрукий Курехин в роли бога Шивы играл на рояле и выделял балетные пары на сцене, а на заднем плане все два часа концерта бежал человек в колесе в ку-клукс-клановском балахоне.

В связи с участием в шоу Лимонова у Капитана возникли проблемы с ФСБ: чекисты пообещали остановить концерт, если он будет выступать со сцены. Сошлись в итоге на том, что Эдуард будет участвовать, но без разговоров о политике. В итоге Лимонов прочел речь о падших ангелах («среди которых и вся Национал-большевистская партия, которую я возглавляю») и спел дуэтом с Курехиным «А значит, нам нужна одна победа».

Зрители расходились с концерта потрясенные, для осмысления увиденного требовалось время. Кто тогда мог знать, что это была последняя «Поп-механика»...

После этого концерта продолжилась изощренная травля Курехина со стороны питерских либералов, которые не могли простить ему союза с «фашистами». Основатель театра «Дерево» Антон Адасинский, к примеру, говорил, что если можно выйти на сцену с удавами и собачками, то почему нельзя вывести туда национал-большевиков? Но круче всех оказался кинокритик Михаил Трофименков, после 418-го концерта написавший, что национал-большевизм — это абсолютное зло и смерть, а потому Курехин вскоре умрет. «Когда мы придем к власти, почти все газеты будут закрыты, а критики — уволены как некомпетентные, — отвечал Курехин в одном из интервью незадолго до смерти. — Их место — убирать картошку!»

Он еще успел организовать несколько совместных лекций с Дугиным — о воспитании нового человека в университете имени Герцена в ноябре и в СПбГУ под видом «Поп-механики» в марте. Капитан торопился сформулировать то, что считал важным, попросил выписать ему членский билет НБП за № 418.

В мае Сергей был госпитализирован. Врачи обнаружили у него редчайшую болезнь — саркому сердца. Она быстро прогрессировала, и 9 июля Капитана не стало. В тот день над Питером разразилась мощнейшая гроза. Отпевали его в той же церкви, где и Пушкина, на Конюшенной площади. Сперва была идея похоронить его на Волховом кладбище, на что губернатор Владимир Яковлев изрек: «Мы фашистов на Литераторских мостках не хороним». Поэтому прах Сергея покоится на кладбище в Комарове. Через несколько дней кинокритик Виталий Потемкин в передаче «Дом кино» сообщил, что если бы Курехин был жив, то точно голосовал бы

за Ельцина...

Сложно сказать, насколько долго продолжался бы союз Капитана с партией, останься он жив. Однако по факту он ушел в мир иной национал-большевиком, яростно отстаивавшим свой выбор, обладателем партбилета № 418. И поныне мы считаем его своего рода крестным отцом питерских нацболов.

В последний год жизни Курехин сблизился с Александром Лебедевым-Фронтовым — петербургским композитором и художником, ставшим еще одной культовой фигурой для национал-большевистского движения и во многом определявшим его эстетику на раннем этапе. Немногословный мужчина в дымчатых очках с бородкой, одетый во все черное, был завсегдатаем бункера на Потемкинской. Происхождение его двойной фамилии окутано тайной, известно лишь, что Александр проживает на улице Лебедева неподалеку от Финляндского вокзала. С конца 1970-х годов Фронтов заинтересовался шумовой музыкой в тесной связке с изучением идеологического наследия правых и левых радикалов XX века.

«В юные годы, лет в тринадцать, попав по недомыслию под влияние сверстников-битломанов, я решил приобрести запись с музыкой ливерпульского квартета, — рассказывал он автору в интервью для газеты «Завтра» об истоках своих увлечений. — В Ленинграде у Гостиного Двора можно было купить пластинку на «костях» (то есть на рентгеновском снимке), записанную самопальным методом. Заплатив за нее рубль и высунув от меломанского вожделения язык, я ринулся домой к проигрывателю. Через минуту из репродуктора раздался бодрый мужской голос, который для начала уточнил мое желание послушать музыку легендарной четверки, после чего покрыл меня отборным русским матом. Через секунду вместо желаемых «Битлз» я услышал две минуты рвущего перепонки радиостатического треска с жуткими завываниями. Именно это событие явилось для меня своего рода музыкальной инициатической смертью, навсегда отбив охоту к убаюкивающим мелодиям пресловутых «жучков-ударников» и им подобных, пробудив страсть к строгим, конкретным и неожиданным звуковым решениям с повышенным психическим воздействием. Неизвестный мужской голос пробудил мои истинные вкусы, которые я загнал в закоулки подсознания, по молодости стремясь угодить расхожей промондиалистской моде».

Другим сильным впечатлением, по воспоминаниям Фронтова, был концерт хора Корейской народной армии, приехавшего в Ленинград на гастроли в начале 1980-х годов. Людей туда отправляли по разнарядке, чтобы хоть как-то заполнить места, но в итоге бойцы полковника Ким Ир

Сена с микрофонами подняли зал и заставили всех аплодировать стоя. Северокорейскую тематику Александр потом активно использовал в собственном творчестве.

В 1985 году Фронтов совместно с Игорем Федоровым основал проект «Линия Масс», проповедовавший культ борьбы, железной воли, стальных машин и героического труда молотобойцев и сталеваров. В рамках этого проекта кроме записей создавались черно-белые фотографии и коллажи, соединившие эстетику раннего авангарда и символику различных политических течений. Уже в 1990-е годы Александр основал студию *Ultra*, занимающуюся пропагандой катакомбной экспериментально-шумовой музыки. Тогда же маэстро стал изредка, не балуя публику, давать концерты. Рвущие барабанные перепонки шумы техногенного и естественного характера, изломанный бит, сэмплы из маршей 1920—1930-х годов и нечеловеческие крики под видео со старых кинохроник и коллажи — примерно так выглядит это зрелище.

«Я воспринимаю политику через призму эстетики в первую очередь (об этом говорил еще лидер итальянского футуризма Маринетти) и испытываю неподдельный интерес к истории политических течений индустриальной эры, их социальной практике, — излагал Фронтов свои взгляды. — В 1980-е годы я много времени посвятил изучению движений типа Штрассера в Германии, «Черного большевизма» Падовани или левых революционеров Андреаса Нина и Дурутти в Италии. Сегодня же государственной задачей № 1 я считаю создание условий для избавления нации от навязанных ей извне комплексов неполноценности, преодоление паралича воли, переорганизация общества с дальнейшим переходом к активной евразийской экспансии вовне».

Работы Фронтон украшали большинство ранних «Лимонок», а также агитационных плакатов НБП. На одном из них было помещено фото отрада красноармейцев с транспарантом «Будьте вы все прокляты!». Мы забили сверху название «Национал-большевистская партия», а снизу — контактный телефон отделения и клеили их в метро.

«Сынок, о чем это? Объясни, мы не понимаем, кто проклят-то?» — поинтересовались у меня старушки, продававшие овощи в подземном переходе в Купчине. «Это, бабушки, авангард», — ответил я им и пошел клеить плакаты дальше.

Но, разумеется, самой знаменитой его работой стал висевший в столичном бункере огромный Фантомас, направлявший дуло пистолета на каждого входящего, с подписью «Вставай, проклятьем заклеименный!».

Именно Фронтов в 1998 году придумал и стал издавать газету

петербургских национал-большевиков «Смерч» с пиратско-белогвардейско-скандинавским логотипом в виде черепа и костей на фоне черного креста с четырьмя рунами. Впоследствии его сменил на посту редактора автор, но Фронтов продолжал регулярно передавать папки с вырезками и коллажами для издания. Газета выходила нерегулярно, с перерывами — всего с 1998 по 2010 год вышло более тридцати номеров, многие из которых теперь являются настоящими раритетами.

Рассуждая об эволюции национал-большевизма в 1990-е годы, критики отмечали как одно из возможных направлений уход из политики в чистую контркультуру, своего рода «башню из слоновой кости». Дмитрий Жвания в своей книге «Путь хунвейбина» приводит слова Александра: «Ты понимаешь, настоящий национал-большевизм никогда не будет массовым движением, слишком это элитарное учение, поэтому рано или поздно Лимонов, который мечтает быть вождем массовой партии, начнет профанировать национал-большевизм, да он и сейчас это делает».

Опрошенный автором Фронтов, впрочем, усомнился, что мог это говорить Жвании, хотя спустя два десятилетия «все эти беседы вспоминаются как в тумане». Во всяком случае, Александр все эти 20 лет обязательно появляется на первомайских демонстрациях вместе с другими партийными ветеранами из бункера на Потемкинской.

А питерское отделение, в которое Курехин и Фронтов вдохнули новые смыслы, продолжало жить своим чередом. Летом 1996 года в партию пришли братья Гребневы, Андрей и Сергей. Родились они во вполне заслуженной интеллигентной ленинградской семье. Дед с отцовской стороны — Валентин Михайлович — во время войны 16-летним подростком партизанил под Лугой, был ранен, а в 1970—1980-е годы возглавлял Лужский район. Поскольку для местного населения время это было вполне спокойное и благодатное, то и до сих пор его имя там котируется весьма высоко. Валентин Михайлович стал первым почетным гражданином Ленобласти вместе с патриархом Алексием II.

Мама братьев — Нурия Галимзяновна — работала в школе учительницей, отец был военным (он служил в Польше, и в их домашнем архиве есть фотографии младенцев-братьев где-то под Варшавой). Переехав в Ленинград, они получили трехкомнатную квартиру в доме возле станции метро «Гражданский проспект». Старший Гребнев, Андрей, еще в школе за злобно-веселый характер, выразившийся в издевательствах над учителями и одноклассниками, загремел в спецПТУ. На фоне старшего отморозка мама души не чаяла в младшем Сереже.

Ближе к окончанию школы братья стали панками: старшего прозвали

Свиньей, младшего — Сидом. Их квартира служила пристанищем самым экзотическим личностям и чего только не видела, от приготовления наркотиков до разделки собак. Андрей испытывал глубокое презрение к обычным петербуржцам — обывателям и особенно интеллигенции, приставая к ним на улице и обзывая «унтерменшами» и «клопьем». Что до национального вопроса, то свою позицию он формулировал четко: «Я — интернационалист, все нации ненавижу одинаково».

При этом он обладал отличным вкусом: у него в комнате валялись в беспорядке диски «Einsturzende Neubauten» и «Laibach», «Psychik TV» и Ника Кейва, книги Уильяма Берроуза и Чарлза Буковски. Стены он изрисовал темно-красной краской, развесил шестеренки и панк-коллажи, превратив комнату в своего рода произведение искусства. У него также имелся здоровенный альбом, куда он писал стихи и клеивал коллажи, периодически закапывая их кровью. А также пухлая папка с надписью «Клиника», куда собирались вырезки из разных полубезумных оппозиционных газет.

Когда в руки Андрею как-то попала «Лимонка», он сказал брату: «О, смотри-ка, это же наша тема». Естественно, братья были нацболами, просто до поры об этом не знали.

С нацболами тогда сблизилась и группа «Рабочая борьба» Дмитрия Жвании, который стал вторым питерским гауляйтером. Похожий на упитанного латиноамериканского индейца, Жвания был старым левым активистом. Еще в 1980-е годы он увлекался анархизмом, состоял в Конфедерации анархо-синдикалистов нынешнего видного функционера партии власти Андрея Исаева. Затем сделался троцкистом, поучаствовал в деятельности их интернационалов с многолетними распрями между лидерами, старавшимися перетянуть к себе немногочисленных российских товарищей. Некоторое время он жил между Россией и Европой, курсируя между Питером, Парижем и Лондоном в вечной косухе, берете и палестинском платке-арафатке. В общем, биография классического левака, подробно описанная им позже в книжке «Путь хунвейбина».

Несомненным плюсом Жвании было то, что он не был догматиком, интересовался разными необычными идейными формами, лево-правым синтезом и мимо экспериментов Лимонова, Дугина и Курехина пройти не мог. Естественным образом совпало с нацболами его отвращение к ельцинской элите и режиму 1990-х и необычным образом — позиция по чеченской войне. Вероятно, она была выработана из отвращения к мейнстриму, который тогда формировали либеральные СМИ, требовавшие немедленно отпустить Чечню и смаковавшие подробности гибели

российских солдат. «Национал-большевиком меня сделала первая чеченская война», — заявлял он.

Минусов тоже было много. Жвания был по призванию скорее одиночкой, максимум главой кружка студентов-акционистов, но никак не походил на лидера отделения революционной партии. И если мы, приходя в НБП, верили, что партия — наша судьба, то для Димы это был не более чем любопытный опыт, приключение.

Моим партийным дебютом стало совместное пикетирование НБП и «Рабочей борьбой» в сентябре 1996 года церемонии открытия первого питерского «Макдоналдса» у станции метро «Петроградская». Перед собравшейся толпой народа, включая губернатора Яковлева, мы развернули флаги и лозунги «Щи да каша — пища наша», «Пей кока-колу, сникерсы жуй, день твой последний приходит, буржуй» и «No рах Americana». Губернатор отреагировал благожелательно, вот, мол, и противники пришли, у нас демократия. Милиция никого не тронула, а мы засветились на полосах многих городских газет. Жвания в своей книге гордо именует этот пикет «первой альтерглобалистской акцией в РФ», ну, пусть так оно и будет. В процессе пикета обсуждался вопрос, не сжечь ли огромного надувного клоуна Рона Макдоналда, размещенного на крыше соседнего здания, кинув в него пару-тройку окурков, но от этой задачи решили отказаться.

Тогда, в ноябре 1996 года, Лимонов прибыл в Питер, чтобы для оживления отделения объявить о слиянии его с «Рабочей борьбой». Жвания организовал для него лекцию в университете имени Герцена. Помню, после нее, несколько робея от вида вождя, я задавал ему идиотские вопросы: «Как вы относитесь к Довлатову?» и «Эдуард Вениаминович, вы считаете себя романтиком?» Лимонов, поморщившись, отвечал, что талант Довлатова как писателя сильно переоценен, а на романтика и вовсе как-то махнул рукой.

Общение продолжилось в бункере уже для своих. Здесь вождь представил нам Жванию и говорил о необходимости усиления отделения и скорой революции. О том, что если мы ее не сделаем до 2000 года, то партию можно распускать. Тут я задал ему уже более осмысленный вопрос: «Вы же помните, сколько лет готовилась революция 1917 года. Декабристы разбудили Герцена, тот ударил в колокол, разбудил народников и так далее. Видимо, и нам надо готовиться к длительной борьбе?» — «Я до 2000 года не доживу, и все это бесполезно. Надо побеждать раньше», — отрезал Эдуард.

Похожий эпизод произошел в том же году с Захаром Прилепиным. «В 1997-м Лимонов приезжал в Дзержинск^[6], — вспоминал он. — Я пришел

на его встречу, подошел: «Эдуард, когда будет революция? Я хочу в ней участвовать». — «Года через четыре». Через четыре года, правда, выбрали Путина. Но Лимонов в этом смысле был прав: власть через четыре года могла осыпаться, все к этому шло».

В городе о нас никто не знал, и с этим надо было что-то делать. Мы с младшим Гребневым ходили на любые, даже самые мелкие маргинальные акции, чтобы засветить флаг партии и по возможности выступить. Таких тогда в городе проходило довольно много. У Финляндского вокзала любил митинговать депутат от ЛДПР Вячеслав Марычев, памятный своими выходками в Думе, вроде прихода туда в красном пиджаке с накладной грудью. Он нам охотно давал слово, мир его праху. Помимо этого мы активно «бомбили» город граффити и продавали «Лимонку».

Постепенно отделение начало жить двойной жизнью. Оформилось соперничество между леваками Жвани и нами — вновь прибывшими людьми из группы Гребнева. Вскоре конфликт стал более чем заметен, и весной 1997 года из Москвы мирить нас приехал Лимонов. Он предложил решить спор о лидерстве действием. «Проведите какую-нибудь акцию, заявите о себе. Захватите крейсер «Аврора», например», — сказал неблагодарный Эдуард, только что вернувшийся с экскурсии, в ходе которой капитан корабля лично показывал известному писателю внутренности революционного крейсера.

6 мая 1997 года мы провели захват «Авроры». Это была первая по-настоящему громкая акция петербургского отделения НБП и первая акция прямого действия (АПД) нацболов, которые впоследствии и сделали партию знаменитой. В акции участвовали человек пятнадцать. Мы поднялись на палубу как обычные посетители, вышли на нос корабля, а затем полезли на носовую башню и на мачту. Адреналин зашкаливал, сердце билось, а ладони потели, пока я лез наверх. Уже наверху, сидя с флагом на рубке крейсера, я увидел под собой весь Питер, расстелившийся под майским солнцем. Мы кричали: «Отберем у Нурсултана русский север Казахстана!», «Революция!», «Севастополь — русский город!» — и так далее. Внизу беспомощно бегали матросы, не зная, что с нами делать. Минут сорок прошло до приезда милиции. Успели снять нужные картинки и уехать телевизионщики и журналисты. И только потом уже мы сами спустились на палубу и поехали оттуда в отделение.

«А зачем вы орали: «Смерть панкам-металлистам?» — спросил один из ментов. Разъяснение, что на самом деле мы кричали «Смерть чеченским террористам» (что было чистой правдой), его вполне удовлетворило.

Времена, как уже говорилось, были либеральные, ельцинские. Нам

вменили какое-то административное правонарушение, никого даже на сутки не посадили, а мне, как несовершеннолетнему, отправили письмо в школу. Там директор, вызвав меня к себе в кабинет, сообщил, что поддерживает наши лозунги и эту акцию.

Именно «Аврора» ознаменовала собой победу группы Гребнева над группой Жванин. Дмитрий активно участвовал в ее подготовке, проводил разведку, привел СМИ и организовал медиаподсветку, но лично на мачту не полез, стоя внизу у корабля с другими журналистами. Он так до конца и не определился со своей ролью. Тот же Лев Лурье написал тогда статью о том, что несколько странно, будучи лидером партии, описывать ее же акции в газете «Смена» под псевдонимом «Нестор Гусман» — можно ли, мол, представить в этой роли Ленина? Таким образом, в питерском отделении началась новая эра. Мы стали, как говорил Гребнев-старший, «бандой штурмовиков».

Закрывая тему Жванин, в дальнейшем то сближавшегося, то вновь отдалявшегося от нас, нужно отметить, что его гауляйтерство, являясь частью партийной истории, было в целом случайным эпизодом. Он был не нацболом, а попутчиком, волею судеб и Лимонова оказавшимся во главе организации на небольшой срок, всего на несколько месяцев. Приди Андрей Гребнев в организацию чуть раньше, этого могло бы и не случиться.

Другим попутчиком, но, в отличие от Жванин, за много лет никуда не девшимся, стал «анфан терибль» питерской журналистики Юра Нерсесов. Я познакомился с ним в школе юных историков «Добрыня», руководимой почвенником и патриотом, радушным бородатым дядькой Борисом Михеевым, где Юра готовил старшеклассников к городским олимпиадам по истории. Полуармянин-полуеврей, в очках, он сам любил пошутить на предмет своей схожести с карикатурами из гитлеровского антисемитского журнала «Der Schturmer» и казался совершенным, по терминологии Гребнева, «интелем». Внешность, однако, обманчива. Когда Юра в молодости работал на заводе «Электросила», однажды его обозвал «жидовской мордой» и попытался побить подвыпивший бывший чемпион города по дзюдо. Недолго думая Нерсесов двинул его по голове куском арматуры и потом продолжал лупить оседающего на пол спортсмена. «Когда он упал с разбитой головой, я поймал дикий кайф, мне захотелось добить его и лизать кровь на полу, — вспоминал он. — Но подумал, что 5 минут удовольствия не стоят 10 лет зоны».

В известном справочнике издательства «Панорама» Юра проходил не как левый или правый, а как тотальный, красно-коричневый экстремист.

Статьи свои он обычно писал, передвигаясь по городу, прямо на эскалаторе или в вагоне метро. «Сегодня я наехал на такого-то, такого-то и такого-то», — гордо рассказывал Нерсесов и спешил домой покормить котов во дворе, дабы восстановить баланс добра и зла в природе.

Одной из его излюбленных целей в 1990-е был мэр Петербурга Анатолий Собчак. Так, однажды, прочитав в интервью с супругой мэра Людмилой Нарусовой о том, что его пятнадцатилетняя дочь Ксения любит принимать с отцом ванну, он обратился за консультацией к психиатрам и выдал статью с целым букетом извращений и психических отклонений. Семейство Собчак подало в суд и проиграло.

В общем, весьма опасный человек Нерсесов. Лучше с ним не связываться. Когда Дугин в Питере баллотировался в Думу при поддержке Курехина, Юра поучаствовал в его кампании, и, по его утверждению, мэтр попытался кинуть его на деньги. В ответ Нерсесов наехал на всю НБП, опубликовав статью «Загнивание тропических фруктов» в анархическом журнале «Черная звезда». Собственно, идеологически и стилистически партия — особенно в тот период — ему была вполне близка, поэтому он начал цепляться к мелочам. Упомянув, например, про то, что «Лимонка» зря ставит в пример «неудачников и лузеров», как упомянутые выше Кодряну и Боб Денар.

Эдуард ответил ему в тексте с характерным названием «Лимонка в журналистиков»:

«Автору статьи в газете анархистов «Черная звезда» не нравится мой друг, король солдат удачи Боб Денар: «Этот субъект неоднократно пытался организовать перевороты в различных африканских странах, но везде негры вышибали его пинками под зад. Пару раз Денару удавалось захватить Коморские острова (площадь 1900 кв. километров, население 300 тыс. человек). Но в итоге его выперли и оттуда». Деформированный, кривоzubый, криворожий, шаркающий одной ногой, форменная жертва аборта — автор статьи (я его лично знаю), да посмотри ты ради бога в зеркало! Ты хоть бабу одну стоящую захватил за сиську в своей жизни, не говоря уже об островах с якобы недостающей площадью? Злоба мелкого человека против тех, кто выше, больше и благороднее его, сквозит во всех фразах завистливого и злобного племени журналистов».

Юра совершенно не обиделся, признал, что был неправ, а вскоре во время одного из приездов Эдуарда в Петербург произошло их историческое примирение. «Берегите этого маленького человека с большой головой. Он нам еще пригодится», — сказал нам Эдуард на Московском вокзале, садясь в поезд. И действительно, пригодился, и не один раз...

Но вернемся к событиям весны 1997 года. Мы не зря кричали на «Авроре» про хана Нурсултана. В тот период началось брожение среди казаков и русского населения Северного Казахстана, и предполагалось, что партия примет там участие в народном восстании. На 2 мая был назначен казачий круг в Кокчетаве, предполагалось либо создание автономии, либо провозглашение казачьей республики, с последующим присоединением к России. Казаки попросили помощи людьми, и Лимонов с семьей соратниками отправился в так называемый «азиатский поход».

С самого начала пути их сопровождали российские оперативники, несколько раз, не скрываясь, обыскивали: «Пулеметы везете?» В Кокчетаве на перроне встретила толпа ментов. Нацболы оказались единственной приехавшей группой, хотя собирались и жириновцы, и баркашовцы, и националисты Беляева. Несколько групп казаков были задержаны еще на территории России российскими же спецслужбами. Пригласившего с Лимоновым атамана Петра Коломца также арестовали, но уже в Алма-Ате, их казахские коллеги. Вскоре выяснилось, что перепугавшиеся власти проведение круга запретили, и в итоге казаки от мероприятия отказались.

В тот приезд, гуляя по Алма-Ате под бдительным оком местных спецслужб, Эдуард решил пойти посмотреть на родной дом выросшего в этом городе Жириновского. И не пожалел об этом:

«Когда я там побывал, вспомнил харьковскую юность и свой дом. Это такой двухэтажный с террасой деревянно-глинобитный домишко. Это вот русские в рассеянии. Надо понимать, почему он выступает с такими идеями. Диаспорой русских на Украине нельзя назвать, а он был истинная диаспора. Это русские, которые завоевали эти территории, жили там. В пределах Садового кольца ни фиги не понять этого. Понятно, что он думает, что это его земля — а чья это еще земля? Вот эти покосившиеся террасы, шелудивые собаки, все это выходит к какому-то гнусному косогорику, по которому стекает вода и во время дождя все это превращается в месиво такого говна. Я вспомнил, что у нас в Харькове рядом тоже были три кладбища, профсоюзное училище — говно жуткое. Это не Садовое кольцо, но это земля, где твой отец ходил в галифе, сажал какую-то х...йню... Люди, живущие с такой ментальностью, как у меня или Жириновского (тут уже неважно, что с ним потом случилось), их миллионы. Этого не понять вот этим пидорам лощеным. А то они лезут — вы там нарушили суверенитет Украины. Вы моего сердца, суки, суверенитет нарушили! И я никогда вам этого не прощу!»

Чтобы не возвращаться просто так в Москву, Эдуард отправился с ребятами в 201-ю дивизию, охранявшую границу в Таджикистане. В

течение четырнадцати дней на поездах и автобусах они добирались до нее с различными приключениями и наконец достигли цели. В Курган-Тюбе Эдуард познакомился с еще одним «псом войны» своей жизни вслед за Бобом Денаром и приднестровским комбатом Костенко. Это был знаменитый полевой командир Махмуд Худойбердыев, воевавший под красным флагом, позже поднявший мятеж и загадочно погибший.

В расположении дивизии Эдуарда всё восхитило. Колониальные ароматы, экзотика, военное присутствие империи — пусть уже и распавшейся. Киплинг. «А все началось с приезда в 1991 году Травкина, Собчака, Велихова. Приехал старший брат и указал младшему: «Давай в демократию!» Эх, неплохой был народ таджики, Эдуард Вениаминович! — с сожалением говорил ему подполковник Александр Рамазанов. — Из рук выпустили. Нельзя выпускать детей, животных, скотину из рук».

К концу мая Эдуард с нацболами вернулся в Москву, отмотав более шести тысяч километров.

Эту музыку он готов слушать до конца жизни. После этих впечатлений просторы Средней Азии снились ему в тюрьме:

Страшно проснуться:
пустая тюрьма,
Утром проснулся рано,
А под ногами, с крутого холма...
Бактрия и Согдиана...

Желтые обе. Милые две
Родины у султана,
Бактрия — словно бы грива на льве,
Дождь золотой — Согдиана

Я не доставлю вам... я не умру,
Как лепестки из фонтана,
Нежно стучат о земную кору...
Бактрия...Согдиана

Ты пишешь письмо мне?
А адрес прост:
каракули крупного плана,
Азия — где небеса — купорос,
Бактрия... Согдиана...

...Будет полет золотых орлов,
Но соль будут лить на рану...
Пока не увижу с высоких холмов
Бактрию и Согдиану

Вероятно, именно после этой поездки он задумался о возможном конце жизни, как описал Эммануэлю Карреру, — дервишем, на восточном базаре, у древних стен Самарканда.

Летом 1997 года Эдуард в третий раз поучаствовал в довыборах в Госдуму на Ставрополье, по Георгиевскому округу № 52 по призыву местных нацболов. Здесь он апеллировал к русскому национализму и предлагал остановить чеченских боевиков. «Выборы у границы с дьяволом» — так он именовал этот опыт. Бесконечная предвыборная пахота, разъезды по краю и встречи с избирателями в селах не помогли — он получил 3899 или 2,74 процента голосов (восьмое место).

2 октября в бункере НБП Лимонов, Анпилов и глава Союза советских офицеров Станислав Терехов подписывают политическое соглашение о создании революционной оппозиции и заявляют о готовности к участию в выборах в Думу. Позднее, в 1998 году, это объединение получит название «Фронт трудового народа». 7 ноября ФТН вывел колонну на демонстрацию в Москве.

А в Петербурге ехавшие как-то в электричке из-под Луги братья Гребневы встретили депутата Законодательного собрания Ленинградской области Владимира Леонова. Депутат ходил по вагонам и продавал свою газету «Трудовая Гатчина», все его знали, и в своем округе он был совершенно непотопляем. Вместе с ним и главой городского отделения Союза офицеров Сиротинским — мы создали ФТН в Питере.

В дальнейшем на базе Фронта планировалось образовать блок радикальной оппозиции на выборах в Думу. А пока Анпилов с Тереховым придумали идею похода на Москву — выдвижения активистов из различных регионов, которые в течение месяца должны ехать в столицу, агитируя население расположенных по дороге городов. Лимонову показали план, где отряды сдвигаются к Москве в виде звезды, что показалось ему странным и вычурным. Однако идея была хороша, чтобы чем-то занять старых активистов и для привлечения новых.

И вот в августе 1998 года поход начался. Питерская группа двигалась на электричках через Новгород, Псков, Тверь и подмосковные города.

Колонну везде на ура встречали пенсионеры и коммунистические активисты. В пути нас застал дефолт, и в Твери на митинге, толком не поняв еще, что случилось, я рассказывал всем, как власти нас ограбили. Это, собственно, оппозиционеру можно говорить всегда и в любой ситуации — не ошибешься.

В Бутове, в лесу на окраине Москвы, состоялась встреча всех колонн и нацболы из разных регионов радостно обнаружили, как нас много. Царила общая атмосфера воодушевления. Эдуард, правда, поскользнувшись в грязи, растянул сухожилия на ноге, и ему пришлось вскоре ехать домой. Амы пошли гулять по Москве с юным тогдашним главой столичного отделения Серегой Ермаковым и Женей Павленко и... всю ночь били иномарки состоятельных столичных жителей.

Вообще в тот период уличное хулиганство и прочий мелкий криминал составляли важную часть нашей жизни. Мы считали, что радикалам необходимо и радикальное поведение, а потому наряду с раскраской стен надписями «НБП» и «Капитализм — дерьмо» занимались и более опасными вещами. Этому нас обучил приятель Гребневых, нацбол Вадим по кличке Лось, ценитель авангардной музыки и литературы, ни дня в своей жизни не работавший и проживавший в коммуналке на Лесном проспекте, в доме, где квартировал в свое время будущий маршал Финляндии Густав Маннергейм.

Иногда мы уничтожали и закидывали краской рекламные щиты, особенно «идеологически вредные» — с каким-нибудь ковбоем Мальборо или кока-колой. Или устраивали соревнования, кто больше разобьет «буржуйских» тачек. Все это делалось под покровом ночи. Запасшись камнями, мы влетали во двор и били припаркованные там иномарки. В то время автомобиль для масс еще был роскошью, а не средством передвижения, бюджетных иномарок не было, а счастливых владельцев БМВ и «мерседесов», составлявших нашу цель, было немного. Иногда счет разбитым машинам шел на десятки за ночь. Однажды мы с трудом втроем, подняв тяжеленный мотор от лифта, закинули его в джип, и тот продавил там пол. Попадись мы за этим занятием — нас мог бы и убить какой-нибудь владелец авто в красном пиджаке с большим радиотелефоном в кармане.

Кстати сказать, такое едва не случилось с Дугиным в день его знакомства с Лимоновым. Покинув вечер, проводимый в газете «Завтра», пьяный Александр Гельевич стал пинать проезжавший мимо «мерседес», а когда оттуда вышел браток и наставил на него пистолет, заявил, что он — всемирно известный писатель Лимонов. «Лимонов — это я. Простите

моего друга, он напился», — сказал подоспевший Эдуард. Браток сплюнул и уехал.

Постепенно, однако, Дугин остепенился и такого больше себе не позволял. Круг его интересов к концу 1990-х годов сместился в сторону религии, а именно — старообрядчества. Он ввел в моду среди обитателей бункера черные рубашки, стал приглашать туда проповедников из староверской среды. За этим занятием его однажды застал в бункере Лимонов и несколько встревожился. Вскоре Дугин потребовал от Эдуарда исключить из партии нескольких старых партийцев — обитателей бункера (Хорса, Охапкина, Локоткова), не разделявших его увлечения, ибо это «дурной человеческий материал». «Пиво-шахматы-гантели» — так характеризовал Александр Гельевич их увлечения.

Эдуард встал на сторону ребят, что вызвало серьезные брожения в нацбольской московской среде. Попытки примирить отцов-основателей кончились ничем, и в 1998 году Дугин партию покинул. Объективно говоря, это назревало давно. Из кружка интеллектуалов партия становилась более или менее массовой, появлялись во множестве региональные отделения, ее скелет обрастал плотью и мышцами. И хотя роль Александра Гельевича в формировании идеологии и мировоззрения НБП весьма велика, это уже была не его партия. В ней появились новые герои и активисты, которые не были людьми Дугина. Сам он мог сколько угодно называть это профанацией и говорить о негодном человеческом материале, но такова была объективная логика развития событий.

Произошедшее с Дугиным можно считать первым — и самым крупным — расколом в истории нацболов. Первоначально вместе с ним ушли многие активисты, некоторые из которых впоследствии создали Евразийский союз молодежи. Большинство из ушедших, однако, вскоре либо вернулись обратно, либо отошли от дел.

Таким образом, уход Дугина совпал с превращением партии в относительно массовую и погружением ее в уличную политическую борьбу. Это неизбежно повлекло за собой и некоторую потерю авангардной роли, присущую ранней НБП. Закон сохранения материи, сформулированный Михаилом Ломоносовым, гласит: «Все перемены в Натуре случающиеся такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому. Так, ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте; сколько часов положит кто на бдение, столько же сну отнимет». Это верно и для политики — при развитии организации неизбежно что-то приобретается и что-то теряется.

Глава третья

МАРШ ШТУРМОВИКОВ В СТИЛЕ ПАНК

4.00 утра, 22 июня. У консульства Германии на Фурштатской улице бритый налысо Андрей Гребнев врубает сирену на мегафоне. Вой разносится резкой волной по пустой летней улице.

Сжатые кулаки выбрасываются вверх. Мы орем «Хочешь 41-й — получишь 45-й!», «NATO go home!» и «Фашизм не пройдет!».

— Что вы здесь отмечаете?

— День нападения фашистской Германии на Советский Союз, — несколько невпопад отвечает Гребнев Сергей на телекамеру. Эффект усиливает тот факт, что на нем футболка группы «Screwdriver» со стилизованной свастикой.

«Милиция! Безобразие! Заберите их!» — кричат сонные граждане, высовываясь в окна.

«Заткнись, клопье!» — хохоча, отвечает им в мегафон Гребнев.

Дело в том, что милиция нас охраняет. Без проблем получив согласование на ночную акцию (опять же — сейчас такое невозможно), нацболы встретились вечером у станции метро «Чернышевская» и провели ночь в Таврическом саду, попивая пиво и играя в водное поло в местном пруду, чтобы ровно в четыре утра выступить против участия НАТО в бомбежках Югославии.

В тот период партийные акции часто выглядели как скандальные шоу в стиле панк, что было заложено самим нацболом № 1. Еще на заре панк-движения, в середине 1970-х в Нью-Йорке, Лимонов водил дружбу с барабанщиком «The Ramones» Марком Беллом и ходил на андерграундные концерты в затерянных в чреве города маленьких грязных клубах. В рассказе «Первый панк» описана одна из таких вечеринок, где поэт Джон Ашбери к восторгу собравшихся читал «Левый марш» Владимира Маяковского.

А знаете ли вы, где впервые появилось красное полотнище с белым кругом и черным серпом и молотом? Это произошло в фильме Гарри Кокса 1986 года «Сид и Нэнси», где вокалист «Sex Pistols» Сид Вишес в исполнении молодого Гарри Олдмена в соответствующей футболке забавляется с пистолетом и своей подружкой на лондонской крыше. То есть

режиссер сделал Вишеса нацболом.

Позже в московском англоязычном издании «Exile» Лимонов подтвердил панковское происхождение национал-большевиков и отметил, что и Вишес, и идеолог «Sex Pistols» Джонни Роттен точно не отказались бы от партбилета НБП, как не отказался главный панк Отечества Егор Летов.

Этот самый флаг огромных размеров, не менее внушительный фронтовский Фантомас и лозунг «Ешь богатых! Капитализм — дерьмо!» украшали сцену московского кинотеатра «Алмаз» на Шаболовке, где 1 октября 1998 года состоялся первый съезд НБП. В преддверии мероприятия Лимонов в воодушевлении лично нарезал из картона мандаты и принимал в бункере делегатов, глотавших горячий чай и спешивших разместиться в специально снятой гостинице.

В итоге, когда съезд открылся, заполненный молодыми людьми зал встал, выбросив вперед руки со сжатыми кулаками — зрелище было весьма внушительное. Зазвучал гимн партии авторства Николая Кропалова:

Над землей заря встает,
Нас на бой она зовет.
Выше флаг больших идей,
Крепче шаг, ряды плотней!
Вперед, волкодавы, вперед
За Россию, за русский народ!
Пусть национал-большевизм
Возродит в нас былой героизм!
Идут волкодавы, идут.
Пусть тернистый мы выбрали путь —
Наш щит, наш маяк НБП
Нам укажет дорогу в борьбе!

На съезде присутствовали 125 делегатов из тридцати восьми регионов РФ, а также Украины, Латвии, Казахстана. Одним из наиболее ярких ораторов был Андрей Гребнев, с трибуны в очередной раз высказавшийся за партию штурмовиков, обрушившийся на кабинетных «философско-дрочеров», имея в виду Дугина и дугинцев. Но они тем временем уже стали частью партийной истории, а на сцену съезда выходили новые люди, которые вскоре займут ведущие позиции в организации.

Анатолий Тишин — добрейшей души бородатый мужик, сильно

взрослее нацбольшского актива, коренной москвич, участник защиты Белого дома в 1993 году и распространитель газеты «День», патологоанатом по профессии — быстро стал своего рода партийным «дядькой». В случае каких-либо конфликтов в партии, проблем с родителями и милицией или сомнений в правильности выбранного пути нацболы шли к нему, и за кружкой чаю и долгими разговорами Анатолий помогал страждущим и успокаивал мятущихся. Вскоре на него же легло и бремя решения большинства организационных вопросов, от распространения тиража «Лимонки» до подачи заявок на публичные акции и организацию акций прямого действия.

Газетой Анатолий стал заниматься в тандеме с Алексеем Волинцом (Виём), который с 1999 года сменил Лимонова на посту редактора. Свой политический путь он, как и многие нацболы первого поколения, начинал с РНЕ и все того же участия в противостоянии сентября — октября 1993 года. Разочарование его в поражении Верховного Совета было настолько велико, что Алексей ушел в армию, но в итоге все равно вернулся в радикальную политику.

Вольшец редактировал газету в наиболее сложный для нее период. В 2002 году «Лимонка» была запрещена, но стала выходить с тем же логотипом под названием «На краю», потом — «Генеральная Линия», пока окончательно не была прикрыта соответствующими органами одновременно с запретом партии в 2007 году.

Будучи редактором, Алексей периодически позволял себе всяческие вольности. К примеру, в 300-м номере было напечатано стихотворение Лимонова «Петербург»:

Меня привлекают твои наводнения
Гнилые мосты твои, о Петербург!
И в классе придворном нагорного пения
Меня обучал о тебе демиург...

Михайловский замок. Могучее мясо
Затянут у Павла на шее шарф
С поганого неба, со злого Парнаса
Скрипучие всхлипы доносятся арф.

Бродил в Петропавловске я. Озирался
Дождем как тишайший Кибальчич промок
(А после с Перовской я рядом качался

А раньше с царем Гринивецким я лег...)

Меня привлекают твои безобразия
Текущий на Запад болотный дымок
Россия горит — беззаветная Азия
Худющий старик — благородный Восток.

В чалме и халате глядит, улыбается
И тянется ввысь он сигарной рукой
«Тук!»... легкий удар, то окно закрывается
что, Петр Алексеич, во казус какой!

В Европу окно, где де Сад с анархистами,
Старик-то захлопнул спокойно окно!
Мы будем отныне дружить с анархистами,
А Питер взорвем как в научном кино!

Но в газете, к возмущению автора, из него исчезло последнее четверостишие. Оказалось, редактор его выкинул, причем сознательно. «Ну а зачем оно, Эдуард Вениаминович? Взорвем как в научном кино — детство какое-то», — спокойно объяснял он. Вряд ли кто-то из многочисленных редакторов и издателей, с кем Лимонов сотрудничал в жизни, позволял себе такое.

Другим предметом гордости Волынца стала встреча в середине нулевых годов с тогдашним помощником президента Путина Андреем Илларионовым, которая не состоялась, поскольку Алексей ее банально проспал. «Вы видели еще человека, который проспал бы деловое свидание в Кремле? Вот то-то же!» — говаривал он.

Вольшец станет в дальнейшем ведущим всех съездов нацболов и приобретет статус своего рода «партийного мудреца», особенно после выхода многочисленных публикаций на исторические темы и обстоятельной биографии видного деятеля сталинских времен Андрея Жданова в серии «ЖЗЛ».

В партийное руководство рекрутировались люди из регионов — в первую очередь нужно назвать переехавшего в столицу из Питера Сергея Аксенова и смоленского гауляйтера Сергея Фомченкова (Фомич). Жвания в своей книге писал, что вступивший в партию в 1997 году спокойный и рассудительный Аксенов казался ему гораздо более подходящей

кандидатурой на пост главы отделения, чем импульсивный и наглый Гребнев, однако Лимонов сделал иной выбор, а Сергей перебрался в Москву, где через некоторое время стал учредителем «Лимонки» и вообще превратился в правую руку председателя. Фомич же стал куратором всей региональной сети партии.

В том же 1999 году вступил в партию юный длинноволосый московский студент Александр Аверин, который вскоре организует пресс-службу и станет партийным пресс-секретарем.

Из Латвии приехал Владимир Линдерман (он же Абель), к тому времени уже довольно известный медиа-и контркультурный деятель. В 1980-е Линдерман, как и большинство латвийских русских, находился в упоении от идеи независимости страны и одно время даже был редактором газеты местного Народного фронта «Атмода». В то время он дружил с будущим кремлевским телеведущим Михаилом Леонтьевым, стоявшим на тех же позициях. После распада СССР Абелю стало скучно в Прибалтике, и он начинает издавать в Москве популярнейшую газету «Еще» — авангардное издание со смесью эротики, культуры и политики, закрытое властями в 1993 году наряду с красно-коричневыми «Правдой», «Советской Россией» и «Днем».

Вернувшись в Ригу, Линдерман обнаруживает там возрастающую дискриминацию неграждан, преследование русских школ, появление улицы Джохара Дудаева и прочие прелести независимости, после чего вступает в НБП и начинает борьбу за права русских в Прибалтике, устраивая вместе с тогдашним лидером местной организации Константином Михайлюком (Маузер) угарнейшие акции, вроде выпуска на воздушном шаре портрета Сталина навстречу колонне националистов (как в вышедшем тогда на экраны фильме Никиты Михалкова «Утомленные солнцем»).

Затем Абель переберется в Россию и станет одним из идеологов и лидеров партии, разработчиком ее нового стиля в противостоянии государственной машине в середине нулевых годов. Будет арестован российскими властями, выдан в Латвию по безумному обвинению в подготовке покушения на тогдашнего президента Вайру Вике-Фрейбергу, впоследствии оправдан судом и продолжит политическую деятельность в защиту русских. В общем, жизненный путь, уже сейчас тянущий на хороший приключенческий сериал.

В 1990-е годы латвийские нацболы вообще рулили по части креатива. Чего стоит один Бенес Айо — темнокожий паренек (мать — русская, отец — угандиец) из города Резекне, биолог, совершенно неотразимо смотревшийся в бандане с партийной символикой и ставший одним из

символов местного русского движения. Достаточно вспомнить, что в городе имелась аллея с так называемыми «дубками Ульманиса». Когда первый президент Латвии посадил их в 1920-е годы, он заявил, что «пока деревья растут, страна будет независимой». Так вот, однажды ночью все дубки оказались спиленными, в чем и обвинили Бенеса, хотя непосредственно доказать его вину так и не удалось...

Рассуждая о регионалах в «Моей политической биографии», Лимонов отмечает, что питерская и псковская организации были в партии самыми правыми и даже устраивали ему истерики по поводу членства в НБП Бенеса. Относительно псковской организации во главе с Гошей Павловым это было действительно так. Когда во время похода на Москву мы, прибыв в Псков, увидели местных нацболов, то, мягко говоря, удивились: это была группа молодых людей в черных рубашках и повязках в виде имперского флага с орнаментом из трех свастики. В довершение ко всему они оказались язычниками — ребята составляли организацию «Союз вenedов Псковщины» и долго искали, к какой бы общероссийской политической организации примкнуть, в итоге остановившись на НБП.

Что до Питера, то всё было далеко не так однозначно. Тот же Бенес не раз гостил у Гребневых. А у нашей «банды штурмовиков» периодически случались стычки со скинхедами и футбольными фанатами. К примеру, однажды во время матча «Зенита» до Жени Павленко, пришедшего туда с партийным флагом, докопались правые фанаты-ультрас. Его избили толпой, но знамя он так и не отдал. Мы решили мстить и отправились на ближайший футбольный матч. Правда, играл не «Зенит», а питерское «Динамо» с командой из Ростова, но по нашей информации ультрас там должны были быть. Вооружившись палками и бутылками и прибыв в составе пары десятков человек к стадиону имени Кирова, мы встали сверху трибун и стали вычислять возможных нападавших. Хулиганы занервничали и... пожаловались на нас ОМОНу. «Что у вас со скинами, парни? Шли бы вы отсюда, а то заберем», — посоветовал нам их старший.

Мы решили подождать неприятеля в метро, по дороге подкрепились пивком и в боевом настроении спустились на станцию «Петроградская». Через некоторое время бритые люди в розочках стали спускаться по эскалатору. Следующие несколько минут шло «избиение младенцев»: кого-то били головой о металлические двери станции, я заехал кому-то ногой по яйцам, скины орали от ужаса. Крики: «Не трогайте меня, я из Ростова!» — действия не возымели. Пассажиры в ужасе жались к стенам и звали милицию. А сверху рокотал раскатистый бас Гребнева-старшего: «Бейте их, это фашисты! Они не заслуживают жалости!»

Запрыгнув в подъехавший поезд, мы отбыли без потерь, оставив на платформе нескольких лежащих в крови и стонущих фанатов. Молва быстро разнесла это по городу, и больше таких инцидентов не было. Со скинами, впрочем, случались и другие стычки, после чего они стали относиться к нашей банде штурмовиков гораздо лояльнее — иногда даже присоединялись на первомайских демонстрациях или заходили к Гребневу-старшему выпить портвейна.

После проведения съезда Лимонов с отвечавшим за партийную документацию Андреем Федоровым наведлся к тогдашнему министру юстиции Павлу Крашенинникову с намерением прощупать почву насчет возможности регистрации партии. Похожий на Николая II министр был благодушен, однако по поданным документам последовал отказ.

Для исправления ошибок в документации, на которые указал Минюст, в срочном порядке пришлось собирать Второй съезд в Питере. Помогал нам в этом муниципальный депутат Денис Усов, помощник легендарного политика и авторитета Юрия Шутова. Помещение предоставили в его офисе на Богатырском проспекте. Съезд по сути был техническим — особенно разговаривать было не о чем, за несколько часов закруглились с необходимыми формальностями и голосованиями, заслушали краткую речь Лимонова. День закончился алкогольными возлияниями в компании вождя возле Казанского собора и походом к Московскому вокзалу со скандированием партийных лозунгов. Как ни странно, никто даже не попал в милицию.

Кажется, именно тогда Лимонов появился перед нами со своей новой девушкой. Дело в том, что с Натальей Медведевой Лимонов расстался еще в 1995 году. Несколько лет он встречался с высокой и худой, бритой налысо Елизаветой Блезе, ездил с ней к маме в Харьков, которой новая избранница сына очень понравилась. В 1998-м они расстались, и место Лизы было занято румяным подростком в футболке с Летовым — шестнадцатилетней Настей Лысогор, именуемой «Крошечная Настя». Пара повергла даже издававших виды партийцев в некоторый шок. Настя, однако, оказалась верной спутницей, сопровождала Эдуарда в его поездке в Сибирь в 1999 году, носила передачи в «Лефортово» во время его тюремного заключения, а затем присутствовала на всех основных этапах слушания его дела в Саратове. Эдуард обнаружил у нее литературный талант, ее рассказы публиковались в нескольких сборниках — впрочем, развития это не получило.

Ну а документы с исправлениями были поданы на регистрацию. Под самый новый, 1999 год вновь последовал отказ. Лимонов с партиями в

течение недели пикетировал Минюст под лозунгом «Регистрация или терроризм». Не помогло — принципиальное решение не пускать нас в политику было принято осенью 1998 года и остается неизменным в течение почти двадцати лет.

Не допущенная в легальную политику партия стала — отчасти интуитивно, отчасти сознательно — развивать тактику акций прямого действия, опробованную на «Авроре». Лавры первой мишени АПД по праву принадлежат кинорежиссеру Никите Михалкову. 7 января 1999 года Никита Сергеевич провел премьерный показ своего фильма «Сибирский цирюльник» в Алма-Ате в знак «всемерного уважения» к «большому политику» Нурсултану Назарбаеву и призвал голосовать за него на предстоявших через несколько дней выборах. Это плохо сочеталось с декларируемым Михалковым русским патриотизмом, а потому против него было решено развернуть кампанию.

В марте 1999 года Дмитрий Бахур и Егор Горшков забросали Никиту Сергеевича яйцами. Уже скрученного охранником Бахура Михалков пнул несколько раз ногой в лицо. Это вызвало бурный резонанс в ненавидящих режиссера либеральных СМИ, хотя о подоплеке акции умалчивалось. Парней посадили в Бутырку, где Бахур заболел туберкулезом. А партия по всей стране принялась мстить Михалкову.

Женя Павленко, Борис Щерба и Дмитрий Смирнов попытались осуществить такую же акцию в Питере, не слишком, впрочем, удачно. Подождав появления режиссера у кинотеатра «Аврора», куда он прибыл на презентацию все того же «Сибирского цирюльника», организованную партией власти «Наш дом — Россия» во главе с одним из ее тогдашних лидеров, будущим либеральным оппозиционером Владимиром Рыжковым, они закидали его яйцами — но попали не в Михалкова, а в проходившую мимо женщину. Причем Борю поймали охранники. Далее последовала забавная сцена, когда уже с избитым ими студентом-филологом Щербой Михалков решил поговорить под камеру, показав свое интеллектуальное превосходство над «гопником из НБП»:

«— Ну и кто твои любимые авторы?

— Юкио Мисима, например. (Михалков промолчал, поскольку, вероятно, такого писателя не знал.)

— А Достоевского ты читал? Он много писал о грядущем хаме...

— Вообще-то о грядущем хаме писал Мережковский...

— А если твой звеньевой Дима Воронцов прикажет убить меня, ты исполнишь приказ?

— В условиях военного времени — да».

Взбешенный Михалков, прибыв в БКЗ «Октябрьский» на организованный НДР концерт «Старые песни о главном», устроил спектакль на радость прессе.

«Багровый от ярости режиссер возмущенно восклицал: «Ну и отморозки!» — писала газета «Новости Петербурга» (1999, № 41). — И тут же в непечатных выражениях поведал испуганному Рыжкову, как только что, когда он шел на встречу со зрителями, при входе в кинотеатр его атаковали политические противники. В Михалкова метнули нож. Покушавшимися, по словам Никиты Сергеевича, были студенты-филологи, члены партии Лимонова. В кинозале в это время распространялись листовки с призывом физического устранения Михалкова. Оказалось, что недавно в Самаре в режиссера пытались плеснуть кислотой. Всего лишь одна капля, попавшая на палец охраннику, прожгла его до кости. В Москве в Михалкова те же лимоновцы не только метали тухлые яйца, но и собирались пальнуть дробью из духового пистолета».

«На вопрос: «Зачем нож кидал?» — студент ответил, что нож был игрушечный, на что режиссер в свою очередь парировал, что как бы там ни было, а данную акцию он характеризует не иначе как теракт, — отмечало издание «Супер-телескоп» (1999, № 14). — Удивление по поводу того, что партия Лимонова до сих пор существует, выражалось у него емкой фразой «е... вашу мать!», а призыв запретить данную организацию заканчивался традиционно по-русски «кеб...й матери».

«Лимоновцы забросали Михалкова камнями», «Покушение. В Петербурге в Михалкова метали ножи», «Теракт против режиссера» — с такими заголовками вышли газеты на следующий день. Скандал был что надо. Правда, никто так и не вспомнил о поводе акции — поддержке Михалковым Назарбаева. После этого было возбуждено дело по статье 213 УК РФ (хулиганство). В отличие от Москвы, правда, все закончилось благополучно и за решеткой никто не оказался.

После нескольких подобных акций в разных городах Михалков совсем сник и впал в депрессию. В качестве посредника Лимонову позвонил Станислав Говорухин с просьбой закончить травлю режиссера, и Эдуард согласился — позиция партии была обозначена и продолжать не имело смысла.

Еще одна панк-акция того лета произошла в Великом Новгороде. Андрей Гребнев тогда разрабатывал планы экспансии петербургского отделения в другие регионы северо-запада, создания своего рода федеральных округов под эгидой самых сильных отделений. (Лимонову эта идея совсем не понравилась, и в итоге она была похоронена.)

Составом в пару десятков человек мы выдвинулись в Новгород на электричке. Я, по обыкновению, отправился продавать «Лимонку» по вагонам. Вернувшись назад, обнаружил всю компанию уже хорошо выпившей. стакан водки залпом — и я тоже в нужной кондиции...

Дальше все происходило в алкогольном тумане. Прибыв в город, мы разбили палатки и расположились лагерем в лесочке прямо рядом с кремлем, выпили еще и ночью отправились заниматься агитацией. Плохо зная местную географию, мы, однако, разрисовали всю центральную улицу, украсив здания местного ФСБ, администрации губернатора Геннадия Пруссак и т. д. граффити вроде «Дави Пруссак», «Капитализм — дерьмо» или «Вся власть НБП».

Можно себе представить, что чувствовали губернатор и местные силовики, приехав утром на работу. Ситуация усугублялась тем, что в регионе предстояли выборы, и Пруссак торжественно объявил, что потратит деньги не на избирательную кампанию, а на благоустройство города — и фасады в центре как раз перед нашим приездом были отштукатурены и покрашены. В городе был объявлен план «Перехват» и все силы милиции бросили на наши поиски.

С утра, проснувшись, мы отправились купаться на городской пляж. Гребнев в плавках, черных очках и армейской шинели, с бутылкой пива в руке заорал отдыхающим на песочке под памятником Александру Невскому: «Эй, вы, как живется под яйцами коня?!» — и полез в воду прямо в шинели, едва не утонув.

В таком состоянии нас и задержала милиция. В отделении всех долго и обстоятельно допрашивали, добиваясь признаний в содеянном. Я стоял на своем, что всю ночь сидел в лагере. Некоторое время меня били пластиковой бутылкой по почкам (метод хорош тем, что на теле не остается следов). Потом у оперов завязался спор:

«— Поехали к девкам, все равно он не скажет ничего.

— Скажет, скажет. Сейчас мы еще поработаем с ним. А откажется — бросим в камеру к нашим уголовникам. Ты в курсе, что наши уголовники в СИЗО тоже слышали про это? Они свой город любят и возмущены, там из тебя быстро девочку сделают...»

Ничего не добившись, меня отвели обратно в отделение. В ужасающей грязи, в камерах с тараканами, клопами и бомжами мы провели остаток ночи. Посредине еще привезли невменяемую алкашиху в футболке ЛДПР, которая, поорав и покачав права, завалилась спать в камере. Поскольку другие камеры не закрывались, а дежурные отвлеклись, бомжи потянулись к ней, не желая упустить редкий шанс удовлетворить свои половые

потребности. (Не постеснялись и нам предложить — мол, не хотите ли, ребята. Ребята не хотели...) С утра, обнаружив это, дама подняла скандал, но была под общий хохот ментов вышвырнута из отделения.

Ну а что вы хотели — такова реальная картинка провинциальных отделений милиции в 1990-е годы. Да и сейчас там немного изменилось.

Мировая судья, к которой нас отвезли на следующий день, штамповала всем приговоры по 15 суток, не забывая при этом с улыбкой предложить: «Приезжайте в наш город еще, но уже с добрыми намерениями». Я, однако, обратив внимание, что вину не признал и доказательств нет, предложил судье в качестве компромисса наказание в виде штрафа. И на электричке отбыл в Питер. Остальным же пришлось познать сомнительные радости пребывания в новгородском ИВС.

Андрея Гребнева такой стиль жизни вкупе с его взрывным темпераментом и неумным характером в итоге привел в тюрьму. У себя на районе он однажды запил со знакомыми скинами. Уже за полночь в квартиру на свою беду постучался сосед-вьетнамец с просьбой вести себя потише. Его побили, а Гребнев в это время спал в комнате. Сосед вызвал милицию, и когда приехал наряд, разбуженный Андрей повел себя наглее всех остальных — заставил зашнуровывать ему высокие ботинки, ибо тащить тело весом более 100 килограммов ментам не хотелось. В итоге на него и повесили всех собак — на целый год Гребнев загремел в «Кресты». Там он испортил здоровье и вышел на свободу уже совсем не тем энергичным лидером штурмовиков, каким мы его знали прежде.

Приехав в Москву по просьбе Лимонова, он в течение нескольких дней пил в бункере и так и не смог даже пообщаться с ним. После чего Эдуард позвонил нам и сказал, что надо что-то делать, так дальше продолжаться не может. В январе 2000 года, в том же зале на Богатырском проспекте, где у нас проходили собрания, мы сместили Андрея с поста гауляйлера. Он пытался сопротивляться, привел с собой толпу скинов, пообещав им пива за то, чтобы они нас «переубедили». Однако пива не было, те стояли и мялись в нерешительности, и упомянутый выше Лось, хорошо знавший большинство из них, провел разъяснительную работу, после чего они развернулись и направились в сторону метро.

После НБП Гребнев вступил в «Партию свободы», созданную Юрием Беляевым вместо НРПР, однако это уже была его политическая и человеческая агония. Свой жизненный путь Андрей закончил через несколько лет. Его нашли сильно избитым на лестничной площадке одной из многоэтажек рядом с его домом там же, на Гражданке. Родным тело для судмедэкспертизы так и не выдали, сообщив, что умер он от отравления

алкоголем. Схоронили его на кладбище в Ковалеве. У него остался сын Герман от девушки Лиды («Представь, как это звучит: Герман Гребнев! Как Геринг!» — говорил он брату), которая вскоре вышла замуж за араба и переехала в Иорданию. Теперь уже юноша Герман штудировал Коран и совершает намаз.

«Андрей Гребнев, поэт, хулиган, человек холерического темперамента проживет совсем недолгую жизнь, — писал Лимонов в «Книге мертвых-2». — Он изумлял, подавлял, возмущал и злил всех, кто с ним соприкасался. Но он обладал несомненным даром вести людей, заводить их. Жвания пишет, что он много пил и употреблял барбитураты. И пил, и употреблял барбитураты, да. Но не эти активности были главными в этом настоящем *working class hero*, просто ему было всегда мало активности, он, может, хотел от земли оторваться».

И действительно. На вопрос журналистов, какую судьбу он хотел бы себе выбрать в следующей жизни, Андрей как-то ответил: «Не хотелось бы быть неподвижным существом. Самолетом бы хотел с удовольствием стал сверхзвуковым, советским бомбардировщиком».

Летом 1999 года страна вступила в новый цикл больших выборов. Дряхлеющий Ельцин долго колебался относительно кандидатуры преемника и, наконец, решился. 16 августа 1999 года Владимир Путин был утвержден Думой в должности премьер-министра.

Наш предвыборный альянс с Анпиловым и Тереховым был переименован в Сталинский блок и тут же распался. Вместо Лимонова туда взяли внука Сталина Евгения Джугашвили. Нацболы опять оказались за бортом политического процесса. Попытка войти в правый блок вместе с объединением «Спас» и РНЕ также закончилась неудачей.

Зато «заклятый друг» НБП министр Крашенинников пошел в Думу от Союза правых сил вместе с Борисом Немцовым, Ириной Хакамадой и «Киндер-сюрпризом» Сергеем Кириенко. Они раскатывали по разным городам, устраивая большие концерты с участием известной колоды рок-и поп-исполнителей. В Петербурге действо состоялось в августе на стадионе «Петровский».

Мы с Женей Павленко как раз пили шампанское в одном из дворишков на Петроградской стороне, когда вступили в конфликт с компанией активистов партии в футболках «Ты прав». Спор на повышенных тонах по поводу реформ 1990-х закончился тем, что я двинул одному из наиболее борзых оппонентов бутылкой шампанского по голове, разбив ее в кровь. Под причитания бывших со студентами девиц мы быстренько свалили с места происшествия.

А выйдя на набережную Невы, встретили дедушку, совершавшего пробежку. «Ребят, что там происходит, на Петровском?» — поинтересовался аксакал-спортсмен. «Да вон твари-демократы выступают, Немцов, Хакамада...» — был ответ. «Да вы что! Их давить надо!» — ахнул старичок и достал из сумки малек водки. За это и выпили.

Впоследствии я и сам, получив несколько раз бутылкой шампанского по голове — до сих пор остался небольшой шрам, понял, что это довольно серьезное оружие и без необходимости лучше его не применять.

Еще круче поступили нацболы в Нижнем Новгороде, ворвавшись в местную приемную СПС, учинив там погром с битьем стекол и оргтехники и написав на стене красной краской слово «Сталин».

Но это все были обычные партийные будни, а две действительно легендарные акции этого периода состоялись за пределами тогдашних границ России.

27 августа 1999 года, в день независимости Украины, группа национал-большевиков во главе с Тишиным и Фомченковым произвела мирный захват башни ДК моряка в Севастополе с требованием присоединения города к России. Любопытно, что брал 16 нацболов — жестко их избив, — отряд морских пехотинцев российского Черноморского флота. А затем передал в руки украинских правоохранительных органов. В итоге нацболы полгода провели в украинских тюрьмах, прежде чем были переданы в Россию.

Следующая большая акция готовилась в Риге. Как уже было сказано, партия там была весьма активна в борьбе за права русских, а особенные усилия нацболы приложили к раскрутке так называемого «дела Кононова». Василий Макарович Кононов, ветеран и герой войны, уничтоживший пособников нацистов на одном из хуторов Латвии, был в 1998 году обвинен в преступлениях против мирного населения и брошен в тюрьму.

Подготовка происходила как настоящая спецоперация: попытки обвести вокруг пальца спецслужбы Латвии и России увенчались успехом не сразу. Первую группу нацболов задержали фээсбэшники на границе Псковской области и Латвии. В Петербург приехала Лена Боровская для подготовки второй группы, которая должна была зайти через Белоруссию. В ее составе отправились в том числе Женя Павленко, Сергей Гребнев и Олег Беспалов. Ребята добрались до границы, долго блуждали там по лесам и болотам, воровали картошку с полей, за что едва не были избиты разъяренными крестьянами, и наконец их задержали белорусские пограничники.

Еще одна группа десантировалась ночью с проходящего через Латвию

поезда, сорвав стоп-кран. Один из прыгавших в темноту ребят — нижегородец Илья Шамазов — сломал ногу, неудачно приземлившись на насыпь. Однако 17 ноября 2000 года акция все-таки состоялась. Трое активистов — Сергей Соловей, Максим Журкин и Дмитрий Гафаров — поднялись на башню собора Святого Петра и забаррикадировались там, потребовав освобождения политзаключенных, советских ветеранов и предоставления гражданства всем русским. Дабы прогнать туристов со смотровой площадки, они использовали муляж гранаты, что было роковой ошибкой.

Им в итоге предъявили статью «терроризм». Судья Густав Лаукрозе дал Соловью и Журкину по пятнадцать, а семнадцатилетнему Гафарову — пять лет лишения свободы. Просидели они, правда, значительно меньше. Через некоторое время их этапировали для отбывания наказания в Россию, а через три года все были на свободе. А вот судью Лаукрозе довольно скоро убили в центре Риги. Вероятно, имел место криминальный след, однако для нацболов это выглядело как проявление высшей справедливости. Именно так этот эпизод и выведен в романе Захара Прилепина «Санька».

В то же время кампания в защиту Кононова и других советских ветеранов раскрутилась до общероссийского уровня. Мы рисовали на поездах граффити, атаковали латвийские диппредставительства и пикетировали магазины с требованием не покупать латвийские продукты.

В 1999–2000 годах консульство Латвии в дореволюционном особняке на 13-й линии Васильевского острова в Петербурге мы атаковали не менее тринадцати раз. В ночь на 9 мая, решив поздравить ветеранов с Днем Победы, мы выдвинулись туда с Женей Павленко и Олегом Беспаловым. «Бах» — и банки с черным лаком летят в табличку и герб, а также в дверь консульства. «Стоять, сука!» — несется нам вслед от выскочившего из будки дежурного милиционера. Разбегаемся в разные стороны, и тут я делаю роковую ошибку, заворачивая не в тот двор. Убеждаюсь, что он непроходной, а в арку уже входит быстро прибывший наряд милиции.

Из консульства выходит дипломат, типичный прибалт, растягивающий слова с акцентом, интеллигентного вида, в очках.

— Я хотел посмотреть, кто и зачем это сделал. Почему вы против нашего государства?

— Я его не признаю, я за Советскую Латвию.

— Ах, за Советскую Латвию, ну, все понятно...

В отделении один мент долго хвалил меня, объявляя патриотом, другой рассказывал, что о том, что я сделал, уже доложили Путину и он очень недоволен. Так или иначе, начальство решило, что нужно возбуждать

уголовное дело. Дома провели обыск, изъяли мои бумаги и банку с черной краской с балкона, используемую отцом для каких-то своих целей, заявив на прощание родителям: «Как жаль, что у такого заслуженного отца такой непутевый сын».

А меня отправили в ИВС Василеостровского района. Там в компании таджикского торговца героином из Горного Бадахшана, деда-алкоголика, укравшего тарелку у соседа, и кого-то еще я и встретил День Победы. На журнале с портретом тогдашней латвийской президентши Вайры Вике-Фрейберги заваривался крепкий чай...

Дело возбудили по статье «вандализм», и в итоге судья, явно отнесшийся к акции с некоторым сочувствием, дал мне полгода условно и тут же амнистировал. Что касается партизана Кононова, то в апреле 2001 года его под общественным давлением, к которому подключились и российские власти, выпустили из тюрьмы.

Севастопольская и рижская АПД закрепили за партией репутацию единственной организации, реально борющейся за права русских за границей. «Российское государство на наших глазах демонстрировало полное неумение отстаивать права русских за рубежом, — писал Лимонов в «Моей политической биографии». — Ложная концепция внешней политики, практикуемая правительством президента Путина, исходит из того, что не следует раздражать соседей, захвативших в качестве заложников миллионы русских. ФСБ послушно проводит в жизнь эту концепцию. НБП выступает за активное вмешательство во внутренние дела тех соседних стран, в заложниках у которых оказались наши русские люди. Мы считаем, что следует бороться, давить, выбивать права для русских. С недавних пор Российское государство стало бросать нас — сторонников этой концепции борьбы за права русских — в тюрьмы».

Так к концу 1990-х лицо партии окончательно сформировалось. Лимонов заставил говорить о себе как о лидере самой радикальной и относительно массовой политической организации, состоящей из молодежи. К этому же времени относится и окончательное формирование набора мифов о нацболе № 1 и его пастве, о которых стоит поговорить поподробнее.

Удивительно, что несколько базовых мифов оказались исключительно устойчивыми и живучими. В течение более чем двадцати лет они продолжают кочевать по СМИ, книгам и блогам, причем — в зависимости от текущей политической позиции самого героя — используются людьми совершенно противоположных взглядов. Либералами, потом охранителями и государственными пропагандистами, потом снова либералами и далее по

кругу. Может показаться, что такое «хоровое пение» как раз показатель их верности, но скорее речь идет либо о пропаганде, либо о банальном непонимании.

1. Миф о фашисте

О, сколько копий (или, точнее, пучков фасций) было сломано вокруг него! Лев Гумилев указывал, что большинство споров люди ведут не о сути вещей, а о словах, подразумевая разное значение используемых терминов, а такие споры непродуктивны. В данном случае термин настолько давно размылся и потерял всякий смысл, что само утверждение «имярек — фашист» превратилось в чудовищную банальность. И тем не менее этот миф прочно занимает первое место в списке.

В 1990-е либералы с ужасом ждут прихода «русских фашистов». Вышла книга эмигрантского публициста Александра Янова «После Ельцина. Веймарская Россия», где утверждалось, что от дряхлеющего российского президента-Гинденбурга власть должна перейти к русскому Гитлеру (условному Баркашову, но упоминаются также и Лимонов, и Жириновский). Красно-коричневый реванш кажется ему почти неизбежным.

Петербургские СМИ регулярно упражняются в теме. «1933 год Германия. Нацисты еще не у власти, но уже маршируют. 1998 год Россия. Национал-большевики еще не в Кремле, но уже маршируют по Невскому», — ставит «Невское время» две фотографии на первую полосу. То, что во главе колонны идет Андрей Гребнев в футболке с Лениным, — это уже мелочи, которые никого не волнуют.

Середина нулевых. Нацболы создают коалицию с либералами. Специально для борьбы с ней формируется «молодежное демократическое антифашистское движение «Наши». Одновременно с обвинениями в фашизме выступают и сановные мужи — один из лидеров «Единой России» Андрей Воробьев, сенатор Михаил Маргелов и другие. Брат главы «Наших» Борис Якеменко издает книжку «Лимонов о Лимонове, и не только», где «научно доказывает» фашизм героя. Звучат требования отказать Эдуарду в доступе к СМИ. Все это не оставляет сомнений, что имеет место масштабная государственная кампания. Гораздо позже, в 2015 году, киевские СМИ называли Лимонова «фашиствующим пропутинским писателем».

Надо сказать, Эдуард сам давал массу поводов к тому. Особенно

любили цитировать вот этот кусок из «Анатомии героя»:

«Хайль! Да, смерть!» Я вытягиваю руку в римском приветствии и гордо щелкаю каблуками армейских русских сапог. Да, я фашист, аристократ, случайное совпадение, одна из многих миллионов комбинаций аминокислот — редкое животное.

Фашизм — религия трагических одиночек. Фашизм, в отличие от социализма, расизма, национал-социализма — это персональное и радикальное обращение личности к своему спиритуальному истоку, спрятанному по ту сторону смерти. Религия фашиста — смерть Ее Величество. «Да здравствует смерть!» — кричали вслед за генералом Хосе Милланом Астраи его испанские фашисты».

Между тем текст этот посвящен вообще не политике, а, как позднее пояснил сам Эдуард, размолвке с Натальей Медведевой, обвинявшей его в черствости и жесткости.

Французский биограф Лимонова Эммануэль Каррер в интервью журналу *Express* рассуждает:

«Он точно не Махатма Ганди. Да, Лимонов является фашистом, потому что его ценностями являются: закон самых сильных, жизненная сила, отсутствие сострадания... Но он не имеет ничего общего с неонацистами. Нацболы, члены его партии, скорее напоминают анархистов, организовавших саботаж линии скоростных поездов во Франции, или молодых людей, которые связаны с рок-группами».

Вот это уже ближе к истине. Если и можно говорить о «фашизме» Лимонова — то о героическом отношении к жизни, об эстетике и культуре, но не о политике и идеологии.

При всех рассуждениях об идеологическом синтезе нацболы всегда были более левой, красной организацией, а над арийством, измерением черепов и расовыми теориями, которыми увлекались временные попутчики вроде Баркашова и Иванова-Сухаревского, они откровенно смеялись. Именно более благородная левая идея всегда служила для партийцев источником вдохновения. Достаточно взглянуть на пантеон героев партии, на 90 процентов состоящий из левых — от Маркса и Энгельса через Ленина и Сталина до Мао, Фиделя, Ким Ир Сена и Пол Пота. Что касается наименований вроде «гауляйтеров», «бункерфюреров» и «штурмовиков», то они были элементом эпатажа, своего рода игры, к которым нацболы также относились с юмором.

Подвидом мифа о фашизме является миф об антисемитизме. Он не такой распространенный в силу уж совсем полного отсутствия фактической основы. Лимонов не раз отмечал, что относит антисемитизм к

«извращениям национализма». По мнению Каррера, «того, что коренной русский, а тем более украинец, по общему мнению, просто обязан быть антисемитом, ему достаточно, чтобы им не быть». Что ж, прекрасное у французского автора мнение о русских и украинцах!

Вот сценка с одного из митингов начала 1990-х в описании Эдуарда: «Стоя на трибуне (на крыше грузовика), замерзший, ожидая своей очереди к микрофону, я услышал, помню, свистящий злой шепот Анпилова, обращенный к парню с повязкой: «Уберите этого больного, немедленно. Его снимают, завтра он будет во всех газетах...» Дальше Анпилов выругался, и правильно сделал, ибо такой себе лопух-мужичонка в трухе держал за ручку один конец лозунга (другой бациллоноситель был невидим мне в толпе). На белом полотне синими буквами похабно зиял лозунг «Жидов в Израиль! Спасем Россию!». Парень прыгнул с грузовика и, заслоня больного деда, оттиснул его вместе со вторым бациллоносителем к грузовику. Закачавшись, легло на головы людей и исчезло смятое, стыдное полотнище. Однако его уже успели снять и японское, и российское, и черт знает какие еще телевидения, людей со штативами кинокамер и без штативов и с фотоаппаратами вокруг было довольно. Завтра газеты обвинят митинг в антисемитизме».

Нацболам в 1990-е годы регулярно пытались приписать появление на демонстрациях с плакатами вроде «Жи́ды — исторические враги русских» вообще безо всякого на то основания. А в нулевые годы близкими к администрации президента пиарщиками, включая тех же братьев Якеменко, была проведена кампания, призванная уличить Лимонова в антисемитизме, не имевшая, впрочем, особого успеха.

Отметился в этой сфере и ведущий Первого канала Владимир Познер, который не раз заявлял, что не зовет Лимонова в свою программу из-за его «фашистских взглядов», а полемизируя с Захаром Прилепиным, сообщил, что «от нацболов пострадали многие, в том числе двое моих знакомых, которые были избиты до полусмерти за то только, что были «неславянской внешности» и «когда все-таки нашли хулиганов, которые осквернили могилу моих родителей (и не только моих), то они как раз и оказались нацболами». Фамилий или иных доказательств Познер не приводит, так как таких людей из числа сторонников Лимонова в природе не существует.

2. Миф об Огре

Первые же акции прямого действия, за которыми последовали

уголовные дела и тюремные заключения для их участников, поставили перед их лидером проблему ответственности в лице разъяренных родителей нацболов и враждебно настроенных СМИ, допытывавшихся, почему он «отправляет детей в тюрьму».

Образ Огра — мифического скандинавского великана, похитителя детей, использованный режиссером Фолькером Шлендорфом в одноименном фильме о гитлерюгенде, — накрепко привинтили к Лимонову.

Российская власть любит инфантилизировать общество вообще, а молодежь — особенно. Предполагается, что подростка и молодого человека нужно оберегать не только от наркотиков, но и от алкоголя, а также крамольных книг, сайтов и идей. Отсюда многочисленные нелепые запреты, установленные законодателями за последние годы. Признать, что в современном социуме люди взрослеют быстро и годам к пятнадцати — шестнадцати готовы к самостоятельному выбору определенной жизненной позиции, в России категорически не хотят.

«Чем страшен Лимонов? Для взрослого человека ничем. Смешон. Стареющий сатир в поисках любви, — рассуждал прокремлевский телеведущий Владимир Соловьев. — А вот для молодых, которые за словесной шелухой не видят сути, — опасен. Ему нравится бросать молодых в тюрьмы — ведь это «школа ненависти». Озлобленные на власть, а не на Лимонова, они становятся верной гвардией мелкого беса».

И ведь бесполезно объяснять Владимиру Рудольфовичу, что участники партийных акций прямого действия всегда шли на них добровольно, в абсолютном большинстве были совершеннолетними и прекрасно знали, что рискуют оказаться за решеткой. При этом сознательно Лимонов никого в тюрьмы не сажал — это делало именно что государство, впаивая реальные заключения за деяния, тянущие либо на 15 суток ареста, либо максимум на условный срок.

А вот после начала конфликта в Донбассе Соловьев стал звать Лимонова в свою программу. Зато теперь волна подобных разговоров поднялась в стане либералов, рукоплескавшим партийным АПД в нулевые годы. Несмотря на то что средний возраст нацболов-добровольцев ДНР и ЛНР составлял около тридцати лет, опять стали писать об обманутых Лимоновым «мальчиках».

Вероятно, эти обвинения — своего рода рок, который будет преследовать партийцев всегда, вплоть до гробовой доски в любом возрасте. Не исключение тут и сам Лимонов. Раиса Федоровна Савенко как-то после выхода сына из тюрьмы дала ему добрый совет: «Смотри,

Эдик, осторожнее. Не доведут тебя эти твои нацболы до добра». В данном случае в образе коллективного Огра выступает уже сама партия.

3. Миф о Развратнике

Данный миф демонстрирует уже упомянутую выше классическую подмену понятий, когда Лимонова отождествляют с героем его художественных произведений или, наоборот, выдают его литературные упражнения за партийную программу и идеологию. В то время как это вещи связанные, но в то же время разные.

В 2007 году Фонд эффективной политики Глеба Павловского издал книгу Павла Данилина, Натальи Крышталь и Дмитрия Полякова «Враги Путина», где каждому из ведущих оппозиционеров приписывается один из грехов. Гарри Каспаров символизирует гордыню, Михаил Касьянов — алчность, Михаил Ходорковский — зависть, а Лимонов соответственно похоть. Составители обильно цитируют, приводят воспоминания о пребывании в НБП некоей Инги фон Кремер, сводящиеся к бесконечным половым актам в бункере. К ним добавляют написанную Лимоновым в тюрьме книгу «Другая Россия» и приходят к оптимистичному выводу, что: «Большинство людей почему-то принимают не лимоновский новый мир сексуальной комфортности и кровавых кочующих орд, а новую путинскую Россию. Путин забирает у Лимонова сердца и души молодых людей... предлагает им альтернативу той действительно неприглядной жизни, которую они ведут и которую так любит живописать Лимонов».

На самом деле в бункере периодически происходили какие-то *love story*, как в месте обитания многих молодых людей и девушек, но представлять его таким уж гнездом разврата не стоит. Что касается книги «Другая Россия», то отношение к ней в партии было неоднозначным, и уж точно никто не собирался воплощать ее здесь и сейчас.

Ну а в 2015 году длинную статью об аморализме Лимонова написал либеральный писатель и обличитель Кремля Максим Кантор на сайте «Радио Свобода»:

«Савенко/Лимонов был неудавшимся авангардистом, курил траву и совокуплялся напрасно; он вернулся в Россию, стал большевиком. Иными словами, Савенко повысил градус аморальности, стал инфернально аморален: не просто наркоман и садист, но расстрельщик и комиссар... В сущности, Лимонов, Путин, Залдостанов, Прилепин, Моторола представляют один и тот же гламурно-милитаристический тип».

Круг замкнулся. Забравший молодые сердца у развратного Лимонова Путин встал с ним в один гламурно-милитаристский строй.

Подвидом мифа о развратнике является миф о гомосексуалисте, включающий периодически всплывающие в СМИ сплетни о «голубом братстве НБП». Не удержался даже Каррер, увидевший гомосексуальные аллюзии в фото из среднеазиатского похода, где Лимонов и нацболы стоят с голыми торсами. Хотя парням просто было жарко...

В целом же автор может отметить, что ни одного открытого гея за 20 лет пребывания в партии не встречал. А пояись такой — у него быстро возникли бы проблемы в коллективе, так как среди нацболов немало консервативно настроенных мужчин и отцов семейств, которые бы такое не одобрили.

На этом пока остановимся — «мифологии» Лимонова можно посвятить отдельную книжку.

Глава четвертая

«ВТОРАЯ РОССИЯ — МОЙ ИСТИННЫЙ ДОМ»

7 февраля 2000 года, понедельник. Оттепель. Обычный столичный зимний день с пробками, грязным подтаявшим снегом и спешащими по своим делам гражданами. Владимир Путин дает интервью хрипатому и небритому обозревателю ОРТ Михаилу Леонтьеву. И. о. президента подчеркнуто демократичен, образ его еще не забронзовел, на Путине свитер крупной вязки. Непонятное кресло, сзади — что-то вроде пальмы, нераспакованные картины. Действие происходит на премьерской подмосковной даче, куда чета Путиных только что переехала. «Мы все живем как на чемоданах в последние десять лет. У людей есть постоянное жилье, но нет ощущения стабильности. Надеюсь, мы его себе вернем», — говорит Владимир Владимирович, у которого скоро выборы, ласкающие слух избирателя слова.

А тем временем в самом чреве Москвы, на Лубянской площади у музея Маяковского, ходит Эдуард Вениаминович Лимонов в черной рваной панковской куртке. Его уже опознали торговцы значками и книгами, предложили хлебнуть водочки из фляги, от чего тот не отказался. Эдуард ждет важной встречи, о которой по собственной инициативе договорился заранее. И вот появляется в сопровождении охранников начальник управления ФСБ по борьбе с терроризмом и экстремизмом генерал Владимир Пронин. Их диалог (по «Моей политической биографии») стоит привести полностью:

«В России трудно стало работать политическим партиям, — пожаловался я. — Слишком много ограничений. Не там стал, не там плюнул во время митинга — привлекают к ответственности. Вы не поверите, но меня вызывали к следователю Московского ФСБ по поводу скандирования мною в микрофон на митинге в ноябре слова «Революция!» — «А чего вы хотели? Должен быть порядок...» — сказал он. «Мы никогда не нарушали закон Российской Федерации, не нарушаем и сейчас и не будем нарушать... Потому мы все чаще переносим нашу борьбу за пределы РФ, в те страны СНГ, где попираются права русских...»

Генералу, возможно, все это было неинтересно. Но он стоял, не уходил. И не высказывал нетерпения. Может быть, он думал, что все это затравка и

после затравки я ему кого-нибудь выдам?

«В частности, особенно успешными были наши действия в Латвии, где национал-большевики сумели добиться огласки «дела Кононова». Вы знаете, речь идет о старике, партизане-подрывнике, латвийцы обвиняют его в «преступлении», совершенном в 1944 году. Национал-большевистская партия раскрутила Кононова. Мы занимались Кононовым с самого дня его ареста в августе 1998 года. Мы устраивали пикеты, разрисовывали поезда». — «Это ваши люди только что атаковали латвийское посольство?» — прервал он меня. «Сочувствующие. Мы приказа не отдавали». — «И сочувствующие сидели в Севастополе, а наш МИД был вынужден вытаскивать их оттуда...» — заметил он скептически. «Нет, там сидели члены Национал-большевистской партии. Видите ли, Владимир Васильевич, что же мы за страна такая, если добровольно сдали город-герой, символ русского сопротивления в 1854-м и в 1941-м. За восемь лет единственная партия, которая осмелилась дать отпор наглой оккупации, — это мы, НБП». — «Границы уже определены. Поздно», — сказал он. «Кем определены? Ведь не нами? Севастополь нужно отстоять, иначе грош нам цена как нации, Владимир Васильевич...» — «Ну это не вам решать и не мне, это прерогатива государства», — сказал он. «Между прочим, мы, НБП, делаем за вас вашу работу. Вы должны были бы нам платить...» — «Ну да... Еще что... Вы только усложняете отношения России с нашими соседями». — «Наши соседи, пока вы их стараетесь умаслить и не раздражать... живут с головой, повернутой на Запад, и один за одним бегут в НАТО. Наши соседи — вся Европа приходила к нам с Наполеоном и Гитлером и придут еще...»

Шагах в десяти белокурая бестия Николай, такого белого цвета никакой краской не добьешься, а у него — свои, топтался ботинками по лужам. Время от времени генерал искоса поглядывал на него. Сотовый генерал сунул в карман куртки.

«Владимир Васильевич, — сказал я, — не надо нас подслушивать, зарабатывать, надо с нами дружить. Давайте работать вместе».

Он ухмыльнулся и покачал головой.

«Погодите возмущаться. Есть же сферы, куда государство не может вмешиваться, нельзя уронить престиж, наехать на посольства, организовать манифестации здесь и там, хоть в Латвии, хоть на Украине, а мы это можем! А государство пусть нас официально порицает, мы будем выражением гнева русского народа».

Выслушав Лимонова, Пронин удалился. Предложение повисло в воздухе. Вряд ли оно имело какой-то шанс быть принятым по целому ряду

субъективных и объективных причин. Предпенсионного возраста генерал, думающий о том, как бы поскорее уйти на покой к внукам, бокалу виски со льдом и кресле-качалке на подмосковной даче, — не тот человек, который принимает решения в ФСБ, да и вообще это не прерогатива чекистов. Без первого лица такие вещи в государстве Российском не делаются.

Не лучшим образом выглядела и общеполитическая конъюнктура. Новый хозяин только осваивался в Кремле, окруженный унаследованными от предыдущего царствования вельможами. Еще впереди было выстраивание вертикали власти, превращение администрации президента в главный и по сути единственный орган политической жизни страны, расстановка своих людей в спецслужбах, хотя там уже и обрадовались приходу «своего» на первый пост в государстве. И шла еще вовсю предвыборная вторая чеченская война.

Наконец, Путин образца начала нулевых был настроен на тесную дружбу с Западом вплоть до вступления России в Евросоюз и НАТО. Об этом в один голос свидетельствуют тогда приближенные к первому лицу, а позднее ушедшие в оппозицию премьер-министр Михаил Касьянов и помощник президента Андрей Илларионов. У Путина было мало опыта в общении с западными элитами. Социалистический Дрезден, где молодой ВВП расслабленно попивал пиво, не в счет. А во времена Анатолия Собчака на европейцев и американцев было принято смотреть с придыханием, что и делал его помощник, занимавшийся поставками гуманитарной помощи в Петербург. То есть, став президентом, Владимир Владимирович имел если не горбачевские, то вполне серьезные иллюзии на вхождение в мировую элиту и испытывал явное удовольствие, позируя перед фотографами на саммитах Большой восьмерки и прочих сборищах сильных мира сего. Это уже позже, ко второму сроку, он начнет понимать, что его там на равных никто принимать не собирается, результатом чего станет глубокая обида на Запад, постепенно приведшая к мюнхенской речи, пятидневной войне с признанием Абхазии и Южной Осетии и, наконец, к Крыму и Донбассу. Растянулся это процесс, как видим, более чем на десять лет. Но ранний Путин — безусловный западник, ученик и наследник Ельцина и Собчака.

Словом, вопрос о русских за границей, и тем более о каких-то нацболах в повестке дня не стоял никоим образом. И тем не менее важно, что это предложение было озвучено. В той ситуации именно Лимонов показал себя человеком, защищающим интересы государства, Державы, и готовым на компромиссы ради продвижения ее интересов и защиты соотечественников. А вот само государство высокомерно промолчало.

Говорят, что позднее, когда нацболы превратились в главную несистемную оппозиционную силу, в частных беседах замглавы администрации президента Владислав Сурков сожалел, что предложение Лимонова не было принято. Но то была уже другая политическая эпоха.

А тогда партия решила действовать самостоятельно. Так появилась концепция «Второй России». Раз перекрыты возможности для участия в легальной политике в РФ, нужно перенести активность за ее пределы — в одно из постсоветских государств со значительной долей русского населения. Начать борьбу за независимость русских регионов, взять там власть, а затем провести экспорт революции в самую большую Россию. План выглядел привлекательно не только потому, что десятки миллионов русских в результате трагедии 1991 года оказались отрезаны от родины и мечтали о возвращении к ней, но — самое главное — на первом этапе все это не выглядело противоречащим интересам Кремля. Тут власть казалась скорее союзником, который, если не будет помогать, так хотя бы мешать не должен.

Рассматривались три варианта — Украина, Прибалтика, Казахстан.

В «Лимонке» в то время публиковался конкурс проектов революции. Был среди них и такой. В Крым приезжает с концертами группа «Родина» (проект «Гражданской обороны» под руководством члена партии, соратника Летова и легендарного сибирского панка Олега Судакова, «Манагера»). Под видом поклонников на полуостров съезжаются нацболы, сочувствующие панки, русские националисты и т. д. Они организуют шествия и митинги в Севастополе с требованием референдума о присоединении к России. Возникают беспорядки, волнения перекидываются на другие города, украинские войска и милиция открывают огонь, после этого в Крыму начинается народное восстание, в которое вынуждена будет вмешаться Россия.

Тогда за этот текст авторства самого Лимонова газета получила предупреждение от Комитета по печати. А теперь, после событий марта 2014 года, на полуострове, кажется, что в Кремле не просто внимательно читали «Лимонку», но и использовали ее как пошаговую инструкцию к действию. Только спустя долгих 15 лет после того, как это было написано.

Абель тогда много рассуждал о Латгалии — регионе в Латвии со столицей в Даугавпилсе, граничащем с Псковской областью и населенном преимущественно русскими и православными латгальцами. По его словам выходило, что для партийцев городская герилья с использованием современных средств связи предпочтительнее партизанской войны в степях и лесах.

И все же вариант Прибалтики был отвергнут как нереалистичный из-за невозможности основания опорных баз в крошечных густонаселенных республиках. Что касается Крыма, учитывалось то, что Украина — самая сильная в военном отношении из постсоветских государств, а также фактор наличия украинских националистов и крымских татар как агрессивных организованных сил.

Выбор остановили на Северном Казахстане. В пользу этого варианта говорили и большие малонаселенные пространства, где удобно размещать тайные базы, и почти неохраемая граница длиной семь тысяч километров, и этнически почти равное соотношение русских и казахов в стране (более пяти миллионов русских вместе с другими славянами и шесть миллионов казахов), и относительная слабость местной милиции, армии и спецслужб. Учитывалось, что режим Нурсултана Назарбаева — под заверения о дружбе и евразийской интеграции с Москвой — за годы независимости постепенно выдавливал русских со всех ключевых постов в органах власти, а русских активистов здесь преследовали и репрессировали куда более жестко, чем в Прибалтике или на Украине. Достаточно вспомнить отправку в тюрьмы с серьезными сроками инициаторов созыва того самого казачьего круга, на который Лимонов приезжал еще в 1997 году. Организованное движение сопротивления, прежде всего казачье, было к тому времени уже разгромлено. Однако оставалось собственно недовольное русское население, составляющее абсолютное большинство в промышленных центрах севера республики — Уральске, Кустанае, Петропавловске, Семипалатинске, Павлодаре, Усть-Каменогорске.

«Видите, Андрей, тут живут казаки, тут кочуют какие-то степные народы, а тут горы и леса, где легко скрыться, — показывал мне Лимонов на огромной карте в коридоре своей квартиры в Калошином переулке этот регион. — Неподалеку от границы по дуге лежат российские города-миллионники от Астрахани и Оренбурга до Омска, Новосибирска, Барнаула. Они станут для нас центрами подпитки и привлечения людей».

Все эти разговоры тщательно писались на пленку оперативниками, поставившими квартиру на прослушивание, и потом были приобщены к уголовному делу. Вообще подготовка к операции «Вторая Россия», как сейчас видится, отличалась, мягко говоря, некоторой наивностью. Разговоры о ней велись, почти не скрываясь, дома у Лимонова и в бункере. Был даже отпечатан бюллетень «НБП-инфо» с изложением идей проекта, который был разослан по региональным отделениям для изучения активистами. Изучили в первую очередь те, кому это было надо по долгу службы, и в дальнейшем обсуждение авторства его основного текста

«Вторая Россия» стало центральным моментом судебного процесса над Лимоновым со товарищи.

22 февраля 2000 года в подмосковном пансионате «Зорька» в обстановке секретности (место держалось в тайне, и мы сами не знали, куда едем) открылся третий съезд НБП. Секретность, правда, была больше для нас, чем для спецслужб. Двое нацболов в ходе осмотра помещения обнаружили странный предмет, похожий на звукозаписывающую аппаратуру, и отключили его от проводов. В зал ввалилась целая толпа милиционеров, сообщивших, под дружный смех собравшихся, что помещение заминировано. Вскоре в зал было разрешено вернуться, бомбы, само собой, не нашли. «Камеру перевесили», — отметил кто-то.

Главной целью съезда было утвердить вынос борьбы за пределы России, что он и сделал. Голосовавших против не было, а вот воздержавшихся оказалось двое — я и Женя Павленко. Нам изложенный проект по Казахстану показался несколько фантастическим.

Лимонов же немедленно приступил к знакомству с регионом. В апреле он, предварительно взяв контакты местных чиновников у старого знакомого — лидера Аграрной партии и депутата Госдумы Михаила Лапшина, совершает первую поездку в Горный Алтай, где изучает местную природу, нравы аборигенов и прочую, по его выражению, «первосортную алтайскую экзотику». С августа по декабрь он постоянно перемещается между Алтаем, Красноярском, Новосибирском и Москвой. Он сводит знакомство с травником Семеном Пироговым, владельцем хутора в лесах неподалеку от села Банного Усть-Коксинского района. Нацболам нужно было подыскать подходящее место для зимовки, а Пирогов как раз уезжал на это время в Барнаул, и кто-то должен был присматривать за его хутором. Зимовать там оставили двоих партийцев — Дмитрия Бахура и Сергея Гребнева.

Параллельно Эдуард пишет по заказу издательства «Лимбус-пресс» книгу «Охота на Быкова» — расследование, посвященное судьбе опального красноярского олигарха. Все это происходит под неусыпным контролем спецслужб, убежденных, что он занялся всем этим, чтобы достать денег для покупки оружия.

6 апреля 2001 года Лимонов в сопровождении четверых нацболов — Сергея Аксенова, Олега Шаргунова (брата писателя Сергея Шаргунова), своего охранника Михаила Шилина и Артема Акопяна — прибывает на пасеку Пирогова.

Вот как описывает Сергей Гребнев дальнейшие события в своей рукописи, посвященной алтайской экспедиции:

«Мы вышли из бани. Четыре часа прожарки тела. Вышла не только хворь, но и благодаря неторопливому разговору с товарищами, потеющими рядом, улетучивается и гнусь из головы. Хрустящие и невесомые, в трусах и в майках, неторопливо вышли на воздух. Залаял Ильдус, из леса на дорогу вышли две фигурки. Мы увидели друг друга и узнали. Они закричали от радости, что наконец доехали. Мы — от радости, что наконец дождались. Остальные застряли километрах в двух от пасеки. Увязла наша боевая тачанка в слякоти сырого снега.

Обнялись. Бегал вокруг, виляя хвостом, Ильдус, вспоминая прежних хозяев. Акопян, пока не остыла баня, брезгливо оттолкнув собачий восторг, залез в парилку. Он стал последним, кто парился и мылся в этой бане. Успел.

Через пару часов, вытащив машину из объятий хлипкой слякоти, мы сидели в Туре. Потрескивала дровами русская печь, питая жаром дно казана, доверху набитого огромными, с кулак, тефтелями из марального мяса. Уже не скороговоркой бессмысленной первых минут встречи, а задорными шутками переговаривались мы, периодически похлопывая друг друга по плечам. За отодвинутым от стенки столом рассеянно, сказав главное, листал «Петра Первого» Алексея Толстого Эдуард, немного побледневший в городах за эти четыре месяца. А мы смеялись, рассказывая новости. Теперь мы поменялись местами. Они — с городским лоском, с рассказами о пьянках. Мы — бритые под горшок, с лесного.

Разложили по мискам влажные, жирные и дымящиеся мясные тела тефтелей.

— Миша, у нас там где-то бутылка была? — заулыбался Эдуард, покручивая ус.

Достали стопки, мельхиор, оставленные нам Эдуардом и когда-то подаренные ему Тишиным.

— А что это за царапины? — заметил искрябанное дно одной из стопок как бы рассеянно Эдуард. Я всегда побаивался вот этой рассеянности. Вот так вот рассеянно и как бы невзначай Эдуард может мимоходом отчитать так, не договаривая до конца, что запомнишь навсегда. Мы с Бахуром переглянулись и промолчали, улыбнувшись. Ох уж эта внимательность! Стопку мы использовали как наперсток, зашивая рабочие варежки или — как называл их Коля — верхонки. А я сшил себе трусы, ставя заплатки, из 25 разноцветных кусочков. И последний раз использовал стопку вместе с Серегой на его день рождения, когда сшили вручную национал-большевистский флаг. И каждая царапина была оправданна. Разлили в стопки водку — и та самая случайно досталась Эдуарду.

Мы все светились, и водка нас не пьянила, она лишь подчеркивала настроение, ставя восклицательные знаки. Опять рокотал Эдуард, произнося простой, но сильный тост. Пафос был спрятан только в запятых. Мы понимали с полуслова. И здесь кривлялся только лишь один.

Сладко лежать в густой темноте, улыбаясь. Знать, что все наконец-то расставлено по местам. Звезды на алтайском добром небе вроде бы выстраиваются в нужную одобрительную, подмигивающую конструкцию. И водка борется с мыслями. И хочется, и не хочется спать. А рядом товарищи, и если попытаться проткнуть взглядом густоту темноты, то можно увидеть такие же довольные рожи, как твоя...»

Наутро за ними пришли. Программа «Человек и закон» по Первому каналу на всю страну продемонстрировала кадры оперативной съемки — людей в рубашках и футболках вытаскивают на мороз из избушки автоматчики и ставят на колени в снег. Крупным планом — лицо Лимонова.

«На вас у них ничего нет, — говорил нам полушепотом Эдуард. — Они приехали за мной и, наверное, Аксеновым».

Мы сидели, дрожа от холода, в старой бане. Руки наши ныли от затянутых до упора стальных наручников, обезвредивших нас за спиной. Слышались почти мирные переговоры и смех бойцов спецназа ФСБ, жгущих на улице для согрева костры из дров, напиленных и разрубленных нами с Бахуром. Слышался лай нашего бедного ошалевшего Ильдуса и грубое рычание приезжих ротвейлеров. Мы помолчали, немного ошарашенные от предыдущего почти часового стояния в исподнем на снегу. Рассматривая друг друга, мы невольно улыбались. Видок наш был тот еще. Разрешив нам одеться, нас по одному, подталкивая прикладами, заводили в туру, где все уже было перевернуто, обыскано и вывернуто наизнанку.

— Одевайся быстро, — приказывал стоящий посередине спецназовец и грозил автоматом. Поэтому кто что увидел — тот то и надел. Мне вот не досталось носков, а бахуровские штаны предательски выставляли на мороз мои икры. Дима же вольготно утопал в чем-то большом. Потом нас вели, закрутив руки за спины, надели наручники. Заводя в эту старую баню, по одному нас ставили на колени и с нецензурными наставлениями охаживали по головам кулаками...

Перетряхивали все вверх дном в избушках пасеки фээсбэшники, ища оружие, которое им обещал Акопян.

— Где оружие? — раздраженно спросил один из них, зайдя в баню.

Мы переглянулись с Бахуром:

— Нет у нас никакого оружия.

Это был их главный вопрос, неоднократно его задавали потом нам на допросах, угрожающе дыша на нас перегаром. Эти балбесы, готовя операцию, в которой участвовало около пятидесяти бойцов и десяток единиц техники, не додумались привезти с собой хотя бы один ствол, чтобы «найти» его в доказательство! Да если бы у нас оно и было, это оружие, неужели бы я — внук партизана, ушедшего в лес в 16 лет, в 17 получившего первое ранение и оставшегося живым всю войну, — не спрятал это оружие? Залив стволы воском, обернув в мешковину, аккуратно сложив в битый изнутри плотным полиэтиленом зеленый ящик, не оттащил бы на несколько километров от пасеки и не закопал бы неглубоко между двух упавших деревьев? Неужели бы я не догадался это сделать, балбесы?»

Итак, оружия не нашли и в итоге вынуждены были отпустить всех задержанных на пасеке, за исключением Лимонова и Аксенова. Что же было у спецслужб на руках:

- материалы прослушивания и оперативного наблюдения за Эдуардом и другими партийцами, в том числе с обсуждением казахской операции;

- организованная самой ФСБ провокация с покупкой нескольких автоматов лидером Саратовского отделения партии Дмитрием Карягиным и нацболом Олегом Лалетиным. Роль продавцов там выполняли некие люди, выдававшие себя за членов местной РНЕ, однако так и оставшиеся неизвестными, то есть скорее всего — оперативники;

- показания оказавшегося внедренным агентом спецслужб Акопяна.

Карягин и Лалетин, а также причастные — по мнению следствия — к покупке оружия Нина Силина и Владимир Пентилюк также были арестованы. По алтайскому делу, таким образом, проходили шесть человек. Им были предъявлены обвинения в незаконном приобретении и хранении оружия (ст. 222 УК РФ), попытке создать незаконные вооруженные формирования (ст. 208), терроризме (ст. 205) и призывах к свержению конституционного строя (ст. 280).

Доказательств, в общем-то, негусто для столь громких обвинений. Тем не менее следствие не скрывало, что собирается упрятать Лимонова на долгие годы за решетку, а параллельно приступило к активной разработке всей организации.

Первым делом отряд вооруженных силовиков вломился в московский бункер, откуда увез на допрос второго человека в партии на тот момент, Анатолия Тишина. Тут им неожиданно повезло. В ходе продолжавшегося почти сутки допроса Анатолий дал практически все необходимые следствию показания. Насколько можно понять, грамотные оперативники

попросту «развели» Тишина, упирая на то, что в органах тоже работают патриоты, которые хотят защищать русских в Казахстане, и вообще, мол, «одно дело делаем».

Руководство следственной группы составило специальный вопросник по делу Лимонова, который был разослан в 44 региона. По всей стране начались допросы активистов партии. Я тоже получил повестку на допрос в ФСБ. В назначенное время явился в Большой дом, где в кабинете у следователя Натальи Кусливой — средних лет полной и вполне добродушной тетюшки — я провел около часа. Отвечая на вопросы о «Второй России», говорил, что да, такой проект есть, он подразумевает мирные акции в защиту русских, а относительно оружия — это все революционная фразеология и игра слов. Наталья Марксовна, записав все это, честно призналась, что такие лозунги она поддерживает, но не понимает ничего относительно методов, и у нее осталось чувство недоумения от этого дела.

В большинстве случаев опрошенные партийцы примерно то же самое и отвечали. Однако было несколько человек, которых удалось «развести» на нужные показания вслед за Тишиным. Как, например, лидера Калининградского отделения, востоковеда и знатока санскрита Андрея Игнатьева.

Тюремную эпопею Лимонова можно разделить на три этапа:

— лефортовский. После ареста 7 апреля 2001 года на пасеке Пирогова его перевозят в Горно-Алтайск и самолетом этапируют в Москву, где помещают в СИЗО ФСБ «Лефортово». Там он находится более года, пока идет следствие;

— саратовский. 5 июля 2002 года Эдуард под конвоем прилетает на военный аэродром города Энгельса и отправляется в знаменитый Саратовский централ, где сидели в свое время сестра Ленина Мария Ульянова и академик Николай Вавилов. А уже 9 июля начинается судебный процесс, который продлится девять месяцев;

— лагерный. 15 апреля 2003 года судья Владимир Матросов зачитывает приговор, и наш герой отправляется в ИК-13 города Энгельса. Там он проводит полтора месяца — с 15 мая по 30 июня, когда получает условно-досрочное освобождение.

«Тюрьма — это, по существу, недостаток пространства, возмещенный избытком времени; для заключенного и то и другое ощутимо, — указывает Иосиф Бродский в эссе «Писатель в тюрьме». — Вполне естественно, что именно это соотношение, вторящее положению человека во вселенной, делает заключение всеобъемлющей метафорой христианской метафизики, а

заодно и практически повивальной бабкой литературы. Что касается литературы, это в некотором смысле понятно, поскольку литература в первую очередь является переводом метафизических истин на любое данное наречие. Такой перевод, конечно, может быть осуществлен и без заключения и, возможно, с большей точностью. Однако от Павла и по сей день христианская традиция с замечательной настойчивостью полагалась на тюрьму как на средство, способное сподвигнуть к откровению».

Откровение Лимонова — цикл из восьми тюремных книг — является несомненно лучшим среди его поздних произведений, а в целом пребывание в заключении стало наиболее насыщенным в творческом отношении периодом жизни писателя. В «Лефортове» Лимонов написал семь книг — «Моя политическая биография», «Священные монстры», «Книга воды», «В плену у мертвецов», «Другая Россия», «Контрольный выстрел» и «Русское психо». Еще одна — «По тюрьмам» — создана в Саратовском СИЗО. А отчет о пребывании в колонии «Торжество метафизики» был написан уже после выхода на свободу. По силе воздействия на читателя все они в совокупности сопоставимы с «Эдичкой» и «Дневником неудачника».

И дело тут не только в метафизике, в экстазе и озарении, которые Лимонов пережил за тюремными стенами, а в сугубо практических вещах. К примеру, заслуживает благодарности будущих поколений читателей тогдашний начальник СИЗО «Лефортово» за то, что выделил заключенному Савенко отдельную камеру для работы и даже распорядился поставить туда «ленинскую» лампу с зеленым абажуром, под которым Эдуард и писал с утра до вечера, прерываясь лишь на сон, принятие пищи, прогулки и физические упражнения. То есть фактически создал идеальные условия для литературной работы, когда никто и ничто не отвлекает писателя от процесса.

А еще надо поблагодарить защитника Сергея Бея, который, рискуя навсегда лишиться адвокатского статуса, выносил из «Лефортова» лимоновские тексты и статьи и передавал их издателям и СМИ. При этом мировая литература однажды чуть не лишилась «Книги воды». Беляк доверил коллеге-адвокату портфель с бумагами, в том числе с ее рукописью и открытым письмом Владимиру Путину, а его стащили из машины грузинские воры-борсеточники. Однако благодаря связям в криминальной среде многоопытный Сергей Валентинович сумел через несколько дней найти их и вернуть похищенное.

В тюрьме Лимонов ведет обширную переписку. Один из важных его адресатов — рабочий из Анджеро-Судженска Вадим Пшеничников. Вряд

ли его размышления о происхождении народов, новой аристократии, религии и мистике интересовали тюремную цензуру, а вот на Эдуарда произвели серьезное впечатление. Немало страниц тюремных книг посвящены цитированию текстов Пшеничникова и диалогу с ним.

Вообще Лимонов-мыслитель переживает в тюрьме новое рождение. «Я стал потихоньку объяснять какие-то явления современного мира сам, — пишет он в «Русском психо». — Появились книги «Дисциплинарный санаторий», «Убийство часового», в голове складывалась до тюрьмы, но в тюрьме я ее написал, книга «Другая Россия». Процесс размышления продолжается и в других моих книгах, в книге-эссе «Контрольный выстрел» и в переписке с Пшеничковым рождаются идеи, общие и частные. Какие-то куски идей умирают или, напротив, развиваются. Так, мне всегда нравился оскал сильного государства. А теперь я ношу в себе кощунственную мысль, что (как и город) государство — это средневековая конструкция, репрессивная по сути своей. Что, может быть, ей место на выставке орудий пыток рядом с гильотиной, гарротой и Железной Девой».

Сборники эссе «Русское психо» и «Контрольный выстрел», а также утопия «Другая Россия» — работы, можно сказать, антиобщественные. В них Лимонов препарирует устройство российского социума и камня на камне не оставляет от того, что сегодня называют традиционными ценностями и духовными скрепами. Вероятно, сами тюремные стены навевали обросшему бородой и волосами и ставшему похожим на социалиста-утописта XIX века «узнику замка Леф» подобные настроения.

В «Другой России» разбирается устройство русского общества как института подавления. Центральной мишенью для атаки стал «русский адат» — комплекс неписаных привычек и обычаев народа. Революция 1917 года, которая не смогла разрушить «адат», объявлена нерадикальной, сталинские меры по выселению народов недостаточными (надо было выдворять за границы СССР) и т. д. В финале дается картина будущего — уход из городов и создание современных вооруженных коммун кочевников, где каждый имеет право на войну и на сексуальную комфортность:

«Основным принципом старой цивилизации является протестантский принцип труда во имя производства. Человеку обещается сытая жизнь до глубокой старости, жизнь умеренно работающего домашнего животного. Основным принципом новой цивилизации должна стать опасная, героическая, полная жизнь в вооруженных кочевых коммунах, свободных содружествах женщин и мужчин на основе братства, свободной любви и общественного воспитания детей... Способ проживания в городах позволяет тотально контролировать человека. Потому для достижения

свободы человека нужно оставить города. В известном смысле нужно вернуться к традиционализму. Вооруженные коммуны будут выглядеть как изначальные племена. Это будет наш традиционализм. Коммунами будет управлять Совет Коммун. Вместе они будут называться орда».

Вполне символично, что эта книга вышла в издательстве «Ультра. Культура» культового левого мыслителя, автора текстов группы «Наутилус Помпилиус» Ильи Кормильцева.

«Другая Россия» вызвала большую дискуссию в партии. Вопреки распространенным представлениям, что за нацболов думает и решает вождь, многим эти эксперименты совсем не понравились. Ведь среди партийцев было и есть немало и людей консервативных взглядов, и сторонников того самого «русского адата». Да и сам Эдуард еще недавно писал в «Лимонке» прямо противоположное: «Цивилизация удовольствия — западная, со славянской бабьей распущенностью нужно кончать. Нации нужна новая жестокая мораль. Нам нужен свой «шариат», чтобы загнать наших бесов пьянства в больницы и лагеря, а девок — на место, в семью, в постель мужа, к колыбели ребенка».

С другой стороны, Абель настаивал, что не даст обойти постулаты книги в партийном строительстве, и требовал внести в программу пункт про сексуальную комфортность. Точки над «i» в итоге, выйдя из тюрьмы, расставил сам Эдуард, заявив, что «Другая Россия» — не политическая программа партии, но при этом — дословно — «запретить мне думать вы не можете».

Политическая позиция Лимонова также претерпела в тюрьме определенные изменения. «Вы завернули не те гайки и повернули руль не туда», — писал он в открытом письме президенту Путину, говоря об установленной в стране диктатуре, переполненных тюрьмах и политических преследованиях оппозиции. От партийцев он потребовал поменять лозунги. «Сталин — Берия — ГУЛАГ» звучит как «Путин — Патрушев — ГУИН» и неуместен, когда товарищи находятся в застенках. Поэтому скандировать на демонстрациях предлагалось «Революция и свобода» и «Долой тиранию спецслужб».

Партийцы, пытаясь вытащить вождя из тюрьмы, выдвинули его кандидатуру на довыборах в Государственную думу по 119-му Дзержинскому округу Нижегородской области, где Эдуард родился. Сбор подписей и предвыборная кампания шли при полном отсутствии денег и при поистине героических усилиях нацболов, съехавшихся туда из разных регионов, которым часто было банально нечего есть. Дошло до того, что оголодавшие агитаторы в одном из райцентров поймали и съели кота. Тем

не менее достучаться до жителей депрессивной российской глубинки им так и не удалось. Результат (около 7 процентов голосов) был одним из лучших, который Лимонов когда-либо получал на выборах, но, увы, весьма далеким от победы — всего лишь четвертое место.

Летом 2002 года расследование дела завершилось, и оно было направлено на рассмотрение в Саратовский областной суд — по месту приобретения тех самых злосчастных автоматов Калашникова. Обвиняемые и адвокаты пытались это оспорить, полагая, что защиту и освещение процесса удобнее будет осуществлять именно в столице. А тут еще Эдуард вспомнил свое юношеское одноименное стихотворение:

Прошедший снег над городом Саратов
Был бел и чуден, мокр и матов
И покрывал он деревянные дома,
Вот в это время я сошел с ума,
Вот в это время с книгой испещренной
В снегах затерянный, самим собой польщенный
зябко вянул, в книгу мысли дул
Саратов город же взлетел-вспорхнул

<...>

и белый снег не укрощен
протест мельчайший запрещен
и только вечером из чашки
пить будут водку замарашки
и сменят все рабочий свой костюм
но не сменить им свой нехитрый ум
И никогда их бедное устройство
не воспитает в них иное свойство
против сей жизни мрачной бунтовать
чтобы никто не мог распределять
их труд и время их «свободное»
их мало сбросит бремя то народное
И я один на город весь Саратов
— так думал он — а снег все падал матов.

<...>

Я образ тот был вытерпеть не в силах,
Когда метель меня совсем знобила
и задувала в белое лицо.
Нет, не уйти туда — везде кольцо

Умру я здесь в Саратове в итоге,
не помышляет здесь никто о Боге
Ведь Бог велит пустить куда хочу
Лишь как умру — тогда и полечу,
Меня народ сжимает — не уйдешь!
Народ! Народ! — я более хорош,
чем ты. И я на юге жить достоин!
Но держат все — старик, дурак и воин
Все слабые за сильного держались
и никогда их пальцы не разжались
и сильный был в Саратове замучен
а после смерти тщательно изучен.

«Это судьба», — констатировал он. Однако в итоге тот факт, что процесс проходил именно в Саратове, оказался выигрышным для обвиняемых. Центр партийной жизни переместился в этот большой, но сонный поволжский город. Несмотря на это, к делу проявляли немало внимания СМИ и общественность. На процесс приезжали известные деятели, вроде Александра Проханова или бывшего мэра Владивостока Виктора Черепкова. Письмо в защиту Лимонова в адрес российского президента подписали писатели-патриоты (Проханов, Василий Белов, Станислав Куняев и другие). Путина там сравнивали с российскими правителями, которые «сажали в казематы Радищева и Чернышевского, Достоевского и Максима Горького, Гумилева и Ключева». С другой стороны, писатели либеральной ориентации (Дмитрий Быков, Наум Ним, Леонид Юзефович) создали Ассоциацию в защиту Лимонова, воспринимаемого как жертва режима.

3 февраля 2003 года в Москве во сне от инсульта умерла Наталья Медведева. Сокамерники, увидев сюжет об этом по НТВ, посочувствовали Лимонову. К тому времени они уже восемь лет как не жили вместе — в 1995 году Наталья ушла к гитаристу панк-группы «Коррозия металла» Сергею Высоковскому (Борову). В группе медлительный, баловавшийся героином Боров всегда был на вторых ролях по сравнению с веселым алкоголиком Сергеем Троицким (Пауком), являющимся фигурой не менее культовой, чем тот же Егор Летов. Помнится, к примеру, в 2000 году Паук устроил тур в поддержку одного из аутсайдеров президентской гонки, лидера движения «Духовное наследие» Алексея Подберезкина. Бесплатный концерт в питерском кинотеатре «Спартак» тогда закончился хоровым

исполнением композиции «Наш король — Люцифер» участниками группы, приглашенными стриптизершами и залезшими на сцену радостными панками и металлистами. На весь этот трэш и угар сверху с огромного баннера взирал из-под очков кандидат Подберезкин на фоне церквей, русских березок и слогана «Я знаю, как спасти Россию».

Лимонов был очень удивлен: «Как можно было уйти к такому человеку, как Сергей Высоков?» Добродушный и беспомощный рокер-наркоман, вероятно, был для нее как большой ребенок. Однако Медведева записала с ним в 1999 году один из самых лучших и мощных своих альбомов «А у них была страсть», где слышны и отголоски лимоновских рассказов о его войнах:

В Очемширах умереть — красиво.
Солнечная долька на губах.
В роще ароматных апельсинов,
Глядя, как любимую, автомат.
Забыв весь страх!
Что улицы Москвы беззаконны,
Идешь, как будто раздетым,
Зло и Добро невесомы...
Поедем на Войну...

До Крайны узким коридором,
Где средневековия закон.
И над всеми только пули Богом,
Но и сам ты с пулями, как Бог.

Или:

Возьми меня, возьми!
Как в соцреалистических романах.
Где вместо описаний похотливой тьмы
Пробел! Или три маленьких звезды...
Меня ты ими пригвозди,
Не думая о возможных ранах.
Через тебя, через тебя пускай узнает тело,
Как солнца луч слепит блестяще бело!
Над русским позабытым капитаном.

В Абхазии, в Чечне, в горах Афганистана...

Возьми меня, возьми...

Как мост, как узкий переход через Днестр...

На нем одно не заминировано место...

В середине! И нет пути назад!

Как никогда нет у солдат,

И у распиленного подполковника Костенко...

Из окружения был выход, стенка!

А журналистка, сука, все сплела не в лад...

Я сохраню, я сохраню все тайное...

Меня своей посмертной сделай Танею...

Но дальше все уже пошло по наклонной. Концерты превратились в маловразумительные перфомансы, где Медведева читала стихи, а Боров перебирал струны на гитаре. Запой, депрессии, приступы яростной активности, попытки стащить любимого с иглы... Однажды Наталья пришла на свидание в «Лефортово» к Лимонову, который все еще официально оставался ее мужем. После чего Эдуард злобно прошелся по ее состоянию и внешнему виду в одной из книг. Медведева была возмущена. «Что он себе позволяет?» — рычала она в трубку на адвоката Беляка.

Лимонов отмечал, что во многом по темпераменту Медведева была похожа на Андрея Гребнева. Вот и перегорела в 44-летнем возрасте, оставив вместо детей свои диски и книги, по которым потомки будут изучать портрет эпохи — России, ломаемой на стыке веков. Не по Макаревичу же в самом деле это делать?

Вскоре после выхода из тюрьмы Эдуарду потребовалось свидетельство о смерти Натальи, и он попросил меня решить этот вопрос с ее мамой Маргаритой Васильевной. Встретились мы на площади Мужества, где она так и живет все в той же коммуналке в пятиэтажке, где выросла и сама Медведева. Она изругала Лимонова на чем свет стоит («Он такой эгоист! Ему на все наплевать! Только о себе и думает!»), но нужную бумагу выдала. Часть праха Медведевой мама захоронила на Большеохтинском кладбище, приготовив рядом могилы для себя и сына с уже заготовленными датами рождения и фамилиями, только без указания дат смерти. Другая часть была развеяна над четырьмя городами — Парижем, Лос-Анджелесом, Москвой и Санкт-Петербургом.

Эдуард простился с ней стихотворением:

Где-то Наташечка
Под теплым мелким дождичком
Идет сейчас босая,
А выше над облаком
Господь играет ножичком,
Блики на лицо ее бросая.
«Бу-бу-бу-бу-бу-бу!» «Ба-ба-ба-ба-ба-ба!»
— Так поет Наташечка нагая,
Выпятила девочка нижнюю губу,
Мертвенькими ручками болтая
И ножками тоже помогая...
Поспешает в направленьи Рая
Мокрая Наташечка нагая.

В октябре 2003 года мне пришла повестка с требованием прибыть на суд в качестве свидетеля обвинения. Взяв билет на поезд за государственный счет (а можно было — и на самолет, как поступил нацбол из Мурманска, заявив на суде, что слишком занят, чтобы ехать железной дорогой), двое суток я ехал в купе с тремя с виду приличными тетушками. Они пили чай с ликером и оживленно обсуждали методы лечения ревматизма собачатиной. Вот где русский адат-то!

Искупавшись первым делом в холодных осенних водах Волги, я отправился на встречу с адвокатом Беляком. Когда мы с адвокатом Беляком стали просматривать обвинительное заключение, то я не поверил своим глазам. Там было сказано, что «свидетель Дмитриев» на допросе подтвердил все данные следствия о подготовке нацболами вооруженного восстания в Казахстане. Изучив материалы дела подробнее, мы поняли, что произошло. Оказалось, что в деле есть подлинные показания, записанные честной Кусливой, а вот в обвинительном заключении их поменяли на прямо противоположные. «В принципе, Андрей, нам это на руку. Поймаем их на вранье», — сказал Сергей Валентинович.

На заседании прокурор Сергей Вербин, долговязый молодой человек, начав было дружелюбно задавать вопросы (я же свидетель обвинения, то есть «свой»), вскоре прервал меня: «Свидетелю нельзя доверять, так как его слова противоречат материалам дела». То есть сами показания он не читал! И тут вступил в дело Беляк: «Ваша честь, был совершен подлог. В деле имеются подлинные показания Дмитриева, которые переписаны на противоположные в обвинительном заключении». Прокурор попросил

перерыв, и когда минут через пятнадцать мы снова вошли в зал, произошло неожиданное. «Я должен извиниться перед свидетелем. Он действительно этого не говорил», — сказал Вербин. Лимонов и Аксенов заулыбались из-за решетки и подняли большие пальцы вверх.

Ключевыми в процессе стали показания Абея. Он объявил себя автором той самой статьи «Вторая Россия» из сборника «НБП-инфо» и всей этой концепции. В дальнейшем российские спецслужбы ему этого не простили, несколько раз арестовывая и в итоге выдав латвийским «коллегам». Дал показания и Тишин, также взявший на себя вину за столь многие эпизоды дела, что Вербин не удержался и отметил: «Непонятно, почему вы не в камере с другими подсудимыми».

Разного рода нестыковки в деле было множество, и в суде оно практически развалилось. Несмотря на это, в итоге гособвинитель запросил Аксенову 12 лет, а Лимонову — 14 лет лишения свободы. Сразу после этого Эдуард заявил о готовности умереть в тюрьме. Однако в итоге судья Владимир Матросов отменил все обвинения по особо тяжким статьям, вынеся при этом частные определения в адрес ФСБ и Генпрокуратуры (беспрецедентный случай) и признав подсудимых виновными лишь в покупке оружия, дал им по три года лишения свободы.

7 июля 2003 года Лимонов вышел на свободу. У ворот колонии его встречали с цветами и шампанским. Но главная встреча состоялась в Москве, где к поезду пришли депутаты Госдумы Виктор Алкснис и Василий Шандыбин, а также большая толпа нацболов. «Наше имя — Эдуард Лимонов!» — неслось над Павелецким вокзалом к удивлению прохожих и ошалевшей милиции.

Эдуарду, можно сказать, повезло — он был осужден вовремя и в нужном месте. Если бы процесс проходил в середине нулевых, после укрепления «вертикали власти», или дело попало бы к другому судье, он вполне мог получить те самые запрошенные прокурором 14 лет. Но тут сыграли свою роль как удачное стечение обстоятельств, так и, разумеется, напряженная работа защиты и самих подсудимых.

Существует конспирологическая версия, что приказ отпустить Лимонова на свободу был отдан из Кремля. Так, скульптор и художник Михаил Шемякин в одном из интервью утверждал, что это он поговорил с Путиным и тот дал такое распоряжение. Что по этому поводу думает сам Эдуард?

«Он безбожно врет. Путин не имел к этому никакого отношения, это все глупости. Шемякин вообще врет. Он пишет где-то, что он мне челюсть свернул, все это вранье. Шемякин недостойн упоминания как бледная

вошь. Такой дурак, а уже старый. Я написал один рассказ, в котором используется его образ — он там называется «Алекс».

Полная х...йня. Ни с какой колокольни Путин там не был замешан. Там был обыкновенный суд 2003 года, когда еще был силен губернатор Аяцков. Вот кто там замешан, так это он. Тогда еще Путин меньше трех лет сидел у власти. Нас привезли судить в июле 2002-го, а закончили в апреле 2003-го. И тогда еще сильные местные вожди имели влияние на свои регионы. Аяцков был одним из ярчайших таких вот локальных вождей. Он в интервью одной из иностранных газет сказал: «Верховная власть нас пытается постоянно нагнуть. Вот, к примеру, сейчас к нам привезли судить Лимонова и его товарищей. Они надеются, что суд в Саратове вынесет те приговоры, которые они не могут назначить в Москве. А мы будем судить по совести, по закону». Его услышали местные суды, прежде всего. И поэтому был более или менее справедливый суд. Ну и спецслужбы облажались с доказательствами, поэтому три обвинительные статьи так или иначе в ходе процесса оказались бездоказательными.

А Шемякин пусть пойдет поцелует какую-нибудь скважину. На самом деле это очень характерно. Когда ты чего-то добиваешься, появляется пять-шесть претендентов, которые кричат: «Это я, я сделал!» Очень смешно».

Для биографии Лимонова наличие в ней двух с половиной лет тюремной жизни стало несомненным плюсом, придав ей героизма и трагичности. Он приобрел авторитет человека, реально пострадавшего за свои — причем несомненно патриотические — убеждения и действия. Теперь Эдуард имел моральное право каждый раз, когда нацболы оказывались в тюрьме за какую-либо акцию прямого действия, на все упреки отвечать: «Я тоже свое отсидел!» Наконец, участвовавший в войнах Приднестровья против Молдавии и Абхазии против Грузии, а также в попытках отделить Крым от Украины, устраивавший акции против политики стран Прибалтики, обвинявшийся в попытках расчленить Казахстан и отсидевший за это в российской тюрьме политический деятель оказался по факту врагом чуть ли не большинства государств постсоветского пространства. Такое звание надо заслужить!

В целом же казахстанская эпопея стала прологом к тому, что государство Российское спустя 15 лет будет делать в Крыму и в Донбассе. И при всей кажущейся утопичности тех грандиозных планов горстки нацболов в алтайских горах, разве не менее утопичным был рейд весной 2014 года тридцати человек во главе с полковником Игорем Стрелковым в Славянск, с которого и началась всерьез Донецкая Народная Республика?

При этом партия не загнула за время отсидки лидера, как на то

рассчитывали спецслужбы. Наоборот, пребывание Лимонова в тюрьме стало дополнительным стимулом для ее развития. Выходила «Лимонка», приходили новые люди, происходили регулярно акции прямого действия. Запущенный механизм работал и в его отсутствие.

15 сентября 2002 года во время митинга «Антикапитализм» (в просторечии — «Антикап») на Триумфальной площади в Москве произошли столкновения нацболов с ОМОНОм. В итоге двое молодых людей — Алексей Голубович и Евгений Николаев — получили по три года лишения свободы.

А в конце апреля 2003 года в кинотеатре с евразийским названием «Улан-Батор» прошел четвертый съезд НБП, в котором приняли участие 160 делегатов из пятидесяти двух регионов РФ. На первомайскую демонстрацию колонна партии вышла под большим лозунгом «Лимонов вместо Путина».

В Петербурге 16 мая 2003 года, накануне юбилея города, мы проводили вместе с коммунистами митинг на Марсовом поле под названием «300 лет без Буша и Путина». На нас бросили тогда только что вернувшийся из Чечни СОБР в масках и зачистили с такой свирепостью, которую больше, пожалуй, и не припомнить.

Цитирую собственный текст в «Лимонке», написанный по горячим следам:

«То, что происходило на священном для каждого ленинградца месте, не поддается описанию. Нацболов безжалостно били ногами, кидали прямо к подножию надгробных камней революционеров. Одного били головой прямо о высеченное в камне стихотворение Луначарского. Потом бегом подводили к микроавтобусам и заталкивали внутрь. Всего было схвачено 37 человек.

Начальник питерского ГУВД Михаил Ваничкин, оправдываясь после «кровавого воскресенья», заявил, что нацболы первыми начали избивать сотрудников милиции. В подтверждение приводилась информация о каких-то двух милиционерах, попавших в больницу. Вскоре мы выяснили, кто это такие: двое оперов в штатском, внедрившихся в наши ряды, действительно были сильно избиты собровцами. Мы слышали их испуганные крики «я свой, я свой». Один из них сразу понял, что надо делать: лег на землю и положил на спину раскрытое удостоверение. Собровец подбежал к нему и уже было замахнулся для удара, но, увидев «корочку», спросил: «А ты чего лежишь?» На что тот ответил: «Я лучше жопой вверх полчаса полежу, чем потом полгода в больнице валяться». Другим повезло меньше. Из отделения их сразу забрали в больницу.

По громкоговорителю на Марсовом поле зачитали некую листовку, которую мы якобы распространяли — бред воспаленного воображения «специалистов» в погонах. Листовка гласила, что мы приглашаем в город сподвижников Бен Ладена для совместного проведения терактов. В микроавтобусе, куда меня забросили, собровец бил Сергея Гребнева, который, как культурный человек, попытался сесть: «На пол, сука, на пол!» Мы легли на пол, сверху накидали еще кучу народу. Получилась нормальная такая душегубка. Час езды по городу — и можно было бы трупы за ноги вытаскивать. В давке Игорю Бойкову пережало нерв на руке, теперь она парализована. Лежа снизу, я слушал, как псих-собровец по имени Олег молотит по чьим-то ребрам ногами с истеричными криками: «Что, сука, глобалист х...ев, драться вздумал?!»...

В 79-м отделении милиции, куда нас доставили, всех поставили лицом к стенке, скомандовав: «Стены кровью не пачкать». То, что происходило в отделении, шокировало дежурных ментов: никогда при них так не обращались ни с какими бандитами и убийцами. Наконец избиения закончились. Сначала нас — больше 30 человек — попытались закинуть в одну камеру размером полтора на полтора метра. В дикой давке раздался бодрый голос Жени Павленко: «Гордитесь, здесь находится элита Петербурга!».

Сломанные носы и ребра, кровоподтеки, синяки. И нам еще повезло по сравнению с недавно пришедшим в партию Андреем Райковым, которого после отказа сотрудничать (то есть стучать на товарищей) бросили в автобус к собровцам, и там этот псих Олег сломал ему руку о колено.

Андрей Райков был поэтом и периодически печатал в «Лимонке» такого рода стихи:

Все в старой кинохронике — загадка,
И выбритый висок ласкает глаз,
И Гитлер в упоении припадка
Уверенной рукой ровняет груды масс.
И хитрый Сталин в Ялте, будто бы в сторонке
Тихонько ухмыляется в усы,
Еще не лидер в ядерной он гонке
И метр за метром старой киноплёнки...

Судьба его впоследствии сложилась трагично. Через несколько лет из партии он ушел, затем уехал из Петербурга в Северодвинск, устроился там

работать почтальоном, словно стремясь уйти подальше от привычного человеческого общества, где он не находил себя. Пытаясь покончить с собой, он уходил зимой без одежды в лес, надеясь замерзнуть. Не смог, в итоге задушился, надев пакет на голову. Только через несколько дней милиция по зову соседей, вскрыв дверь, нашла тело и початую бутылку водки на столе.

Похожим способом в том же 2013 году покончил с собой еще один публиковавшийся в «Лимонке» поэт — бежавший в Лондон и почувствовавший себя никому не нужным и не востребованным олигарх Борис Березовский. Только он задушился шарфом, привязав его к батарее в ванной комнате. В 2006 году в газете вышло вот такое его стихотворение:

CONFUSION

Моей замкнувшейся судьбы
Круги без квадратур.
Любые «если» и «кабы»
Ведут на новый тур.
Порывы ветра в сотни флейт,
И дождь стучит в окно.
Between the iron gates of fate^[7]
Другого не дано.

Глава пятая

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ КОАЛИЦИЙ

Вскоре после выхода из тюрьмы Лимонов обратился ко мне с просьбой: «Смотрите, Андрей, есть такой политолог Стас Белковский, у нас хорошие рабочие отношения. Он выпустил повесть «Либертриллер» под псевдонимом Андрей Штольц. По легенде, это капитан, ветеран горячих точек, член питерского отделения НБП, прикованный к инвалидной коляске. Сможете помочь ему в раскрутке книги?»

Пообедав втроем с Эдуардом и Стасом, я получил в подарок от последнего его книжку. Это был действительно отменный, хорошо иллюстрированный политический детектив, в котором главный герой убивает, мстя за развал СССР, статусных либералов — Галину Старовойтову, Сергея Юшенкова, Владимира Головлева. По понятным причинам Белковский не хотел публиковать его под своим именем, и вот понадобилось записать от имени автора выступление, которое потом крутили на презентации книги в бункере НБП.

Станислав — полный, невысокого роста и мефистофелевского типа деятель — постоянно генерировал какие-то идеи. Их было столько, что у него имелся даже специальный шнурок, который он постоянно вертел в руках, чтобы сосредоточиться. Согласно придуманной им собственной биографии он:

родился в 1970 году в Венеции в семье итальянского коммуниста. В 1976 году перевезен в Москву, усыновлен генерал-полковником КГБ СССР, имя которого не разглашается;

в 1992 году окончил Гейдельбергский университет. Защитил диплом на тему «Философия чистого листа»;

в 1992–2000 годах работал в органах германской разведки, в том числе на территории России. Обеспечивал контакты спецслужб ФРГ с рядом леворадикальных организаций. В 2000 году сдался российским властям.

На самом деле Белковский, естественно, родился в Москве, окончил факультет экономической кибернетики, а в 1990-е занялся политическим консультированием. (Впрочем, с Италией его связывает наличие квартиры в Венеции.) Известность он приобрел уже в нулевые годы. В частности, в связи с докладом «Государство и олигархия», который был выпущен незадолго до ареста Михаила Ходорковского и сочтен либеральной

общественностью идеологическим основанием репрессий против ЮКОСа. К середине десятилетия он уже конкурировал с Глебом Павловским за право называться российским политологом № 1.

Павловский с его Фондом эффективной политики, интернет-проектами и издательством «Европа» напрямую обслуживал администрацию президента. Белковский создал Институт национальной стратегии и стал работать с оппозицией, причем в первую очередь не с либеральной, а с «красно-коричневыми» и националистами. Его тогдашние проекты, вроде «Партии реванша» или «Корпорации православного действия», были связаны именно с этой частью политического спектра. Вокруг ИНС сгруппировалась целая когорта экспертов и мыслителей консервативных взглядов — Михаил Ремизов, Константин Крылов, Павел Святенков, Роман Карев и другие, рупором которых стал сайт АПН — Агентство политических новостей (привет советскому агентству печати «Новости»).

Политолог — крайне сомнительная профессия. Тот же Белковский, уязвленный обвинениями, что его прогнозы не сбываются, регулярно в своих интервью и текстах пытается доказать обратное. Хотя у всех остальных они не сбываются ровно в той же степени.

Зато Стас, в отличие от унылых коллег по цеху, принадлежит, как сказал бы Лимонов, к «шампанским гениям» и склонен к остроумному эпатажу публики. Как это было на презентации прохановского романа «Политолог» (он там послужил прототипом главного героя), где его выносили в гробу и закидывали газетами. Или когда в эфире ток-шоу Владимира Соловьева на НТВ, поняв, что проигрывает дискуссию Павловскому, он встал перед оппонентом на колени и положил на стойку свой перстень.

О Белковском и его связях — от реальных приятельских отношений с Борисом Березовским до неподтвержденных походов в администрацию президента и получения там заданий на развал оппозиционного движения — ходило множество слухов. Но нас это, как и вопрос об источниках его финансирования, волновало в последнюю очередь. Надо сказать, что в тот период Станислав был в весьма близких отношениях с нацболами в целом и лично с Лимоновым. Иногда он давал какие-то суммы на политэков и другие партийные нужды. Сам Эдуард некоторое время жил в его роскошной квартире в сталинском доме на Космодамианской набережной, а заодно пользовался принадлежавшим ему автомобилем марки «кадиллак».

А мы со Стасом за стаканом виски в кафе «Академия» как-то раз договорились о создании петербургского филиала АПН — сайта «АПН Северо-Запад», который мы с Юрой Нерсесовым делаем и по сей день. И

несмотря на то что политически мы теперь по разные стороны баррикад, за это автор ему по-прежнему благодарен.

Белковскому предстояло сыграть немаловажную роль в создании, а потом и в развале оппозиционной коалиции «Другая Россия», с которой были связаны следующие несколько лет политической жизни Лимонова.

Новый курс партии складывался постепенно, на ощупь. После данных Тишиным на следствии показаний Эдуард относился к нему с некоторой неприязнью. И хотя тот тянул на себе руководство партией во время отсидки, стал постепенно отодвигать его с ведущих позиций. Во время одной из партийных конференций, проходивших в здании столичного горкома КПРФ неподалеку от станции метро «Автозаводская» (тогда на некоторое время произошло сближение с коммунистами, которые предоставляли свои помещения для наших мероприятий), Тишина не включили в состав исполкома. Многие возмутились, после чего Эдуард зачитал показания Анатолия на следствии, и в итоге тот сам отказался от любых руководящих постов.

В дальнейшем «любимец партии» некоторое время совместно с Алексеем Волынцом редактировал «Лимонку», а потом отдалился от партийных дел, уйдя в православие. Окончив семинарию, он стал служить в Петербурге у игумена Евстафия (Жакова) — весьма колоритного священника, большого друга нацболов, сталиниста и прекрасного исполнителя романсов Александра Вертинского.

Место второго человека в НБП занял в этот период Абель. «Мы с Ильичом решили, что пойдем другим путем, — писал Лимонов в книге «В сырах». — Что если мы не можем выводить на митинги впечатляющее количество сторонников, то мы станем устраивать политические акции, не требующие большого количества людей. Акции, шокирующие своей необычностью, привлекающие своей дерзостью и одновременно не наносящие ущерба жизни и здоровью людей. Само собой родилось название — акции прямого действия, сокращенно АПД. В сущности, мы ориентировались на наш же собственный опыт. Мирный захват символически значимых зданий мы уже совершили в Севастополе и в Риге, но теперь мы решили действовать на территории России».

Во главе московского отделения партии встал бывший брянский гауляйтер, выходец из РНЕ Роман Попков. Высокий, худой, в очках и куртке-бомбере, Рома был человеком смелым, но при этом не слишком умным, жутко властолюбивым, пафосным и заносчивым. То есть по сути хорошим руководителем среднего звена и исполнителем, но никаким лидером. (Амбиции ему в итоге и стоили членства в партии.) И если Абель

с Лимоновым генерировали идеи, то непосредственным планированием АПД занимался как раз Попков вместе со своей супругой Леной Боровской по кличке DeadHead. Она имела в этом богатый опыт, готовя в свое время захват собора Святого Петра в Риге.

Акции прямого действия нацболов можно условно разделить на три типа:

атаки фасадов различных зданий. Чаще всего в качестве таковых выступали посольства и консульства стран Прибалтики и Запада, иногда — какие-либо российские ведомства, которые закидывали банками с краской, яйцами или петардами, либо нацболы приковывались к ним наручниками;

символические нападения на высокопоставленных чиновников, губернаторов, мэров, представителей стран НАТО и прочих «врагов народа» в понимании партийцев. Первой такой акцией было закидывание яйцами Никиты Михалкова, а в середине нулевых они стали проходить регулярно;

мирные захваты различных ведомств и органов власти. Эти АПД были самыми опасными и рискованными, и они же получили самый большой резонанс в обществе.

Акции прямого действия в то время были для НБП основным способом заявить о себе, однако неверно было бы называть нацболов «акционистами» в духе арт-группы «Война» или художника Петра Павленского. АПД были важны не сами по себе, а рассматривались как средство продвижения партии и вынужденный в условиях России третий путь — между парламентской и вооруженной борьбой.

Особенно многочисленными АПД сопровождалась предвыборная кампания в Государственную думу 2003 года. 27 августа Николай Медведев и Сергей Манжос на форуме «Выборы-2003» облили майонезом главу Центральной избирательной комиссии Александра Вешнякова с криком: «Честных выборов не будет!» 6 октября в Питере Наталья Луковникова отхлестала цветами свежееизбранного губернатора Валентину Матвиенко, а Сергей Гребнев разбросал листовки с обвинениями в навязывании ее городу. В день голосования 7 декабря Наталья Чернова добралась до второго лица государства, премьера Михаила Касьянова, в которого на избирательном участке кинула яйцо со словами: «Касьянов, ваши выборы — фарс!» Завершилась эта серия акций под Новый год, когда Попков на «съезде победителей» партии «Единая Россия» бросил несколько яиц в выступавшего со сцены ее лидера Бориса Грызлова.

Фантазия нацболов развернулась во всю ширь. Помимо яиц, цветов и майонеза использовались торт (им получил по лицу мэр Нижнего

Новгорода Вадим Булавинов), кетчуп (пострадал консул Литвы в Петербурге Гинтарас Ронкайтис), наручники (нацбол приковал себя к мэру Риги Гундарсу Боярсу) и другие подручные предметы.

Среди сотен акций прямого действия, проведенных нацболами, особо выделяются и остаются по сей день непревзойденными две — захваты кабинета вице-премьера Михаила Зурабова в августе и приемной администрации президента в декабре 2004 года. Стоит напомнить, что затеянная правительством летом того года отмена льгот для пенсионеров, инвалидов и прочих незащищенных категорий населения стала поводом для наиболее масштабных социальных протестных выступлений граждан в постсоветской истории России. Обещанные властями денежные компенсации не покрывали всех издержек, а такие новшества, как отмена бесплатного проезда для стариков, ударили по карманам многих миллионов людей. Кроме того, пенсионеры — как ни странно — оказались одной из наиболее организованных корпораций в российском социуме, показавшей, что умеет отстаивать свои интересы.

Во время голосования в Думе по принятию «монети-зационного пакета» в ответ на реплики, что «народ выйдет на улицы», вице-премьер Михаил Зурабов бросил: «Никуда ваш народ не выйдет». И просчитался. Самыми первыми вышли нацболы.

2 августа 2004 года несколько десятков национал-большевиков проникли в здание Министерства здравоохранения и социального развития и заняли кабинет Зурабова. Сам министр в тот момент на месте отсутствовал. Нацболы жгли файеры, вывесили из окон флаги, разбрасывали листовки, скандируя: «Зурабов — враг народа!», «Долой правительство и Думу!», «Народу — бесплатную медицину, министров — на гильотину!».

Именно во время этой акции фотокором «Associated Press» был сделан снимок, обошедший все мировые СМИ: Максим Громов выкидывает из окна обнаруженный им в кабинете портрет президента Владимира Путина. Это был демонстративный жест неповиновения в адрес хозяев Кремля. Возможно, именно эта фотография, которая, безусловно, легла на стол президенту в папке с ежедневными публикациями, предоставляемыми ему пресс-службой, и определила жестокость дальнейшего наказания.

Семеро участников акции — Громов, Анатолий Коршунский, Олег Беспалов, Григорий Тишин, Анатолий Глоба-Михайленко, Сергей Ежов и Кирилл Кленов — получили по пять лет лишения свободы. Причем Громов отсидел свой срок от звонка до звонка, проведя 250 суток в штрафном изоляторе, показав пример стойкости и мужества и став с тех пор главным

героем партии.

У прокурора Сергея Циркуна в финале процесса случилась истерика. «Вы, большевики, у власти были, вы моего прадеда к стенке поставили как буржуя! — кричал он родителям подсудимых. — И глазом никто не моргнул! Ненавижу я вашу власть большевистскую! Поняли?! Ненавижу! Коммунисты проклятые! А что вы со страной делали?! А когда вы беременным женщинам саблями пузы рубили?! Вам было жалко?! Вы, борцы за классовую идею! Царскую семью расстреляли! Вам не жалко было. Да?! Ну! Стреляйте в меня! Повесьте! Ненавижу вас, коммуняки проклятые! Поняли?! Всегда буду вас ногами топтать! Ну, давайте! Я один — вас много!»

Все это было заснято на видео и после обнародования записи руководство Генпрокуратуры было вынуждено невыдержанного носителя мундира уволить.

А спустя три месяца прошел аналогичный мирный захват приемной администрации президента. В нем участвовали уже 39 человек, из них — восемь девушек. Нацболы пришли в приемную администрации президента (на прием к тогдашнему советнику Путина Андрею Илларионову), забаррикадировались в зале и выдвинули требования отставки руководства страны, изменения политического курса и освобождения осужденных по делу Минздравсоцразвития товарищей. Все 39 человек были арестованы, им предъявили обвинения в массовых беспорядках (в отдельно взятой комнате). Поскольку дело происходило 14 декабря, участников акции стали называть «декабристами».

Процесс с участием большого числа адвокатов, родителей, с пристальным вниманием прессы, вышел нервным. «В деле «39-ти декабристов», как окрестили его журналисты, и без того было столько всего наносного, лишнего, показушного, истеричного и лживого, что это дело, чуть ли не с первых его дней, превратилось в дурную, любительскую постановку с множеством актеров и режиссеров, их родственников и знакомых, которые лезли каждый со своими советами, идеями и инициативами, собирали собрания у дверей суда, похожие на собрания обманутых вкладчиков или членов жилищного кооператива. В итоге весь этот «цирк-шапито» легко мог рухнуть на головы присутствующих и похоронить их под своими сводами, — писал Сергей Беляк, защищавший нескольких участников акции, в своей книге «Адвокат дьяволов». — И вообще, признаюсь, ко всем этим девочкам я относился, как к своим детям. Что, безусловно, неправильно, потому что из-за этого я переживал за них больше, чем того требовалось для дела. Да и Лимонов меня постоянно

критиковал: «Что ты к ним относишься, как к маленьким! Они давно не дети, они — взрослые люди...».

Процесс продолжался год. По его окончании большинство участников акции вышли на свободу, но несколько человек, которых следствие сочло организаторами и наиболее активными участниками, получили серьезные сроки.

Именно эти два отчаянно смелых АЛД социальной направленности в итоге снискали нацболам славу и сочувствие в народе. Тема защиты русского населения в странах СНГ или территориальных вопросов находилась тогда на глубокой периферии общественного сознания. Акции в Севастополе и Риге или попытка поднять восстание в Казахстане находили отклик лишь среди узкого круга тех, кто интересовался этой проблемой. Тем более что и СМИ освещали все это крайне скупно. А вот благодаря протестам против отмены льгот, которая касалась десятков миллионов людей, партия оказалась в тренде актуальной российской политики.

«Еще на заре путинской эпохи Эдуард Лимонов открыто предлагал власти сотрудничество в деле защиты интересов России и русских в ближнем и дальнем зарубежье, — писал тогда автор на сайте АПН. — Понятно, что нацболы могли бы делать то, чего не могут дипломаты, задействовав против особо одиозных антироссийских политиков и режимов весь арсенал бархатного террора. Предложения Лимонова остались без ответа. В итоге энергия НБП оказалась направлена не вовне России, а внутрь страны, против самого Путина. Таким образом, режим сам вырастил враждебную ему уличную партию, с которой теперь непонятно что делать... Сегодня России вновь необходимо обновление (лучше через «бархатную революцию», чем через кровь и гражданскую войну). Значит, девизом патриотов должен стать ницшеанский рецепт добродетели: падающее — подтолкни».

В совокупности же вся партийная активность заставила говорить о Лимонове как о главном несистемном оппоненте власти. Упомянутый выше прокремлевский политолог Павел Данилин, подсчитав количество акций НБП в разных городах в середине нулевых годов, пришел к выводу, что это — самая массовая и активная молодежная сила в стране и потребовал вновь отправить Эдуарда в тюрьму за антигосударственную деятельность.

Поменялось отношение к партии в СМИ. Журналист, как позже отметил Лимонов, во многом либеральная профессия. К концу первого срока Путина в этих кругах стало модным его поругивать, и яркие антипутинские акции освещались с сочувствием в тех же изданиях, где раньше нас выставляли исключительно фашистами или жуткими

маргиналами. «Коммерсантъ», «Эхо Москвы», «Новая газета» стали писать и говорить о нацболах скорее в положительных тонах. А поскольку в государственные СМИ доступа у нас не было, сочувствие влиятельных либеральных изданий было немаловажным.

Логический конец, которым могли бы увенчаться партийные АПД, описан в романе Захара Прилепина «Санькя»:

«В течение нескольких секунд Саша видел на экране лицо главы государства, измазанное черт знает чем, беспомощное, злое и униженное одновременно. Стекло белое, рыжее, красное на пиджак — словно его облевали всего. Президент иногда открывал рот и беззвучно шевелил губами, пытаясь вдохнуть. Какие-то люди испуганно топтались возле него, кто держа платок, кто салфетку, — и не решаясь ничего сделать. «Девушка бросила в голову президенту целлофановый пакет, предположительно наполненный томатным соком, майонезом, кетчупом, сливками, разваренными, мелко покрошенными макаронами и еще чем-то, издающим резкий и неприятный запах», — вещал диктор. Казалось, что он с трудом сдерживает улыбку. Это был хороший и давний знакомый Костенко, ведущий последней независимой программы на российском телевидении. Интриган и миллионер, выросший в глубокой провинции, в семье еврейского врача и русской учительницы, похоже, он сам знал, что его программу скоро закроют, и посему совершенно распоясался. Только из этой программы последние пару лет можно было узнать о том, что в природе существуют «союзники», а Костенко сидит в тюрьме. Теперь он показывал то, что показывать в принципе нельзя. «Яне Шароновой прямо в здании театра, на глазах у десятков представителей культурной общественности, были нанесены тяжелые физические травмы. Нашему корреспонденту удалось снять кафель, по которому буквально провезли лицом девушку, совершившую хулиганские действия в отношении главы государства. Кафель, мы видим, в крови и, как уверяют свидетели, в крошечке зубов девушки. Кроме того, судя по всему, ей сломали руку — стоявшие рядом явственно слышали характерный хруст. Заметим, что девушка сопротивления не оказывала и успела выкрикнуть одну фразу: «Это была политическая акция!»».

К счастью, до подобного дело не дошло, как из-за технической сложности, так и по причине особой опасности: в случае прямой атаки на президента сотрудники ФСО стреляли бы без особых раздумий. Хотя позднее нацболам удавалось приблизиться к Путину на максимально близкое расстояние. В 2004 году, в день инаугурации президента, его лишь случайно не оказалось в Большом театре на премьере оперы «Мазепа», где

партийцы на довольно продолжительное время заняли сцену, развернув растяжку «Долой самодержавие». Зато в 2006 году во время саммита в Томске Путина и канцлера Германии Ангелу Меркель на выходе с пресс-конференции встретили скандированием речовок.

Роман «Санька», вышедший в 2006 году, ознаменовал собой начало большой писательской славы Захара Прилепина. «Эту книгу должен был написать я», — откликнулся Лимонов с легкой ревностью к славе младшего товарища. Говорят, что роман прочли и высоко оценили даже Владислав Сурков и Владимир Путин.

Он попал в финал премий «Русский букер» и «Национальный бестселлер», а также получил всекитайскую литературную премию как «Лучший зарубежный роман года».

Прилепин пришел в партию еще в 1999 году. «В 91-м мне было уже 16 лет, — описывал он причины этого шага. — Когда начался распад моей страны, я тогда уже воспринимал это крайне болезненно. Слушал разговоры родителей, их друзей, смотрел телевизор, читал газеты. У меня созрело ощущение обмана, разора моей страны, которую я так любил и которой так гордился. Я был искренним пионером, искренним читателем рассказов про пионеров-героев, погибших во время войны. И я болезненно читал все эти публикации о том, что Зоя Космодемьянская была пьяная и ее изнасиловали немцы. Это глумление над историей моей страны, над ее мифами мне казалось чудовищным. Я не хочу, чтобы моя страна была такой беспредельно дурной. А вы, такие чистые, пришли мою страну излечить от болезней. Идите вы к чертям».

К этому времени он успел послужить в ОМОНе, побывать в командировках на первой и второй чеченской кампаниях, окончить Нижегородский университет, заделаться журналистом и обзавестись семьей. Первый роман Захара — «Патологии», вышедший в 2005 году, как раз и посвящен чеченским впечатлениям и, по мнению многих, остается лучшим его произведением.

Со стороны его история кажется прямым восхождением к вершинам славы, от книги к книге, а сам он — таким баловнем судьбы. Кажется, уже невозможно стать популярнее, но нет — Прилепин берет новые высоты. Однако же как человек, знающий Захара еще задолго до первых книг, взявший у него первое интервью и выпивший с ним не один литр водки, автор не может не отметить, что эта популярность имеет под собой вполне рациональные корни.

Во-первых, исключительный трудоголизм Прилепина (то же самое можно сказать и о Лимонове) — чисто западная, германская либо англо-

саксонская привычка ежедневно делать себя вопреки русской лени.

«Я в 7 утра встаю, в 8 развожу детей в садик, в 8.10 за рабочим столом, — описывал он как-то в письме автору свой рабочий график. — В это время голова ясная и пустая, и никто не звонит и не пишет. 4 часа свободного рабочего времени — люди только к 12 просыпаются в основном. Вот тебе и весь секрет. С 12 до 18 я делаю всякие журналистские, пиаровские, политические и прочие дела, с 18 до 20 — если есть настроение — опять пишу. К вечеру голова тоже начинает нормально работать. Хуже всего писать в период с 14 до 17 — и дел полно, и организм расслабленный. Вечером вернулся, поиграл с детьми, выпил бутылку вина (раньше водки, но поднадоело), посмотрел полфильма с женой, и собственно все. Так живут русские писатели».

Второй же причиной стала собственно партия. Во многом именно благодаря своему нацбольству (вместе с чеченским и «пацанским» опытом) Прилепин и оказался на гребне популярности. Такого писателя, таких типажей и таких героев публика ждала — вот все это и появилось. «Новый Горький явился!» — как писали критики.

Тем временем в питерской организации после Гребнева-старшего в отделении так и не было постоянного руководителя, о чем нам не раз напоминали Лимонов с Абелем. В августе 2004 года на собрании, проходившем во дворе возле станции метро «Чернышевская», меня избрали председателем, Лимонов решение утвердил, и я стал четвертым по счету (после Веснина, Жвании и Гребнева-старшего — промежуточные фигуры в расчет не берем) главой петербургского отделения НБП.

Вскоре на меня вышел журналист Даниил Коцюбинский. Либерал, входивший в 1990-е годы в партию петербургских сепаратистов (были и такие), он считался одним из главных медиаперсон города при губернаторе Владимире Яковлеве, долгое время работал на телевидении, пока его оттуда не выжили уже при Валентине Матвиенко. Даниил тогда затаил обиду на Смольный. Он пригласил меня на круглый стол в редакцию газеты «Дело», где работал заместителем редактора. В нем участвовали глава питерского «Яблока» Максим Резник, Геннадий Турецкий из РКРП, вскоре умерший депутат ЗакСа Юрий Гладков из Союза правых сил и несколько других политиков. На этом мероприятии все дружно расписались в ненависти к путинскому режиму. Этот круглый стол и положил начало истории с созданием объединенной питерской оппозиции.

Как ни странно, но подружились мы в первую очередь именно с Резником. 28-летний фанат «Зенита», историк по образованию (писал диплом о внутривластной борьбе в ВКП(б) и стал поклонником

Троцкого), Резник был довольно радикален для своей партии и сильно отличался от старших товарищей из поколения «шестидесятников», которых он именовал не иначе как «интеллигент — в попе ватка». Он, к примеру, мог поколотить провинившегося чем-нибудь однопартийца. Вокруг себя он собрал команду примерно таких же «младо-яблочников».

К партийным бонзам у них отношение было специфическое. Своего лидера, утомленного многолетней политической деятельностью Григория Явлинского, они по аналогии со спящим Виём называли «Поднимите мне веки». Позже, вступив в конфликт с триумвиратом Явлинский — Сергей Митрохин — Алексей Иваненко во главе партии, Резник обзывал их «Тремя толстяками», хотя и сам он мужчина весьма упитанный.

Мы стали регулярно наведываться в штаб «Яблока» на улице Маяковского, участвуя в попойках с младо-яблочниками к ужасу старых либералов. Пресс-секретарь петербургского СПС Иосиф Скаковский (он работал преподавателем в колледже у Жени Павленко, и тот любовно называл его «папа Йозя») писал, что «членам СПС почему-то в «Яблоке» не рады, в отличие от лимоновцев». На что Резник отвечал в свойственной ему манере: «А кто такой Скаковский? Для меня мнение уборщицы в нашем штабе значит больше».

В общем, к такому союзу всё и шло. Еще в сентябре Владислав Сурков в нашумевшем интервью «Комсомольской правде» отмечал, что «есть люди, навсегда потерянные для партнерства. Фактически в осажденной стране возникла пятая колонна левых и правых радикалов. Лимоны и некоторые яблоки растут теперь на одной ветке. У фальшивых либералов и настоящих нацистов все больше общего. Общие спонсоры зарубежного происхождения. Общая ненависть к путинской, как они говорят, России. А на самом деле к России как таковой».

Оцените цинизм Владислава Юрьевича — говорить о невозможности партнерства и ненависти к России людей, которые еще недавно настойчиво предлагали использовать себя за пределами РФ для защиты русских!

Первой акцией питерской объединенной оппозиции стал пикет в защиту политзаключенных по делам о захвате кабинета Зурабова и приемной администрации президента, проходивший на Литейном проспекте в створе Кирочной улицы под Новый, 2005 год. Там впервые выступали наряду с нацболами и Резник, и тогдашний глава горкома КПРФ Владимир Федоров, и даже глава группы защиты уже арестованного тогда Михаила Ходорковского Диля Райнина. Однако на упоминание фамилии олигарха рядом с нашими политзэками собравшаяся публика реагировала очень негативно.

А уже через пару недель полыхнуло. После Нового года многомиллионная армия российских пенсионеров в полной мере почувствовала на себе последствия зурабовского эксперимента с отменой льгот. Самой болезненной была ликвидация бесплатного проезда в общественном транспорте, в результате чего стариков иногда просто выбрасывали из автобусов. В Москве мэр Юрий Лужков при помощи столичных надбавок сумел это недовольство погасить, и в авангарде прокатившейся по всей стране «седой революции», как ее тогда называли, оказался Питер.

Сразу после праздников, 14 января, на улицы вышла озлобленная толпа стариков, требовавшая возврата льгот. Сперва собрался митинг у Смольного, где наши люди уже присутствовали, но Геннадий Турецкий из РКРП призвал всех вместо осады находящейся рядом резиденции губернатора идти на Невский. Почему-то всегда в судьбоносные моменты, когда на уличные акции собираются большие толпы разгневанного народа, находятся желающие умело удалить пар в свисток. Причем без разницы, какой идейной ориентации они при этом придерживаются...

И вот толпа двинулась по Суворовскому проспекту, обтекая автомобили и останавливая троллейбусы. Я появился там уже ближе к Невскому проспекту. Дошли в итоге до пересечения Невского и Садовой, до Гостиного Двора. Этот перекресток блокировали несколько дней, к ужасу Смольного, отправившего туда отдуваться ни в чем в общем-то не повинного главу комитета по социальной защите Александра Ржаненкова. Несмотря на то что старики его пару раз банально побили, к чести чиновника, он никуда не уходил, не жаловался и потом говорил, что выполнял свой долг, общаясь с народом.

В Смольном пошли на попятную. Сперва выполнили главное требование пенсионеров — вернули бесплатную единую карточку на проезд. А затем, чувствуя необходимость остудить страсти, власти пригласили нас на переговоры. Так я в первый (и единственный) раз оказался на приеме у губернатора Петербурга. Фэсэошники в смольнинских коридорах косились на мой значок с серпом и молотом, но задерживать не стали. Мы сели за большой стол — главы КПРФ, «Яблока», РКРП, НБП — а напротив нас разместились чиновники во главе с Валентиной Ивановной Матвиенко.

Цитирую дальше отчет о встрече в «Лимонке»:

«В 12.00 в Смольном состоялась встреча с губернатором. Чиновники хотели было посадить за стол вместе с нами какого-то персонажа из «Родины», но его общими усилиями изгнали. С одной стороны стола заняла

позицию наша делегация, с другой расселись члены городского правительства — «команда» Валентины Ивановны. У дверей — обилие телекамер и пишущей прессы. Эта встреча была очень нужна г-же Матвиенко. Надо было сбить остроту протеста, показать, что власть готова к диалогу.

Валентина Ивановна исправно сыграла свою роль. Она с ходу начала рапортовать, как много делается для «поддержки социальной сферы»: «Приезжаю на работу в восемь утра, уезжаю в одиннадцать вечера, и так вся наша команда», затем — поток ничего не значащих цифр и фактов. Типичная речь комсомольского секретаря на собрании. За долгие годы умение говорить ни о чем доведено до совершенства. В эти минуты губернаторша до боли напоминала большую заводную куклу. Наконец, перешли к конкретным требованиям. Матвиенко продолжала бодро заговаривать зубы: «Закон о льготах сырой, недоработанный. Мы говорили об этом президенту. Я согласна: пенсии нужно повышать» — и так далее».

Роль злого следователя на встрече исполнял вице-губернатор Михаил Осеевский, заявивший: «Да что с ними общаться, они некомпетентны». На что его прервал лидер карликовой Региональной партии коммунистов Евгений Козлов (его так всегда и звали — «лидер партии Козлов»): «А я не с вами, молодой человек, разговариваю, а с губернатором».

В общем, Валентина Ивановна мило всем всё пообещала (в том числе мне — поднять вопрос о политзаключенных) и была такова. Мы отправились на улицу. Выступая с парапета возле подземного перехода у Гостиного Двора, я призвал Матвиенко не верить, после чего был задержан сотрудниками 18-го отдела УБОП и уведен в милицейский пикет в метро. Вскоре, правда, туда вломилась толпа стариков — и стражи порядка были вынуждены меня отпустить.

Ну а тактика власти свое дело сделала — нам продолжали заговаривать зубы на встречах теперь уже у вице-губернаторов. А когда через полгода обещанная встреча-отчет состоялась, на нее явился другой вице-губернатор, Виктор Лобко, объяснив, что Матвиенко уехала инспектировать зоопарк.

И все же в целом «седая революция» придала всем бодрости духа: впервые мы почувствовали и отдачу от наших акций непосредственно у народа. Тогда впервые даже в замерах официозных социологов незарегистрированная НБП появилась в рейтингах политических партий. И до сих пор даже у не интересующихся политикой россиян при слове «нацболы» часто возникают ассоциации с борьбой против отмены льгот и несправедливо посаженными за это активистами.

По итогам уличных выступлений создалась широкая оппозиционная коалиция «Петербургское гражданское сопротивление». В тот момент Северная столица несколько опережала общероссийский политический процесс, ибо похожая по составу коалиция «Другая Россия» появилась лишь в 2006 году.

«Санкт-Петербург оказался идеальной точкой для отработки потенциальными революционерами технологии своих действий в момент «Х» — в 2008 году. В ответ именно здесь власть начала учиться гасить народные волнения и готовить кадры для контрреволюции, — писал я в статье «Питерские уроки для власти и оппозиции» на сайте АПН. — Беспомощность власти и активность оппозиции на улице вызвали озабоченность в самых высших государственных сферах. Теневой кардинал «внутренней политики» Владислав Сурков лично выехал в Петербург, чтобы исполнить функцию «огнетушителя революции». Как стало известно, в ходе переговоров кремлевского гостя с руководством питерской «Единой России» речь шла о социально-политической обстановке, сложившейся в городе после вступления в силу закона № 122. Сурков особо подчеркнул, что в городе нельзя допустить перехода оппозиции к антиконституционным действиям. А через несколько дней стало известно о конкретных контрмерах. В частности, в ходе визита кремлевского гостя было начато создание новой пропрезидентской молодежной организации под названием «Наши».

Немаловажно, что все описываемые события происходили на фоне первого Евромайдана в Киеве, закончившегося «оранжевой революцией», знаменитым третьим туром президентских выборов и победой Виктора Ющенко. Российские власти были напуганы таким развитием событий и возможностью граждан на улице диктовать свою волю руководству страны.

Тот майдан был удивительным явлением, если смотреть из сегодняшнего дня. Его поддерживали далеко не только такие российские либералы, как Борис Немцов, ставший советником президента Ющенко. На трибуне рядом с Юлией Тимошенко и тем же Ющенко стоял большой русский патриот и будущий вице-премьер правительства РФ Дмитрий Рогозин. А его соратник по партии «Родина», экономист и будущий советник Путина Сергей Глазьев писал, что будет принимать участие в российской оранжевой революции, так как выбора у него нет.

Заинтересованные происходящим на Украине, мы с компанией нацболов, включая главреда «Лимонки» Алексея Волынца, посетили новогодние Киев и Львов. Там всё было спокойно. На майдане продавали оранжевые шарфики, по вагонам метро ходили колядующие дети, а в

кабаках кормили вкуснейшим борщом (после второго Евромайдана этот самый борщ и прочие радости недорогого киевского общепита стали объектом восхищения российских либералов, как и все исходившее из страны победившего безумия, — но надо признать, что вкусно покушать там любят). «Україна — це Європа», — было нацарапано в сортире грязного львовского поезда с полупьяными проводниками, где в купе из трухлявого матраса посыпались презервативы и засохший хлеб. В общем, спать пришлось без постельных принадлежностей.

Во Львове, изрядно приняв на грудь в компании с лидером местных нацболов, моим однофамильцем Игорем Дмитриевым, мы не отказали себе в удовольствии пройтись по улице Джохара Дудаева, а потом по бульвару в центре города, скандируя «Россия — все, остальное — ничто!». Множество прохожих удивленно оглядывались, но никто так и не рискнул что-то сказать нашей компании.

Киевский майдан стал основной темой пятого съезда партии, прошедшего в ноябре 2004 года. Абель негодовал, почему нацболы не вышли туда с нашими флагами. Лимонов требовал устраивать демонстрации с плакатами, вроде косы Тимошенко, на которой вешается Украина. Ну а украинские нацболы разумно пытались нам объяснить, что майдановцы ничем не лучше Леонида Кучмы и русские Украины этого в любом случае не поймут. «Мы видим, что там происходят интересные процессы. Мы тоже хотим бархатной революции здесь.

Но в итоге наша цель, чтобы Украины не было, чтобы она стала Россией», — закрыл дискуссию Лимонов.

Съезд принял новую, существенно измененную программу партии. Теперь провозглашалось, что «главная цель НБП — превращение России в современное мощное государство, уважаемое другими странами и народами и любимое собственными гражданами». Для этого предлагалось:

- ограничить вмешательство государства в общественную и частную жизнь граждан;

- упростить регистрацию политических партий вплоть до полной ее отмены;

- не препятствовать деятельности независимых СМИ;

- обеспечить контроль общества за работой правоохранительных органов и т. д.

Таким образом, тема прав и свобод под прессингом государства вышла на первый план. Впрочем, в программе были и требования о том, что «все, что отнято у олигархов, должно быть отдано народу, а не новым кремлевским олигархам», а также — отмены привилегий для чиновников и,

конечно, ключевой пункт о необходимости защиты прав русских в странах СНГ и Прибалтики.

Такая смена курса привела к тому, что часть партийцев во главе с магнитогорским и самарским гауляйтерами Алексеем Голубовичем и Максимом Журкиным отделилась, обвинив остальных в заигрываниях с «оранжевыми» и либералами, а также отходе от национал-большевизма в духе 1990-х годов. Позднее к ним присоединились новосибирцы с рок-музыкантом Манагером и популярным у партийцев интернет-форумом, на основании которого создалось движение «НБП безЛимонова», впрочем, так и оставшееся виртуальным. Как это бывает при любых распрях и расколах, уходящие объявили себя подлинными хранителями идей национал-большевизма, а оставшихся — узурпаторами. Это повторялось потом не раз, однако никому из ушедших не удалось создать мало-мальски дееспособную организацию.

Лимонов к этому времени переехал в столичный район под названием «Сыры», который он потом опишет в одноименной книжке. Чтобы попасть к нему, надо было, выйдя со станции метро «Курская», миновать вокзал и идти налево мимо обширного загаженного газона с вонючими, пребывающими в состоянии алкогольного полубреда бомжами, мимо хаоса привокзальных лавочек и кафешек, миновать оформленный в древнеримском стиле ресторан «Гладиатор» с оградой из копий и, нырнув в проезд под железнодорожными путями, оказаться среди конструктивистских зданий 1920-х годов постройки. На Нижней Сыромятнической улице, в квартире с высоченными потолками и массивной чугунной ванной прямо посреди кухни, Эдуард прожил следующие пять лет.

Сюда весной 2005 года он приведет актрису Екатерину Волкову, с которой познакомится на выставке французского художника. К тому времени он уже расстался с «крошечной Настей» и был абсолютно свободен.

«Здравствуйте. Я Катя», — протянула руку Волкова незнакомому мужчине, который пристально смотрел на нее. «Вы кто, Катя?» — «Актриса. Вы сериал «КГБ в смокинге» видели?» — «КГБ в смокинге? Так это же моя тема!»

Вскоре они начнут жить вместе, Эдуард побреет Катю налысо, создаст ей новый имидж и принесет немалую известность, а затем она родит ему двоих детей — Богдана и Александру. Одно время, особенно после рождения сына-первенца (акkurat 7 ноября 2006 года), Лимонов даже соблазнится в целом чуждой для него эстетикой семейной жизни и уюта.

Вот совершенно нехарактерное для него стихотворение «Дом»:

Кричит младенец, снег идет,
Пирог в печи растет,
Повидлом пахнет и мукой,
Здесь дом заведомо не мой,
Но я здесь все же свой.
Глава семьи — я сед и прям,
Я прожил много зим,
Мой сын — Давид, жена — Марьям,
Давид как херувим,
Давиду старшая сестра —
Ты — юная Сара!
Так можно довести до слез!
А за окном — мороз!
Мы Новый Год и Старый Год
Руками разведем,
Под елкой будет хоровод,
Сыграем и споем,
Подарки подберем,
Глинтвейн, портвейн, веселый шнапс,
Шампанское в соку,
Английский пенс, французский шанс
И Саре и сынку —
ребенку по чулку.
В хлеву жует спокойный вол,
Идет спокойный снег.
Я очень долго к дому шел
И сотни пересек я рек,
Но я семью обрел.

После отсидки лидер самой опасной партии России стал значительно осторожнее. Регулярно, особенно в дни каких-то протестных акций, Лимонов фиксировал во дворе наружное наблюдение, иногда сразу нескольких машин оперативников. На звонки посторонних в дверь не реагировал, из дома не выходил без охраны, перемещался на автомобиле в сопровождении нескольких крепких парней. Все это стало предметом нападок и насмешек в прессе, однако на самом деле это были не нанятые

телохранители, а сами нацболы, сформировавшие партийную службу безопасности. Охрана, наши «преторианцы» — Илья Кондрашов, Александр Каменский, Дмитрий Сидоренко и другие, — всегда была и остается одной из наиболее эффективных и дееспособных частей партии.

Все это было далеко не лишним. Во-первых, на Эдуарда во время публичных мероприятий регулярно пытались напасть разного рода провокаторы. Во-вторых, надо было по возможности защищать его от ОМОНа и полиции на несанкционированных акциях. И, наконец, как раз в это время власти попытались сделать ставку на прямое физическое подавление нацболов.

Как стало известно из предпринятых рядом СМИ и нами самими расследований, нападения на активистов партии планировались тогдашним помощником Суркова Никитой Ивановым через главаря одной из группировок фанатов «Спартак» — «Гладиаторов» — Василия Степанова по кличке Вася Киллер. В Москве они происходили достаточно регулярно. Однажды возле горкома КПРФ, где проходило партийное собрание, избили до полусмерти нацбола из Шахт Дмитрия Елизарова (Ирокеза), сломав ему обе руки. При этом нападавших задержала милиция, однако вскоре, после приезда Иванова в отдел, всех отпустили.

13 апреля 2006 года к зданию Таганского суда, где Лимонов оспаривал решение Минюста о запрете на перерегистрацию партии, подъехал автобус, откуда выскочила целая толпа спортивных молодых людей (в некоторых опознали членов прокремлевских движений) и попыталась забросать Эдуарда с сопровождающими камнями и яйцами. Тут нацболы дали отпор и сами побии нападавших, однако уголовное дело было возбуждено как раз против них. В итоге семь человек — Роман Попков, Елена Боровская, Сергей Медведев, Назир Магомедов, Владимир Титов, Николай Макаров и Дмитрий Елизаров — были приговорены к различным тюремным срокам за «хулиганство».

Докатилась эта волна и до Питера. Однажды на трамвайной остановке на улице Комсомола на нас набросилась выскочившая из дворов группа людей в масках — главный почему-то был в маске петуха. От неожиданности я даже не успел среагировать, оказавшись на трамвайных рельсах. Однако после пары нападений мы однажды заметили их первыми и в районе Суворовского проспекта дали отпор, залив нападавших газом из баллончиков. По некоторым данным, люди из Москвы выходили на группировки ультрас «Зенита», попросив их попрессовать нас, но получили отказ. И тогда пришлось через столичные связи задействовать петербургскую группировку фанатов «Спартак» — «Алиене».

Через некоторое время, поняв, что это бессмысленно, кураторы свернули нападения и власть вернулась к старому, проверенному государственному насилию.

В октябре 2005 года во время приезда Лимонова в Петербург сорвалась намеченная встреча с общественностью — организаторы в последний момент отказались предоставить зал. В итоге Резник разрешил провести ее в офисе петербургского «Яблока». Зрелище было довольно сюрреалистическое. На стене рядом с портретом Андрея Сахарова и символикой «Яблока» повесили флаг НБП, а молодые либералы и нацболы внимали речам Эдуарда Вениаминовича об объединении оппозиции. В официозных СМИ эту встречу обозвали «союзом национал-приматов и либерал-ботаников». Впоследствии движение «Наши» даже выпустило красочную брошюру «Необыкновенный фашизм» с фотографиями в том числе и с этого мероприятия.

«Чтобы Путин сдох!» — завершил Резник тот день тостом в одном из кафе неподалеку от Московского вокзала. Потом его воспроизвел в репортаже приехавший с Лимоновым корреспондент журнала «Rolling Stone», за что Максиму долго выговаривали знакомые из числа тех самых «шестидесятников».

Лимонов в 2004–2005 годах встретился практически со всеми лидерами левых и либеральных оппозиционных организаций, пытаясь склонить их к созданию единой антипутинской коалиции. «На сегодняшний день единственная программа действий — это добиваться политических свобод, — писал Эдуард в новогодней «Лимонке». — Добиваться полного устранения контроля государства над политическими партиями, отмены регистрации партий, проведения новых досрочных выборов в Государственную Думу, добиваться роспуска Центральной Избирательной Комиссии. Короче, нам нужна СВОБОДА и политические СВОБОДЫ. Я опять призываю руководителей крупнейших партий оппозиции — Зюганова, Явлинского, Тюлькина, Хакамаду — сесть перед микрофонами на общей пресс-конференции и всего лишь сказать ВСЕМУ НАРОДУ: создан Всенародный Фронт Оппозиции. СОЗДАН. И мы его, этого Фронта, структурные подразделения».

Первым, кто откликнулся на этот призыв, оказался Гарри Каспаров. На тот момент он был основным лидером «Комитета-2008», организованного либеральной интеллигенцией для недопущения переизбрания Путина на пост президента в 2008 году. От знакомства у обоих остались самые позитивные впечатления. «Пока я не вижу ни одного недостатка, — сообщил Эдуард охранникам. И, подумав, добавил: — Это-то и

настораживает».

«Чемпионы тенниса и шахматисты — идеальные не-возбуждающиеся профессии», — сказано в «Дисциплинарном санатории». Спорно. Взять, к примеру, явного психопата и одновременно гения Бобби Фишера. Не говоря уже о Каспарове, который от природы постоянно находится в нервически-приподнятом состоянии и ищет, куда бы выместить свою кипучую энергию.

Всем, заставшим в более или менее сознательном возрасте советскую эпоху, памятны 1980-е годы со знаменитой шахматной дуэлью Каспарова и Анатолия Карпова. Граждане обычно предпочитали спокойного лояльного Карпова темпераментному южанину Каспарову, бунтовавшему против советских устоев. Вообще насколько Гарри Кимович гениальный шахматист, настолько и прирожденный разрушитель, вполне сравнимый в этом качестве с Михаилом Горбачевым. Про горбачевскую Социал-демократическую партию шутили, что ее крах — то же самое, что распад СССР в масштабе 1:10 000 000. Ну а Каспаров в результате многолетних интриг практически разрушил всемирную шахматную федерацию — ФИДЕ. Затем все это в точности повторилось в создаваемых с его участием, а затем разрушаемых им же политических коалициях и отдельных организациях.

Но на тот момент мы этого еще не знали, а Каспаров, разделявший и продвигавший идею альянса левых, националистов и либералов против Путина, заигрывавший с имперскими идеями и рассуждавший о том, что «интеллектуальный уровень региональных отделений НБП куда выше, чем СПС», казался перспективным союзником.

В июне 2005 года Каспаров создал собственную организацию «Объединенный гражданский фронт», которая стала довольно активно развиваться, откачивая к себе наиболее пассионарных либералов у СПС и «Яблока». В Петербурге ОГФ возглавила Ольга Курносова — ветеран демдвижения, перебивавшая в массе разных организаций и сделавшая там немало гешефтов. После успешной избирательной кампании правозащитника Юлия Рыбакова, в 1999 году избравшегося в Думу от СПС, возглавлявшая его штаб Курносова приобрела белый «мерседес», на котором ее возили по городу. А в 2001 году она едва не стала главой штаба Валентины Матвиенко, которую тогда в Кремле хотели выдвигать в губернаторы, но передумали, когда поняли, что она гарантированно проиграет Владимиру Яковлеву. Одновременно Ольга Владимировна осваивала гранты в «Открытой России» Михаила Ходорковского. Заместителем немолодой и некрасивой Курносовой по ОГФ стал молодой

пиарщик Миша Елисеев с выразительной кличкой Альфонс.

На примере Курносовой мне пришлось в очередной раз убедиться в правильности мысли: «Хочешь узнать человека — посмотри, как он живет». Ольга Владимировна проживала в неплохой двухкомнатной квартире в «сталинке», неподалеку от станции метро «Черная речка». Но до какого состояния она ее довела! Зайдя туда, гости немедленно прилипали к полу, который, кажется, никогда не мылся и был покрыт слоем мусора, газет и антипутинских стикеров. На кухне воняло из холодильника и от продуктов, валявшихся на столе, в ванной страшно было помыть руки от налипших волос и жира. Как-то я сделал Ольге замечание, что, мол, не мешало бы и прибраться, а в ответ услышал: «У меня нет времени, я занимаюсь революцией». Поневоле сравниваешь с тем же Лимоновым, с его всегда чистыми аскетичными жилищами, хотя он обычно и предлагает гостям не снимать обувь и сам ходит по дому в начищенных ботинках...

Так или иначе, к лету 2005 года сформировался союз Лимонова и Каспарова. Вскоре к нему примкнул третий известный политик — Михаил Касьянов.

Михал Михалыч является редким в российской элите примером деятеля, который обязан своей карьерой не столько родителям либо покровителям в верхах, сколько себе самому. За хорошие внешние данные и зычный голос он во время службы в армии попал в роту почетного караула, а затем постепенно, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, «дорос» до министра финансов в конце правления Бориса Ельцина, а потом и до премьер-министра. Верный взятым перед его семьей обязательствам Владимир Путин продержал Касьянова в премьерах весь первый срок, а затем подарил ему на день рождения лыжи и вскоре уволил. Причем, вопреки заведенным в Кремле порядкам, без какой-либо почетной должности или другой синекуры. На это Михал Михалыч — человек системный до мозга костей — и обиделся больше всего.

Вместе с ним ушли многие члены его команды. К примеру, ближайший соратник Константин Мерзликин, ведавший кадрами в правительстве, или заместитель начальника секретариата генерал-майор Александр Половинкин (в 1980-е работавший военным атташе в Северной Корее). С ними Касьянов создал собственное движение «Российский народно-демократический союз» и, выждав год после отставки, стал критиковать Путина за «реставрацию советского строя с элементами госкапитализма» и высказываться о необходимости объединения оппозиции.

Этот процесс вылился в создание оппозиционной коалиции «Другая

Россия». Ее учредительная конференция прошла 11–12 июля 2006 года в гостинице «Ренессанс-Москва». Диапазон участников был очень широк — от бывшего советника президента, ультралиберала Андрея Илларионова и обозревателя «Новой газеты» Анны Политковской до растерявшего былую славу красного трибуна Виктора Анпилова, от правозащитников Сергея Ковалева и Людмилы Алексеевой до левого экономиста Михаила Делягина. Сопредседателями объединения стали Касьянов, Каспаров и Лимонов. Название — одноименное собственной книге — предложил сам Эдуард. Коллеги не возражали.

Одним из знаковых моментов конференции стало рукопожатие Касьянова на сцене с Натальей Черновой, за пару лет до того кинувшей в него яйцо на избирательном участке и отсидевшей за это в тюрьме. Михал Михалыч публично признал, что она тогда была права, а те выборы реально были фарсовыми. «Я чувствую тяжелое дыхание истории где-то рядом», — говорил Лимонов, также вышедший на сцену пожать руку бывшему премьеру. Все это казалось очень многообещающим.

Разумеется, планы на будущее у всех были свои. Мы, нацболы, планировали сделать вместе с этой разношерстной компанией Февральскую буржуазную революцию, полагая, что союзники власть удержать не смогут и затем неизбежна революция красная, Октябрьская. Вероятно, и у верхушки либералов были свои мысли — использовать нас как уличную силу, таран против режима, милиции и силовых структур. И тем не менее нельзя сказать, что в коалиции господствовали исключительно цинизм и политический расчет. Жесткий прессинг со стороны государства, с самого начала сопровождавший коалицию, спланивал и часто заставлял испытывать симпатии друг к другу людей самых разных взглядов.

Конференция проходила на фоне открывающегося в Питере саммита G8, когда нас стали активно разрабатывать не только питерские оперативники, но и федералы. Цитирую текст «Как большую восьмерку спасали от меня», опубликованный на сайте «Назлобу. ру»:

«Все началось 26 июня, когда меня вызвали в давно знакомый 18-й отдел УБОП на беседу по поводу предстоящего саммита. Пошел добровольно (чего делать, конечно, не стоило). Поначалу наши спарринг-партнеры из УБОПа вели себя вполне корректно. В кабинете главы отдела полковника Чернопятава на почетном месте висит фото с нашего митинга 2003 года и лозунг «Снять Чернопятава». Крови тогда мы им попортили немало, так что нацболов они стараются лишний раз не трогать. Однако вскоре в кабинет вошли москвичи, оперативники из «Центра Т» МВД РФ:

мужчина средних лет, к которому все обращались не иначе как «товарищ генерал», и молодая женщина по имени Анастасия. Эти заговорили уже совсем по-другому. С ходу предложили написать обращение к членам НБП с призывом не приезжать в Питер, не устраивать никаких акций во время саммита, а также уехать из города самому и увезти актив отделения «куда-нибудь подальше». Обращение предполагалось вывесить в сети. После отказа начался пресс, продолжавшийся несколько часов.

В общем, обычная ситуация для путинской Эрэфии. Стандартный набор страшилок: посадим, убьем, «опустим». Чтобы показать серьезность намерений, запустили в кабинет двух не то уголовников, не то ментов, один из которых повалил меня на стол, а другой стал срывать одежду. Даже толком не били — просто хотели закошмарить и унижить. Что характерно, происходило все это под истеричные крики «мы патриоты, у нас есть приказ, и мы его выполним любой ценой». Потом вдруг предложили выпить водки, повели беседу за жизнь».

Уже потом я понял, что главной ошибкой была попытка нормально разговаривать с ними. Доказать, что никаких терактов не планируется, что собираемся идти на согласованное шествие. Они подумали, что еще немного надавят — и я пойду на уступки. Если бы сразу твердо и вежливо послать их, ничего этого бы не было. «Не верь, не бойся, не проси» — эта триада всегда актуальна на допросах.

Возвращение домой с конференции «Другой России» тоже происходило с приключениями. Я поехал на автобусе, где не нужно было покупать билеты и предъявлять паспорт, надеясь тем самым обмануть спецслужбы. «В районе Московского Моря (на границе Московской и Тверской областей) водитель тормознул у поста ГИБДД и в салон вошли молчаливые люди в штатском. Проверка документов. Только взглянув на мой паспорт, просят выйти из автобуса.

— В чем дело?

— Что-то паспорт у вас какой-то странный.

— А вы вообще кто?

В воздухе мелькает красная ксива. УБОП. Следовательно по особо важным делам. Все понятно.

По ночной дороге меня везут в райцентр Конаково, где отбирают мобильные и очень тщательно обыскивают. Оказывается, искали деньги. Из Москвы пришла информация, что Лимонов выдал мне миллион рублей (!) на срыв саммита. Вместо мулика опера нашли у меня в кармане 369 рублей 50 копеек, чему немало удивились.

Начальник местного УБОПа подполковник Метелев и его

подчиненные оказались вполне адекватными людьми. Сообщили, что у них приказ — задержать меня на время саммита. Они сами всего этого не одобряют, но должны выполнять. Предложили на выбор И ВС или гостиницу. И вот на следующий день я оказываюсь на базе отдыха «Верхневолжская», что неподалеку от того же Ленинградского шоссе. Двухместный номер стоит 4300 руб. за два дня. А мне бесплатно. Вполне неплохо.

Охраняли меня как матерого государственного преступника. Постоянно рядом находились трое оперов — двое в номере и один в коридоре. Всего же задействовано было человек 20, не меньше. Настоящая спецоперация. Убоповцы носили мне завтраки, обеды и ужины, но из номера не выпускали. Когда я высказал желание сходить искупаться, сказали: нет, а то, мол, уплывешь и свалишь в Питер... А на следующий день заботливый Тверской УБОП посадил меня на питерский поезд».

Это было бы любопытным приключением, за исключением того, что я просто пропал, и моей супруге Арине и родителям пришлось пережить несколько весьма неприятных дней, гадая, где я нахожусь и вообще жив ли.

Поскольку во время саммита провести масштабных акций в Питере нам не удалось, то стали готовить новую большую АПД уже осенью 2006 года. Задумка была такой: группа нацболов проходит в здание Законодательного собрания, вбегает в зал и там прорывается к трибуне, разбрасывая листовки и озвучивая наши требования. На тот момент главной целью петербургской оппозиции была борьба с планами строительства гигантской башни Газпрома на Охте, это требование и сделали основным.

22 ноября 2006 года пять человек — Андрей Милюк, Сергей Чекунов, Евгений Павленко, Михаил Башин и Константин Мусатов — успешно все это и проделали. Для руководства парламента и следствия осталось загадкой, как они проникли туда. Подозревали оппозиционного депутата Сергея Гуляева, но тщетно. Ни он, ни другие народные избранники пропусков им не выписывали.

Тогда мы заявили СМИ, что ребята вложили в паспорта похожие по цвету на пропуска картонки из чайных коробок и в толпе посетителей охрана этого не заметила. Теперь уже можно рассказать, что пропуска просто напечатали на цветном принтере, взяв за образец один из них, а перед акцией утилизировали в парламентском туалете, дабы не быть обвиненными в подделке документов.

Акция прошла под лозунгами «Нет башне Газпрома» и «Тюльпанов — враг Петербурга». Тогдашний спикер ЗакСа с цветочной фамилией серьезно

обиделся и настоял на возбуждении уголовного дела. В итоге Сергей Чекунов и Михаил Башин оказались в следственном изоляторе «Кресты», а остальные — в бегах. Впрочем, долгим пребывание ребят за решеткой не было, а процесс в итоге вообще закончился примирением сторон.

В декабре 2006 года коалиция «Другая Россия» провела в Москве первый Марш несогласных, правда, в форме митинга на Триумфальной площади. С той акции осталось знаменитое фото, где три вождя — Касьянов, Лимонов и Каспаров — стоят в профиль, подобно Марксу, Энгельсу и Ленину. Уже тогда мы ждали, что будем, как запланировано, проводить марш и прорываться к Кремлю по Тверской. Однако там все было перекрыто, и потому вожди двинулись ко 2-й Брестской улице, их пропустили, а вот попытка нацболов прорваться вслед за ними и провести все же шествие была пресечена ОМОНОм.

Но настоящий успех к «Другой России» пришел после петербургского Марша несогласных 3 марта 2007 года. Тут сошлось несколько факторов. И низкая популярность губернатора Матвиенко, и широкий спектр сил, готовивших акцию, и, конечно, масштабная агитационная подготовка. Тиражи газет и стикеров, которые день и ночь раздавали и клеили нацболы, исчислялись десятками тысяч — чувствовалась финансовая поддержка руководства коалиции. Мы буквально не спали сутками, мотаясь по городу и «окучивая» его.

Масла в огонь подлила сама городская администрация, которая не только запретила шествие, но еще и крутила в метро для удивленных горожан предупреждение — ни в коем случае не ходить на несанкционированный марш к БКЗ «Октябрьский». В итоге ко дню акции о ней знал уже весь город.

Еще одним опрометчивым шагом Валентины Матвиенко стало снятие с грядущих выборов в Законодательное собрание списка «Яблока» с Резником во главе. Похоже, тут было что-то личное. Возможно, Валентина Ивановна обиделась на высказывания о ней острого на язык Максима Львовича. С другой стороны, в политических кругах Северной столицы гуляла версия, что «яблочники» сдали фальшивые подписи. А когда об этом сообщили градоначальнике, та сказала главе горизбиркома Александру Гнетову: «Действуйте строго по закону». Впрочем, зная цену всем этим подписям на российских выборах, сделаем вывод, что в любом случае это было политическое, а не правовое решение.

Накануне марша в город прибыли три лидера коалиции. Те способы, которые они выбрали для перемещения в пространстве, прекрасно характеризуют политический стиль всех троих. Лимонов высказывал идею

поехать вместе с журналистами в плацкартном вагоне, чтобы быть ближе к народу. В итоге он там и поехал, Каспаров тоже сел на этот поезд, но, попозировав перед камерами, ушел спать в вагон СВ, ну а Михал Михалыч полетел на самолете.

Вечером мы — его организаторы — и прибывшие из Москвы лидеры собрались в квартире Каспарова на Петроградской стороне, в новом доме неподалеку от станции метро «Чкаловская». За ужином, потягивая хорошее французское вино, Касьянов попросил принести ему карту и стал рассуждать о том, как лучше прорывать кордоны ОМОНа на Невском проспекте.

Я не мог не поинтересоваться у Михал Михалыча, как ему это занятие и есть ли разница с работой в правительстве.

«Точно то же самое. Процесс планирования очень похож», — был ответ.

Встреча перед началом марша была назначена в офисе «Яблока» на улице Маяковского, откуда мы должны были двигаться к БКЗ «Октябрьский». Это была ошибка — прямо рядом с офисом собравшихся атаковал ОМОН. Первым делом был задержан Лимонов. Мне удалось уйти и добраться до БКЗ, где под мантры офицера милиции, монотонно требовавшего в мегафон разойтись, уже стояла и волновалась протестная толпа. Взявшись за руки с какими-то пенсионерами, мы отодвинули ограду, продавили милицейское оцепление и вышли на Лиговский проспект.

Здесь Михал Михалыч, окруженный толпой, дал интервью журналистам и... отбыл на «мерседесе» в аэропорт. Этим и окончилось все планирование.

Ну а мы среди все увеличивающейся толпы народа, в общей сложности не менее семи тысяч человек, двинулись по Невскому проспекту. В Смольном, вероятно, не были готовы к такому развитию событий, и все милицейские кордоны были довольно хилыми. С ходу толпа с нацболами в авангарде легко прорывала их. Царили революционное весеннее настроение и атмосфера праздника.

Только возле Думской улицы дорогу нам преградили уже полноценный кордон из самосвалов и тяжелых автомобилей и омовцы со щитами. Начался импровизированный митинг с балкона бывшей городской думы. Все это время над толпой что-то летало. Приглядевшись, я увидел, что это были каски, дубинки и прочие причиндалы омовцев. Когда они вклинивались в толпу, их окружали пенсионеры и начинали бить и отнимать оружие...

Выступил Каспаров, заявивший, что до победы нам остался год. Я

призвал идти освобождать Лимонова и других товарищей к отделу милиции. Ну а Гуляев забрался на карниз и вещал оттуда, пока его не стащили милиционеры. Брали его исключительно театрально. ОМОН свиньей вклинился в толпу, добежал до думы, стащил Сергея за ноги с поребрика, уронив о перила, и потащил обратно, изрядно побив и помяв. После этого они начали рассекать собравшуюся толпу, и люди стали постепенно расходиться.

Чувство эйфории переполняло нас. «Этот город наш», — говорил я кинорежиссеру Алене Полуниной, которая впоследствии сняла о событиях 2007–2008 годов фильм под названием «Революция, которой не было». Лента получилась несколько мрачноватая, в Достоевском пессимистическом духе. Но это больше касается последующих событий, а не того яркого дня.

Губернатор Матвиенко возложила вину за произошедшее на «два вагона экстремистов, приехавших из Москвы», что выглядело глупо, учитывая многочисленные фото и видео толпы в пять — семь тысяч человек, идущей по Невскому.

«Многие наблюдатели никак не могут разгадать логику действий Кремля и Смольного, — было сказано в нашей совместной статье с Белковским по горячим следам после марша. — Разве Марш несогласных был столь опасен? Разве 7 тысяч граждан могли одним маршем поменять власть в одном отдельно взятом северном городе? Зачем же было свозить со всего Северо-Запада безразмерные толпы ОМОНа и перекрывать бронированными джипами мыслимые и немыслимые дороги?!

Разгадка очень проста. Власть боится, потому что совсем не понимает мотивации протестующих.

С точки зрения президента Путина, губернатора Матвиенко, спикера Тюльпанова и прочих таких же профессионалов, вполне дозревших до уровня завклубом железнодорожников города Шепетовки, «человек разумный» — это разновидность домашнего скота (именуемого также в частных беседах «быдлом»), для которой реальны только кредит на приобретение холодильника и нелиняющий Петросян. И на улицы такой преобыкновенный человек выходит за двести-триста рублей, а то и за бутылку нетеплого пива в базарный день. Выходит, чтобы отработать подачку и поглазеть на себе подобных. Но никогда — чтобы защитить какие-то там права, о которых двуногая скотина ни малейшего представления не имеет. Ну а «правда», «Родина», «совесть», «гражданское достоинство» — это все древности почечнокаменного века, ради которых никто потребительную задницу от прокуренного дивана не оторвет.

Не случайно и киевский Майдан-2004, и питерский Марш-2007 шепетовские правители немедленно объявили заказными и коммерческими. Потому что если человек просто так идет биться, рисковать здоровьем и благополучием ради своей свободы — то вся фундаментальная жизненная теория матвиенок сразу никуда не годится. И если бывает народный гражданин главней Петросяна, то какой же Путин тогда президент?»

Стоит отметить, что на марше не было флагов США (лишь один пытались развернуть провокаторы) и почти не было флагов ЕС (единственный принес с собой кто-то из приятелей Коцюбинского), как не было и лозунгов за «евроинтеграцию». То есть разница с майданом все же была, и весьма ощутимая.

Автор до сих пор считает, что тот марш был главной протестной акцией за все путинские времена. И хотя позже на Болотную и Сахарова людей выходило намного больше, по своей яростной энергетике, силе и мощи он превосходил все белоленточные выступления, в том числе и 6 мая 2012 года.

Следующие марши несогласных прошли дублем — 14 апреля в Москве и 15-го в Питере. В столице ОМОН довольно жестоко разогнал демонстрантов на Бульварном кольце. Едва не пострадала при этом еще и недавно родившая Катя Волкова, самовольно пришедшая на акцию и заявившая пытавшемуся остановить ее Эдуарду: «Я хочу сама во всем разобраться».

Особенно любопытно выглядела попытка задержания Касьянова, которого от наскоков ОМОНа защищали охранники из ФСО, пожизненно приставленные к бывшему премьер-министру. И они-таки победили в этой схватке, защитив своего шефа!

В Петербурге был разрешен только митинг на Пионерской площади, хотя мы все равно намеревались пройти по улицам Северной столицы. Из лидеров в Питер добрался один Лимонов. По окончании митинга он отправился на квартиру к нацболу Олегу Юшкову, жившему неподалеку, которую по понятной лишь им одним логике уже после завершения всех событий взяли штурмом сотрудники «Центра Э».

Мы же двинулись по Загородному проспекту, мимо закрытой на вход станции метро «Пушкинская» и уперлись в цепь ОМОНа.

Далее цитирую свой текст «Несогласный Питер. Итоги второго марша»:

«Следующие 15–20 минут по площади между метро «Пушкинская» и Витебским вокзалом хаотично мечутся люди. То ОМОН переходит в наступление, то демонстранты, сбившись в кучу, пытаются продолжить

движение. Над площадью зависает вертолет, поднимая клубы пыли. В ряды омовцев летят пластиковые бутылки с минералкой и чучело драконы ГАЗЗИЛЫ (символ Газоскреба — яблочный креатив). Крики «позор», мат, команды начальства ОМОНу — все смешалось...

Апогея ситуация достигает у входа в метро «Пушкинская», куда сдвигаются остатки несогласных. Гуляев в мегафон просит открыть вход. Щас! Следует команда задержать его самого. ОМОН идет на приступ, во все стороны лупя дубинками и ногами. При винтилове Гуляева ему остервенело бьют по руке и ломают ее. Я, после скользящего удара по голове, закрываю ее руками и пытаюсь выбраться куда-нибудь. То, что здесь никто не погиб, было чудом.

Просачиваясь мимо последнего кордона, выхожу в переулок. За мной рысью появляются четыре мужичка в штатском. «Стоять, допрыгался, блядь!» — заламывают руки и сажают в милицейскую машину. Всё. Программа на сегодня окончена.

Омовцы же, разобравшись с несогласными, стали нападать на простых горожан: разогнали людей, ждавших маршрутку на остановке, избили каких-то подростков у ларьков с пивом, потом переключились на пассажиров пришедшей электрички».

В разгар всех этих событий в Кремле приняли окончательное решение ликвидировать НБП. Прокуратура Москвы совместно с управлением юстиции столичной мэрии обратилась в Московский городской суд с требованием признать партию экстремистской организацией — в первую очередь на основании проводимых ею акций прямого действия.

Рассмотрение дела проходило аккурат после Марша несогласных, 18 апреля. Лимонов появился в суде с супругой и полугодовалым сыном Богданом. Прения сторон затянулись, и судья перенесла их окончание на другой день. Тут и случился эксцесс, наглядно показывающий, как в РФ принимаются подобные решения. На следующий день, 19 апреля, в правительственном органе — «Российской газете» — вышла статья, гласившая «Нет такой партии!», сообщавшая о ликвидации НБП. То есть, не озаботившись даже ожиданием решения суда, тиснули статейку, заранее оповещавшую о запрете партии. Впрочем, в тот же день суд такое решение принял, а в августе оно было подтверждено Верховным судом, и запрет партии вступил в силу.

Эдуарду один из приставов сообщил, что оперативники обсуждают возможность его ареста сразу после окончания процесса. Тревога на этот раз оказалась ложной, однако стало ясно, насколько своевременно была создана коалиция — она служила хоть каким-то «зонтиком», прикрытием

для партийной деятельности в таких условиях.

Успешно заявив о себе на улице, «Другая Россия» приняла решение попытаться выдвинуть кандидата на президентских выборах 2008 года. Изначально на эту роль претендовал Касьянов, что казалось совершенно естественным — все-таки бывший премьер-министр. К тому же от Михал Михалыча и после отставки устойчиво веяло властью, что особенно чувствовали милиционеры во время уличных акций и прочие «государевы люди».

Лимонов с самого начала поддерживал его кандидатуру. Хотя нельзя сказать, что нацболы были в восторге от идеи выдвижения человека, обещавшего продавать нефть на Запад по «справедливой цене» в 20 долларов за баррель и произносившего на предвыборном съезде речи о недопустимости «разжигания шовинистических чувств, пропаганды национальной исключительности, антиамериканизма» и о том, что дружить надо с США и ЕС, а не с Ираном, Венесуэлой и КНДР.

Однако президентские амбиции обнаружились и у Каспарова. (По некоторым данным, Касьянов отказал ему в праве возглавить свой избирательный штаб, что вызвало гнев Гарри Кимовича.) Причем реализовывать их он стал весьма хитроумным путем — лоббируя выдвижение других потенциальных кандидатов в президенты и идею проведения «праймериз» в рамках коалиции. Так появились кандидатуры бывшего главы Центробанка Виктора Геращенко, живущего в Великобритании диссидента Владимира Буковского и Сергея Гуляева.

В выдвижении Гуляева от только что созданного при содействии Стаса Белковского надпартийного Национального русского освободительного движения (НАРОД) поучаствовал и автор этих строк. Сергей, однако, надежд не оправдал. Образ офицера, прошедшего Афганистан, ведущего легендарных невзоровских «600 секунд», оппозиционного депутата и главного героя самого массового Марша несогласных казался привлекательным для избирателя. Однако, обозначив свои президентские амбиции, Гуляев немедленно уехал в Геленджик, где и тусовался несколько месяцев, подобно замечательному мужику из песни Сергея Шнурова. Более того, он не смог себя четко позиционировать, запутавшись между либерализмом и национализмом, как 11 лет назад Юрий Власов, а также показал себя абсолютно не способным к системной политической работе. Его лучшим днем и лебединой песней так и остался карниз на углу Невского проспекта и Думской улицы 3 марта 2007 года.

А разрушительная активность Каспарова все возрастала. Апофеозом стало совещание первых лиц коалиции 28 июня, которое продлилось семь

(!) часов. Гарри Кимович настаивал на сложной формуле с выдвижением от каждой из основных организаций, входящих в коалицию, по несколько кандидатов на праймериз. Касьянов сопротивлялся. Лимонов пытался примирить их, но безуспешно. «Последний акт, конец седьмого часа совещания. Сцена выглядела как бункер фюрера с картины художников Кукрыниксов «Капут», — делится он впечатлениями в книге «В Сырах». — Сидел в пол-оборота бледный Михаил Михайлович Касьянов. Его alter ego Константин Мерзликин сидел, обхватив блестящую лысую голову руками, гневно и язвительно бросали свои тирады в противников сам Каспаров и его группа: склонный к язвительному талмудизму Осовцов и старательный толстенький Рыклин. Они расхаживали, садились, опять расхаживали... Случился раскол. Окончательный и бесповоротный».

К слову, бывший депутат Госдумы и вице-президент Российского еврейского конгресса Александр Осовцов был популярным объектом шуток у нацболов в силу наличия частного зоопарка с породистыми собаками и прочими экзотическими животными, где имелся даже карликовый бегемот по кличке Пышка. С кем только не сводит судьба в разных политических коллизиях...

После исторического совещания Касьянов покинул «Другую Россию». А изначально поддерживавший его Лимонов ради сохранения коалиции согласился поддержать на праймериз Каспарова.

«Послушай меня, гагауза, — говорил мне тогда хороший знакомый, мэр города Чадыр-Лунга и будущий «башкан» национальной автономии на юге Молдавии Михаил Формузал. — Вы совершаете ошибку. Не надо было вам выдвигать Каспарова, никто за кавказца не проголосует. Надо было Касьянова вам двигать...»

На финальном сентябрьском голосовании в Москве Каспаров победил. Глядя на то, как абсолютно счастливый лидер О ГФ в белом костюме спускается с трибуны, я размышлял: «В уме ли он? Развалить коалицию. Потратить кучу денег и сил на организацию праймериз. Договориться с Лимоновым, уломать его на поддержку себя. Предсказуемо их выиграть. Чему же тут радоваться и чем он так доволен?»

Я поинтересовался у Гарри Кимовича, как он собирается регистрироваться кандидатом. Надо же собирать миллион подписей, пробивать бюрократические рогатки, это большая работа. На что Каспаров ответил в том духе, что подписи собирать, может, и не нужно, потому что его все равно не зарегистрируют.

Единственным из независимых кандидатов, кто дошел до финиша и сдал в Центризбирком подписи, оказался Касьянов. Однако в регистрации

ему все равно отказали. А Каспаров даже не провел собрание инициативной группы по причине якобы отсутствия помещения. И, как теперь кажется автору, он изначально не собирался никуда баллотироваться. Его главным желанием было отодвинуть Касьянова. По сути он соревновался с Михал Михалычем в статусе главного русского оппозиционера для Запада, не более того. Крайне неприятно было осознавать все это, но что поделаешь — вляпался в политику, принимай картину такой, какая она есть.

Той же осенью на очередном Марше несогласных Каспарова задержали и дали ему пять суток ареста. Это был исключительно верный ход властей, который страшно напугал его маму Клару Шагеновну, человека номер один в жизни шахматиста. Тогда в одном из журналов была помещена очень точная карикатура: в камере Каспаров играет в шахматы сам с собой, а на руке у него наколка — восходящее солнце и надпись «Клара».

Как-то раз мы с Гуляевым оказались у Гарри Кимовича в гостях, в просторной арбатской квартире с большими стеклянными шахматными фигурами в гостиной, но без излишней демонстрации богатства хозяина. Клара Шагеновна встретила нас с распростертыми объятиями и усадила за стол. «Сейчас Гарик придет, он только встал. Всю ночь обычно читает новости и пишет, всю ночь, не ест, не спит, переживает о России», — горестно кивала она головой. Появился Каспаров в халате и сел за стол, тут же начав говорить что-то антипутинское. «Гаренька, кушай овсянку», — повязывала ему при этом мама салфетку, как маленькому ребенку. И 13-й чемпион мира по шахматам воспринял это как должное и продолжал поглощать кашу, в то время как мы еле удерживались от смеха.

В общем, Клара Шагеновна категорически запретила сыну ходить на несанкционированные акции.

«Каспаров испугался, когда ему дали пять суток. Сидел он в спецприемнике и испугался, видимо, навеки. Мама его потом мне объясняла: «Эдуард, вы знаете, он же вундеркинд, чемпион мира по шахматам»... Для него это было жутким оскорблением. А когда я как-то сидел в спецприемнике, мне попались те менты. И они мне говорят: «Вот вы такой простой, нормальный, с вами можно разговаривать. А вот Каспаров у нас сидел — он нас чего-то так боялся... А чего нас бояться? Я говорю — посмотрите на себя, ходите тут такие расхристанные (без обид), обладаете всеми правами. Ну да, а мы хотели с ним в шахматы сыграть...» Это абсолютная правда, которую через годы я узнал. И получилось, что он их боялся, а они к нему тянулись, эти грубые ментяры. Он боялся, что его

отравят. Мать ему носила еду туда. Вообще-то на 15 суток, когда у нас содержат, ко мне не было таких послаблений, ну, я про них и не спрашивал. Например, Немцову оставили мобильный телефон. К нему приходили туда дочь, жена. На 15 суток это не полагается».

Под занавес 2007 года, накануне парламентских выборов силовое давление на нацболов стало усиливаться. 22 ноября один из молодых активных партийцев — Юрий Червочкин из Серпухова — был избит, предположительно сотрудниками подмосковного УБОПа. О слежке с их стороны он сообщил по телефону за несколько минут до нападения. Получив сотрясение и отек головного мозга, он вскоре скончался. По всей видимости, опера перестарались, избивая его впятером... Так Юра попал в список нацбольской «партии мертвых». На похоронах присутствовали Лимонов, Каспаров и более двухсот человек партийцев. Долго тянувшееся следствие так ни к какому результату и не привело.

Характерна циничная реакция на это убийство одного из сотрудников ФЭПа Павловского Тимофея Шевякова в «Русском журнале»: «Сегодня нацболы рисуют себя жертвами «кровавого режима». Но бросаясь под трамвай, можно сколько угодно кричать о том, что «кровавый технический прогресс» перерезал ноги... И еще. Это политика, деточки. Здесь могут и убить...»

Автора статьи после поднявшегося скандала Павловский тогда уволил. Но при этом возложил ответственность за убийство на Лимонова, обвинив его в симпатиях к «хаму с битой».

В этот же период у Лимонова происходил разрыв с Катей Волковой. Отношения их осложнились после того, как, оставив Богдана в возрасте трех месяцев бабушке и мужу, она надолго уехала отдыхать на Гоа, где предавалась радостям жизни, характерным для этого старого хи-повско-наркоманского «рая», и, по подозрениям Эдуарда, изменяла ему. Хотя Катя и была беременна, сдержать их вместе это уже не могло, и на Рождество они расстались окончательно.

На президентских выборах в марте президентом стал Дмитрий Медведев. «Революция умерла, — да здравствует революция!» — закончил я свою речь на печальном и немногочисленном Марше несогласных на следующий день после выборов.

Каковы же были результаты нашего братания с либералами?

Как уже было отмечено, союз этот был во многом вынужденным. После отказа государства сотрудничать с нами за пределами России и усиления репрессивного давления на партию нам нужны были союзники, нужен был своего рода зонтик для защиты. В роли такого зонтика и

выступила коалиция. Благодаря ее существованию партии удалось выжить и после запрета, а также стать фактором большой политики. Контакты с «вилами» либерального движения позволили обеспечить возможность проведения массовых акций с широкой агитацией и симпатии многих СМИ.

Как уже говорилось, в наших планах был сперва условный Февраль, который должен был быть осуществлен в союзе с либералами, затем — условный Октябрь. Иначе говоря, добившись отстранения режима и введения демократических свобод, мы рассчитывали, что либералы власть не удержат и на выборах или иным путем будут вынуждены сдать ее левым и патриотическим силам и нам как их авангарду.

Этого не произошло во многом потому, что либералы показали себя абсолютно неспособными сделать даже Февраль. Коалиция была подорвана склоками, а также банальной трусостью лидеров (надо признать безусловно ведущую роль за Каспаровым). Насколько видится из сегодняшнего дня, главным для них было обеспечение статуса оппозиционера № 1 не столько в России, сколько на Западе. Поэтому вылились в откровенный фарс и президентская кампания, и затея с праймериз. Вместе с тем коалиция дала такие впечатляющие уроки гражданского сопротивления, как марши несогласных, которые по энергетике и протестному драйву превосходили все последующие акции «за честные выборы», хотя и уступали им по численности.

Вопрос о возможности сотрудничества и создании широкой коалиции годами дискутировался как среди либералов, так и среди левых и националистов. Были и люди, разочаровавшиеся в партии после ее союза с либералами. В либеральном лагере самыми непримиримыми противниками выступали, с одной стороны, «демшиза», вроде Валерии Новодворской с Константином Боровым, с другой — люди, приближенные к власти, вроде соратника Анатолия Чубайса Леонида Гозмана (который, явившись на питерский Марш несогласных в конце 2007 года, долго говорил о своем презрении к нацболам, а в итоге ОМОН, не особенно разбиравшийся, кого бить, благополучно сломал ему руку).

А вот как самому Лимонову видится тот союз из сегодняшнего дня:

«Во-первых, эти люди в те годы не были такими. Люди либо развиваются, либо деградируют. Не было такого оголтелого даже Каспарова, не говоря уже о Касьянове, который был вполне респектабельным и разумным человеком. Это не сегодняшний Касьянов, который призывает дать Украине летальное оружие. Это другие люди. Надо принимать во внимание время, это был 2006 год. И нужно вспомнить,

что такой чуткий демшизовый человек, как Новодворская, стояла возле места проведения первой конференции коалиции «Другая Россия» с плакатом против нее. И «нашисты» тогда выступали против. Это сейчас Каспаров и Касьянов приобрели другую позицию. В конце концов они впали в такую истерику и сейчас сами больше демшиза и радикалы, чем покойная Новодворская. Тогда ничего особенно прозападного в них не было. Июль 2006 года воодушевил всех — и журналистов, и посольства разные, потому что в том глухом мраке, который тогда был, это был очень перспективный союз. Я до сих пор считаю, что это была прямая дорога к власти. Если бы тот же Касьянов пришел к ней, не факт, что не стал бы брать Крым в 2014-м. Тот, кто получает власть, ведет себя совершенно иначе. Совершенно точно, что на то время это было самое многообещающее, сильное и перспективное движение».

Глава шестая

СТРАТЕГИЯ

Побывав как-то в торговом представительстве КНДР в Петербурге (это обычная квартира на Васильевском острове в доме неподалеку от гостиницы «Прибалтийская»; в свое время Валентина Матвиенко выделила представителям нескольких десятков азиатских и африканских стран, не имеющих консульств в городе, такие квартиры для служебных нужд), я обнаружил там карту города с красными флажками. Были помечены Кировский завод, Пискаревское кладбище, Эрмитаж и даже пивоваренное предприятие «Балтика». Оказалось, что это места, которые посетил товарищ Ким Чен Ир во время визита в Питер.

Куда мы воткнем флажки, составляя карту Петербурга Лимонова?

В первую очередь, конечно, в курехинский бункер на Потемкинской.

Помнится, Сергей именовал Питер «Новой Атлантидой» и прогнозировал погружение города под воду в результате грандиозного наводнения. После этого вокруг Исаакиевского собора можно будет плавать в скафандре, созерцая его купола и статуи. Разрушение, гниение и вода — постоянные петербургские темы.

«Город великолепный. Это такая гниющая Венеция, — говорил Эдуард в интервью, взятом мной для газеты «Смена» сразу после его выхода из тюрьмы в 2003 году. — Я без ума от Дворцовой площади. Это единственная площадь в стране, которая пробуждает мысль о России как об огромном государстве. Империи. Как ни странно, даже в Москве, возле Кремля, это уже не чувствуется. Моя мечта — снести Зимний дворец, который как барак стоит, расширить Дворцовую площадь до Невы. Нужно расширить перспективу. Это было бы великолепно».

Имперская суровая стилистика. Дворцовая площадь, если встать спиной к барочному и легкомысленному Зимнему и смотреть на Александрийский столп, брусчатку и арку Главного штаба. Петропавловская крепость с казематами и селедочного цвета невскими волнами. «На площади Сената вал сугроба, дымок костра и холодок штыка». Шинельная строгость Михайловского замка и Гатчинского дворца, более прусских, чем вся Пруссия. Вот лимоновский Петербург.

Однажды, кажется, в середине нулевых годов, мы полночи гуляли по Достоевским местам в районе Сенной площади и оказались в итоге в доме,

где, как свидетельствует мемориальная доска, было написано «Преступление и наказание». Там, на квартире, где проживала приехавшая из Израиля и привезшая с собой собачку по клике Путин девушка Надя с товарищем Михаилом, Эдуард совершенно расслабился и в какой-то момент спросил мою супругу Арину (вероятно, не опознав ее среди прочих девушек):

— Можно ли потрогать вашу грудь?

Я уж хотел было напомнить вождю о приличиях, но Арина меня опередила:

— А можно ли потрогать ваш мозг?

— Давайте. — Эдуард наклонил голову.

— Нет, это голова, а я хочу мозг!

— Ну, это невозможно!

— Ну, тогда и грудь невозможно!

Все посмеялись, а Эдуард стал целовать запястья нацболке Лене.

А в другой раз мы отвезли Лимонова на Канонерский остров. (Теперь уже у многих нацболов есть свои авто, периодически я и сам выступаю в качестве водителя у Эдуарда во время его визитов на невские берега. Да, вот так вот: те, кто любил побить «буржуйские» иномарки в 1990-х, сами обзавелись автомобилями, причем не отечественными...) Сейчас в связи со строительством трассы Западного скоростного диаметра там все поменялось, а в течение долгих лет это был укромный уголок, о котором не знали даже многие горожане. С дорогой, ведущей туда по набережной Обводного канала, через Гутуевский остров, мимо гор древесины и металлолома, с торчащими из них портовыми кранами, а затем ныряющей в тоннель под Финским заливом. С гудящими во время прохода по каналу кораблями, с отсутствием улиц — несколько десятков домов идут под номерами «Канонерский остров-1» и т. д., с полудиким загаженным пляжем, с которого открывался вид на остров Белый с городскими очистными сооружениями, и дальше в дымке — на Лахту, Кронштадт, Петергоф. Возле этого пляжика в кустах мы долго, не следя за временем, пили вино.

— Великолпно! Как в Бретани! — сообщил Эдуард, отпив из бутылки, и лег на спину в кусты, обнимая свою тогдашнюю девушку, цыганку Наташу. Покой их потревожили рыбаки, которые, вытаскивая на берег надувную лодку, узнали Лимонова и попросили сфотографироваться с ним на смартфон.

Сильное впечатление на Эдуарда произвел Кронштадт. В продуваемом всеми зимними ветрами, пустом, с разбитыми стеклами, с небольшими

рюмочными городке ему понравилось настолько, что он потребовал узнать цены на недвижимость и по возможности разместить там питерский штаб партии.

Еще одно культовое лимоновское место — кафе «Волшебная сковородка» на Суворовском проспекте, между 4-й и 5-й Советскими улицами. Это народное заведение с недорогой едой и алкоголем, каких в центре города осталось не так много. (Хотя москвичи всегда удивляются обилию дешевых рюмочных, объясняя, что у них давно уже не так.) Оно знавало немало партийных посиделок, вот и у Эдуарда редкий приезд в Питер обходится без того, чтобы заглянуть сюда.

Именно здесь Лимонов устроил нам с Женей Павленко выволочку за участие в движении «Народ» и выдвижение Гуляева в президенты: «Зачем вам это? Вы дали Белковскому, политтехнологу, увлечь себя, влезть в нашу организацию. Нельзя было этого делать». Выпив пива, водки, а затем еще пива, он угрожающе закончил: «Если будете упорствовать, выгоним вас к чертовой матери. Соберем съезд и исключим...»

«И куда вы меня выгоните? — спросил Женя. — Я все равно нацбол. Нацболом и умру». Как оказалось, напророчил...

Но в целом, несмотря на подобные эксцессы, Эдуард всегда тепло относился к питерской организации, защищая ее от нападок москвичей в излишней самостоятельности и автономности. «Ну что вы хотите, это же Питер, там всегда так было и будет, оставьте их в покое» — эта фраза частенько произносилась на совещаниях среди узкого круга партийного руководства.

Президент указ подписывает строго,
Двадцать тысяч янки ожидает долгая дорога.
Zoldaten сытые отправятся в Ирак,
И выиграют войну, которая не выигрывается никак.
Президент указ строго подписывает,
Над ним зигзаги звездно-полосатый флаг выписывает.
А в это время в Санкт-Петербурге, в результате непогоды,
Набережную реки Карповки затопили воды.
А вдоль набережной реки Карповки
Построились питерские национал-большевики.
Дмитриев-начальник вдаль глядит,
Гребнев Сергей врагу грозит
И Олег Юшков грозит...

Что-то не припомню, чтобы мы, как сказано в этом безымянном стихотворении из сборника «Беги мальчик, беги», когда-то строились на берегу реки Карповки, да и куда там маршировать? До консульства США — через Неву, по Литейному и Фурштадтской — далековато. Как и до Смольного. Разве что к женскому монастырю либо к бывшему Ленинградскому дворцу молодежи на какой-нибудь концерт.

1 мая 2008 года мы маршировали по Невскому вместе с Лимоновым и Каспаровым, используя предоставляемую Смольным раз в году возможность для всех политических сил пройти по главной улице города. Перед началом шествия какой-то полудурок из числа прокремлевских молодежных организаций напал на Эдуарда с пакетом говна. И хотя ребята из охраны его скрутили и передали милиции, те тут же отпустили его на все четыре стороны. Лимонов же отреагировал на произошедшее философски: «Это политика, надо быть готовым к таким вещам». Зайдя в ближайшее кафе умыться, он вскоре вновь встал во главе колонны.

После неудачи с выдвижением единого кандидата на президентских выборах была предпринята еще одна, финальная попытка вдохнуть жизнь в коалицию «Другая Россия» путем созыва сессии Национальной ассамблеи — своего рода альтернативного парламента на базе входящих в нее организаций. Сама идея ее создания принадлежала Лимонову. Он предполагал, собрав вместе представителей всего идеологического спектра оппозиции — левых, либералов и националистов, — противопоставить ассамблею сервильной Государственной думе, создав тем самым параллельный центр власти. О наличии соответствующей статьи в УК РФ мы были осведомлены, но нас это совершенно не пугало. Другие лидеры коалиции согласились на созыв сессии, однако, как вскоре выяснилось, имели совсем другие планы.

17 мая первое и последнее заседание ассамблеи открылось в бизнес-центре неподалеку от станции метро «Новослободская». Начала его, зачитав клятву, Анастасия Курт-Аджиева. После чего — уже от себя — разорвала портрет свежееизбранного президента Дмитрия Медведева и призвала не превращаться в сборище «прозаседавшихся», а создать реальный центр сопротивления власти. (Этот жест мы придумали накануне в Питере, для остальных участников он оказался сюрпризом.)

Лимонов в своем выступлении призвал создать «87 Вьетнамов неповиновения» в каждом регионе России. «В качестве стратегии всего движения Национальной ассамблеи предлагаю избрать теорию конфликтов. Заключается она вот в чем. В двух столицах и в регионах советы Национальной ассамблеи будут энергично проводить серийные, как серии

боксерских ударов, акции ненасильственного неповиновения и сопротивления: марши, митинги, пикеты, забастовки. Без устали следует выдвигать во всех этих конфликтах одно и то же главное требование: проведение свободных всеобщих выборов в парламент России. Повторяю: разрозненные выступления граждан в столицах и регионах по различным поводам — требования повышения зарплаты, недовольство действиями местных властей, уплотнительной застройкой, высокими ценами на продукты или бензин — все эти местные и важные лозунги все же должны будут повсюду и везде венчаться главным лозунгом: требуем свободных выборов с участием всех политических сил!»

Помимо Эдуарда выступили Каспаров, Удальцов, Илларионов, Делягин и другие лидеры коалиции. Во время речи Каспарова прокремлевские активисты выпустили в зале макеты вертолетов с фаллоимитаторами, которые с жужжанием полетели к сцене. Кто был автором этого креатива и в чем заключался его смысл, неизвестно. Охранники Каспарова пытались сбить подлетающие фаллосы — в общем, зрелище было фантасмагорическое.

Однако основное действие развернулось, когда к микрофону вышел Сергей Аксенов. Он попытался вынести на голосование предложение нацболов объявить Государственную думу нелегитимной, а собравшихся — реальными народными представителями. Был объявлен перерыв, во время которого все остальные лидеры стали уламывать Лимонова с Аксеновым предложение снять. В итоге для сохранения ассамблеи и недопущения раскола оно было отозвано. У многих из числа собравшихся это вызвало возмущение: десятки нацболов и автор этих строк в том числе покинули зал, побросав делегатские мандаты.

В дальнейшем еще продолжали существовать периодически собиравшееся бюро Национальной ассамблеи и прочие органы, однако это была уже постепенно угасавшая «жизнь после смерти». Поскольку серьезных политических успехов (за исключением нескольких демонстраций) коалиция не продемонстрировала, она начинала трещать по швам. К тому же события в стране вызывали у нас все больше противоречий с либеральными «попутчиками».

В августе 2008 года случилась пятидневная война с Грузией. Реагируя на нападение грузинской армии на Цхинвал, Лимонов дал российским властям несколько советов:

«На Кавказе развязана новая война. Прошедшей ночью грузинские войска вторглись на территорию Южной Осетии, уже 15 лет как независимого государства. Идут тяжелые бои. Руководство Российской

Федерации уже допустило трагическую ошибку. России следовало мирно ввести свои войска в Южную Осетию задолго до того, как туда с боями вошли грузины. Сейчас сам собой напрашивается единственно возможный для России ответный ход. А именно: в качестве превентивной меры немедленно ввести российские войска в Республику Абхазию. Одновременно следует разрешить северо-осетинским и казачьим добровольцам сформировать отряды и вступить в боевые действия против грузинских войск в Южной Осетии. Настоятельно рекомендую руководству России последовать моему совету. Только так Россия сможет сохранить лицо и статус великой державы».

Как известно, Владимир Путин действительно ввел войска в Абхазию, а против грузинских войск в Южной Осетии выступили не только добровольцы, но и Российская армия. В эти дни мы с изумлением обнаружили себя на стороне Кремля.

«Российские войска все-таки ввели в Цхинвал, — писал я 8 августа на АПН. — Я надеюсь, это не является показательной акцией властей: мол, сегодня мы продемонстрируем свою мощь, а завтра наши военные тихо уйдут из зоны конфликта и оставят Южную Осетию без защиты. Я надеюсь, что Россия действительно будет защищать своих граждан. Если это так, то это первый случай, когда я за долгие годы готов поддержать действия наших властей».

Мне и до этого приходилось бывать в Цхинвале. Впервые это произошло в августе 2004 года, когда еще недавно ставший президентом Михаил Саакашвили пытался в первый раз прощупать возможность штурма города. Ежедневно с наступлением темноты грузинские войска с окрестных высот обстреливали жилые кварталы. «Где же Россия? Почему нас позволяют убивать?» — чуть не кричали местные тетушки, когда мы прятались в бомбоубежище. Ответить им было нечего, но за Родину было обидно — как и в течение многих лет до этого.

А летом 2006 года Лимонов вручал премию «Солдат империи» полпреду Южной Осетии в Москве Дмитрию Медоеву. Премию учредил Белковский, и она не без остроумия была выполнена в виде пучка римских фасций. «Поздравляем, мы всегда с вами», — сказал Эдуард, пожимая руку послу. И уже осенью мы с помощью Медоева сформировали целую делегацию международных наблюдателей на референдум о независимости и президентские выборы и успешно свозили их в Цхинвал назло некоторым околоремлевским пиарщикам, увидевшим в нас конкурентов и даже пытавшимся подсунуть компромат на нас местным властям.

В общем, когда мне позвонил Дима Селезнев — нацбол из заполярного

города Инты, бывший шахтер и вокалист альтернативной группы «Наше дело», позднее окончивший Финэк в Питере, перебравшийся в Москву и ставший там весьма успешным бизнес-администратором, — и предложил съездить на войну (для начала в качестве журналистов, а там как пойдет), я долго не думал. Правда, поскольку война продолжалась меньше недели, мы успели лишь под самый конец.

В самолете мы встретили президента Эдуарда Кокойты, возвращавшегося из Москвы, и взяли у него интервью. Он тогда особенно возмущался прогрузинской позицией российских либеральных СМИ:

«Для этих подонков было бы, наверное, лучше, если бы Цхинвал смели с лица земли, если была бы реализована эта военная операция под кодовым названием «Чистое поле». Они ведут себя как их собраты — грузинские журналисты, которые входили в Южную Осетию с войсками, чтобы снять блицкриг. Им, наверное, было бы лучше. Они бы в Москве праздновали праздник.

Я уверен, что такие, как Венедиктов, Латынина и другие, будут радоваться в случае — не дай бог — проигрыша и развала России. Именно с этой целью они и находятся в эфире.

Хочу сказать мутантам от журналистики: что бы они ни писали, мы абсолютно на них не реагируем, не видим и не слышим. Потому что они просто нелюдь. И то, что они сегодня не считаются с тем, что погибло столько осетинских детей и женщин, может отразиться именно на таких людях, на их семьях, на их последующих поколениях. Это будет божья кара именно для них. Бог все видит».

Цхинвал только отходил от боев. Город встретил нас посеченными осколками стенами домов, трупным запахом, разбитыми грузинскими танками на центральных улицах и... бодрым настроением жителей, поднимавших тосты за Российскую армию и журналистов. Естественно, мы не могли упустить шанс побывать в самой Грузии, значительная часть которой была тогда занята российскими войсками.

Вот картинки с натуры:

«В Гори удалось выбраться вместе с войсками МЧС, которые повезли грузинскому населению колонну гуманитарной помощи. Вдоль дороги — рай — сплошные сады. По раю бродят редкие оставшиеся в домах старики-грузины и окапываются российские солдаты. Солдатам здесь явно нравится: тепло, фрукты, горные речки... К моменту написания статьи они, наверное, уже сменили форму ВС РФ на обмундирование миротворцев. Многие из них расквартировались в брошенных грузинских военных базах, которых здесь великое множество: мы по дороге насчитали пять новеньких

военных городков, покрашенных в зеленый цвет. Зачем, хотелось бы знать, их там построили «миролюбивые» грузины?

В селе Мегрекиси на перекрестке валяется прикрытый тряпьем труп. Якобы негра. Руки у него действительно черные, но не поймешь — то ли действительно чернокожий, то ли сильно обгорел.

Въезжаем в Гори. Маленький, чистый, очень опрятный городок. Аккуратно отремонтированные советские пятиэтажки, троллейбусы, цветы, фонтаны. Большой памятник «вождю народов» перед зданием мэрии. И совсем маленький дом-музей с саркофагом над ним. По случаю войны музей, конечно, закрыт. (Кстати сказать, культ личности Сталина на его малой родине разделяют все, независимо от национальности. Идет спор об этническом происхождении «отца народов». Грузины считают, что он грузин, осетины — что осетин. В Цхинвале, как и в Гори, его именем названа главная улица.)

Местные жители в большинстве своем никуда не уезжали, обстановка вполне спокойная. Следов «варварских российских бомбардировок» почти не видно. (По ТВ все время показывали один и тот же дом с разрушенным подъездом.) Своими глазами видел в некоторых домах выбитые стекла, перебитые троллейбусные провода, осколки снарядов. Но серьезных разрушений нет.

— Ну что, вкусная грузинская водичка? — спрашивают какие-то мужики, когда останавливаюсь попить из источника у церкви.

— Вкусная, — говорю.

— А вы, что вы думаете про войну, про Саакашвили? — спрашиваю у них.

— Я его маму в гробу видал, — говорит рабочий Вазген. — Вместе с Кондолизой. Понимаешь, Грузия — маленькая сельскохозяйственная страна. На хрена нам эта Америка? Надо было дружить с русскими, с осетинами. А он куда полез?

Были и другие мнения. Какая-то женщина говорит мне:

— Ну чего вы, русские, сюда пришли? Цхинвал — наша земля. Вы оккупанты, убирайтесь. А то сначала бомбят, потом кушать дают. Смешно.

Спрашиваю ее про отношение к Саакашвили.

— У меня к власти свои счеты. Но это наше дело, а не ваше.

В это время священник из местной церкви, порядком выпивший, шатаясь, беседует с осетинским миротворцем.

— У меня есть друг Таймураз. Он осетин. В первый день войны его пришли убивать. Я сказал — это мой друг, убивайте меня тоже. Они ушли.

— Молодец, баба (батюшка), — подбадривает его осетин.

— Пойдем ко мне, стол соберем, вина выпьем. Покушаем немножко. С утра в Цхинвал поедешь, никто и не заметит, — предлагает священник.

Как будто и не было войны...

По улицам разъезжают российские танки и БТРы. «Слышь, братан, это Гори или где мы?» — спрашивает у меня заблудившийся танкист. Какой-то грузин подходит и объясняет ему дорогу до базы.

Наверху на холме крепость XI века. Весь городок как на ладони. Внутри — пусто. Только грузинский флаг с траурной полоской.

— Это крепость наша, осетинская, наши предки ее строили, — авторитетно заверяет меня миротворец по дороге назад. — А чего, кстати, флаг не сняли? Забрали бы трофей на память...

— Ага, и навалились бы на международный скандал.

— Да ну, какой скандал. Ты же видишь — здесь все спокойно, грузины теперь притихшие...»

Действительно, грузины — народ далеко не глупый и быстро поняли, что с Россией воевать не стоит. Поэтому фактически без крови обошлось на втором фронте пятидневной войны, в Абхазии, а именно — в Кодорском ущелье, где мне пришлось побывать после Цхинвала.

К курортной Абхазии с пальмами, галечными пляжами и кафешками эта территория имеет мало отношения. Это высокогорное ущелье населено сванами, небольшим воинственным племенем. После грузино-абхазской войны они жили здесь обособленно, формально подчиняясь Тбилиси, а реально не подчиняясь никому. После прихода к власти Михаил Саакашвили ввел в ущелье войска и стал реализовывать проект «Верхняя Абхазия», призванный доказать жителям, что в Грузии жить лучше. Со стороны это смотрелось довольно дико, ведь в этом затерянном в горах уголке находятся несколько сел, которые по полгода завалены снегом, и добраться до них можно только на вертолете.

И вот после начала пятидневной войны грузинские войска последовали выдвинутому им абхазами ультиматуму и ушли без боя вместе со значительной частью местных жителей. А на их место зашли абхазские формирования. Одним из первых был отряд спецназа под командованием Дмитрия Кишмария, Полковника.

Полковник — человек из породы «псов войны», как описанные Лимоновым француз Боб Денар, серб Аркан и приднестровский батяка Костенко. Небольшого роста, черные волосы с сединой, в камуфляже и черных очках, с крепким запахом одеколона, Дмитрий возглавляет отряд под названием «Шаратын». (Дословно — обручившийся со смертью, это название свадебного абхазского танца. Вступая в отряд, каждый мужчина

как бы заключает брак со смертью.)

В 2000 году шаратыновцы встретили возле горы Сахарная голова в Кодоре отряд чеченского полевого командира Руслана Гелаева, который шел в Сочи для организации терактов и диверсий. В тяжелом бою чеченцев остановили, а сам Полковник был ранен в ногу. Очнувшись неподалеку от чеченских позиций, он спрыгнул в небольшой водопад, оказавшийся рядом, а затем два дня полз до своих окопов. «Разум помутился. С жизнью попрощался уже не раз. Было жарко, рана загноилась, появились опарыши. Они же и спасли: в итоге ногу не отрезали... Я дополз до какого-то озерца, и была у меня одна мысль — утонуть и утопить этих проклятых опарышей там», — рассказывал он.

Кодорское ущелье — покрытые труднопроходимыми густыми лесами горы с холодной и бурной рекой. Места суровой, вагнеровской красоты, ассоциирующиеся с музыкой из какого-нибудь «Кольца нибелунга» или с торжественным маршем группы «Laibach» «Life is life», клип на который снимался в Балканских горах. На базе «Шаратына» в этих местах мне уже доводилось бывать ранее. Там мы вдоволь постреляли из разных видов оружия, а на обратном пути в Сухум ночью прямо на дороге Полковник подстрелил косулю. И под огромным звездным небом мы с его бойцами (кое-кто из которых даже по-русски не говорил) ели куски дымящегося мяса и запивали бульоном с кровью и аджикой.

А после пятидневной войны нас уже приняли здесь как друзей, и Кишмария показывал нам ущелье со «столицей» в деревушке Чхалта, брошенные грузинскими военными натовские и еэсовские методички, кучу оружия (уходили в такой спешке, что побросали множество боеприпасов и даже бронетехнику), а также знакомил с местными жителями. В частности, с Бачуки Аргвлиани, «самым авторитетным у сванов человеком», как нам его отрекомендовали. Бачуки был полевым командиром, который встал на тропу войны с грузинскими властями после того, как Саакашвили ввел войска в ущелье. И естественным образом оказался союзником абхазов. Среди прочего местного населения он — в темных очках и футболке с Джимом Моррисоном — смотрелся модником.

Когда Дима с Бачуки неторопливо беседовали, решая вопросы, в том числе о возвращении ушедших в Грузию жителей, я пожалел, что не режиссер и не снимаю о них кино. Оба — прекрасные киношные типажи, хоть сейчас в ленту Тарантино или покойного Балабанова!

Бачуки подарил нам несколько баклажек роскошной чачи, которой, вернувшись в Москву, я угостил Лимонова на устроенных в рамках Национальной ассамблеи дебатах по кавказскому вопросу, проходивших в

Сахаровском центре. А заодно передал привет от сопровождавшего его в поездке на фронт в 1992 году бессменного главного редактора газеты «Республика Абхазия» Виталия Чамагуа. «От общения с Эдуардом остались самые лучшие воспоминания, — рассказывал он. — Помнится, тогда была очень трагическая ситуация, все складывалось в пользу грузин, и меня поразила та уверенность, с которой он произнес: «Вы обязательно победите». Потом приезжали многие известные люди, но Лимонов был первый!»

После трупного запаха и подбитых танков в Цхинвале, веселых ополченцев и плачущих старух, после осторожных грузин в Гори, сванских авторитетов и всей этой победной для России атмосферы было довольно странно слушать либералов, которые выходили к микрофону, чтобы заклеймить «российскую агрессию».

«Я сочувствую грузинам, но я российский политик, — отвечал им Эдуард. — Я лучше попаду в изоляцию от всего мирового сообщества, но не буду изолирован от собственного народа. Мой народ считает, что вмешательство в конфликт в Грузии было справедливым, и я следую за ним. Впервые за двадцать лет дерьмовое и полицейское наше правительство делает верный шаг. И мы, продолжая его ненавидеть, говорим: это верный шаг!»

Сидевшая неподалеку от сцены активистка ОГФ грузинка Лолита Цария — жена нацбола-философа Алексея Лапшина, позднее под ее влиянием отошедшего от партии, — все выступление громко шипела от злости и мешала слушать его присутствовавшему там Алексею Навальному, который тогда действия России поддерживал. Максим Резник говорил, что «Путин и Саакашвили — близнецы-братья». И только Валерия Новодворская и примкнувшие к ней наши союзники Каспаров и Илларионов стали безусловной группой поддержки грузинских властей.

«По сути дела оппозиционеры со значками «я — грузин» превращаются в своего рода внутренних эмигрантов, которые не могут иметь никакой поддержки в российском обществе, — говорил я. — Когда выступают господа Немцов и Милов, нам все равно, поскольку, на наш взгляд, объединенные демократы — это путь в братскую могилу. Со значками «я — грузин» он будет еще быстрее».

Так оно и произошло, причем со значками могут происходить вариации. Через несколько лет та же публика наденет значки «Я — украинец».

Пятидневная война с последующим признанием Абхазии и Южной Осетии была и нашей войной. Лимонов, как уже было сказано, был на

фронте еще на первой войне в Абхазии, а партия с самого начала требовала признания их независимости. К примеру, одним из требований «декабристов» во время захвата приемной администрации президента было немедленное признание независимости Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии. Если бы это было сделано раньше, то и не было бы пятидневной войны и кровопролития. Но лучше поздно, чем никогда, и спасибо Михаилу Саакашвили, который поставил нерешительные российские власти в такую ситуацию, что не вмешаться они уже не могли.

Пятидневная война показала хрупкость таких форматов, как широкая коалиция всех против Путина. Когда дошло до дела, тот же Каспаров тут же забыл о своих заигрываниях с имперской идеей и стал критиковать «кремлевский реваншизм». С другой стороны, боевые действия были короткими и существенного влияния на политическую жизнь внутри России не оказали. Кремль отнюдь не собирался протягивать руку тем силам в оппозиции, кто поддержал кавказскую эпопею.

В 2009 году Эдуард запускает два новых политических проекта: «Стратегию-31» и кампанию «Лимонов — президент-2012». По настоятельной просьбе партийцев в апреле он заводит себе блог в «Живом журнале», который быстро становится популярным.

Идея баллотироваться в президенты была встречена несколько скептически, даже в партийных массах. Для Эдуарда это была в первую очередь попытка опереться на собственные силы после того, как он поддерживал амбиции Касьянова, а затем Каспарова, а в результате коалиция пришла к краху. Наивно было бы рассчитывать, что власти допустят появление его фамилии в избирательном бюллетене, однако он хотел создать точку для сопротивления системе и сплочения как можно большего числа недовольных.

Другой попыткой обновить политическую повестку дня стал запуск «Стратегии-31». Предлагалось каждое 31-е число приходить в определенное место в защиту 31-й статьи Конституции, гарантирующей свободу собраний. Помимо основной своей задачи — защиты политических свобод — «Стратегия» должна была стать известным местом для притяжения масс протестующих, куда они могли бы выйти в час икс без особого оповещения. Своего рода «точкой сборки» для российской оппозиции.

Первая акция прошла 31 января 2009 года на Триумфальной площади, а регулярно они стали проводиться с лета того же года. Лимонов так обосновал идею в своем блоге:

«Стратегия-31 позволит нам:

Обозначить «горячую точку» в городе, куда мы вызываем граждан отстаивать свои права: одна дата, один час, одна площадь, одна цель — добиться права проводить мирные митинги.

Мы экономим на средствах информации, объявив один раз, где и когда собираться, устанавливаем протестную традицию.

Граждане, приучившись к площади Свободы (Триумфальной), будут в дальнейшем знать, куда являться в случаях крупных политических ЧП.

Вокруг живой борьбы за статью 31-ю можно объединить самые бесстрашные силы общества, несмотря на партийные различия.

Нашему обществу давно нужен единый, однажды понятный, беспартийный, не политический флаг.

Мы привлечем таким образом все больше несогласных и протестных сил каждый раз. В атаку ведь обычно поднимаются вначале несколько человек, к ним присоединяются десятки храбрецов, далее из окопов выходят сотни, и вот уже атакует весь фронт.

У Стратегии-31 таким образом есть единая цель, есть огромная перспектива развития».

Почему именно Триумфальная? Пушкинская площадь традиционно ассоциировалась с либералами, выходившими туда еще с советских времен. А Триумфальная с ее памятником великому пролетарскому поэту, возле которого проходили поэтические чтения, выглядела политически более нейтрально и привлекательно.

К октябрю 2009-го к «Стратегии-31» присоединились правозащитники — глава Московской хельсинкской группы Людмила Алексеева, лидер движения «За права человека» Лев Пономарев и другие. Поскольку это была их правозащитная тематика, им волей-неволей пришлось это сделать. Алексеева наряду с Лимоновым и представителем «Левого фронта», пожилым и принципиальным дядькой Константином Косякиным вошла в число заявителей акции. Таким образом соблюдалась необходимая идеологическая пропорция — один нацбол, один левый активист и один либерал.

В течение всех пяти лет существования (а «Стратегия» стала за это время самой долгоиграющей политической акцией в истории современной России) она проходила по более или менее неизменному сценарию. Заявители относили бумагу в мэрию и получали отказ под разными предлогами. Затем производилось задержание Лимонова (иногда и других организаторов) — либо прямо возле дома, либо при выходе из машины возле Триумфальной, либо непосредственно на площади. После чего милиция разгоняла собравшихся более или менее активно в течение часа

или двух. И если первые «Стратегии» были не слишком заметны, то вскоре акция стала привлекать все больше и больше людей.

В Петербурге мы раскачивались несколько дольше — первая «Стратегия» прошла лишь 31 января 2010 года. Местом проведения была выбрана, после долгих раздумий и дискуссий, площадка у выхода из станции метро «Гостиный Двор». Это место с историей, одна из ключевых точек протестного Петербурга. Именно здесь в июле 1917 года Временное правительство расстреляло демонстрацию большевиков. Есть знаменитое фото, где толпа разбегается от перекрестка Невского и Садовой, оставляя трупы и раненых на булыжниках мостовой. Здесь продавали оппозиционную прессу у «стены плача» в 1990-е, а уже в нулевых несколько дней перекрывали главную улицу города участники «льготного бунта». Чуть дальше финишировал 3 марта 2007 года мощнейший Марш несогласных.

Помимо традиций учитывалась доступность площадки — прямо возле выхода из метро, постоянное наличие большого количества прохожих, невозможность полностью перекрыть ее и, как следствие всего, крайнее неудобство для властей. Здесь мы им точно были как кость в горле, что нам и было нужно. Среди заявителей также соблюдалась определенная пропорция: мы пригласили участвовать Тamarу Ведерникову от РКРП и Андрея Пивоварова, на тот момент возглавлявшего в Питере касьяновский РНДС, от либералов.

Первую «Стратегию» я едва не пропустил из-за перемен в личной жизни. 16 октября 2009 года в Москве на концерте группы «Пеп-си», куда меня пригласил старый приятель, бывший глава московского отделения партии, звукорежиссер Сергей Ермаков, я встретил Натахен, Наташу Сидорееву. (Видимо, так заложено судьбой. Со своей первой супругой Ариной я тоже познакомился на концерте, куда она пришла слушать группу «Мультфильмы», а я — каких-то финских панков. Есть, видимо, какой-то знак и в том, что у обеих жен оказались латвийские корни — по бабушке.)

«Чего смотрите?» — спросила она, проходя мимо нашего с Волынцом столика. Весьма крупную, яркую и статную девушку в красной футболке с Иосифом Кобзоном не заметить было невозможно. Я влюбился с первого взгляда и вскоре разыскал ее в зале.

— Классная футболка. Хочешь пива?

Натахен хотела. Мы попили пива, потанцевали, потом перешли на водку и в итоге поехали домой к гостеприимному главному редактору. (Несколько лет назад на его матрасе точно так же гостил Лимонов с девушкой.) Три дня мы провели в объятиях и пьянстве на квартире у

Волынца.

Моя любовь оказалась старым завсегдатаем рок-и панк-тусовки Москвы и Питеры, состояла в приятельских отношениях с Сергеем Шнуровым, Сидом Спириным из «Тараканов» и другими музыкантами. Там ее все знали как Патру.

Любопытно, что за пару недель до знакомства со мной Натахен впервые взялась читать Лимонова. И было это «Укрощение тигра в Париже», послужившее предвестием нашего бурного романа и супружеской жизни.

В течение нескольких месяцев мы ежедневно переписывались и слали друг другу лирические эсэмэски. В конце ноября я поехал в Москву под предлогом участия в дне рождения партии и «Лимонки». Тут как раз произошел теракт в «Невском экспрессе», поэтому ехали мы окольными путями почти сутки. На сам юбилей я опоздал, зато Натахен встречала меня на вокзале, откуда мы отправились, естественно, в Измайлово — где десятки и сотни таких же пар снимают номера. Первое же наше совокупление закончилось криком «Наташа, я тебя люблю!» — и бурным смехом соседей за стенкой. Потом в какой-то момент, когда Натахен стала что-то выговаривать мне по поводу ненужности подобных встреч, со стены сорвалась картина и как следует ударила ее по голове. Закончилась эта поездка тем, что мы, вдрызг пьяные, в очередной раз признались друг другу в любви, стоя на коленях у входа в Ленинградский вокзал.

Потом Натахен приехала в Питер. Мы снимали комнату на Гранитной улице, под окном гремели поезда, горела вдалеке вывеска строительного гипермаркета «Леруа Мерлен». Мы ходили смотреть на ноябрьскую Неву возле прекрасного Финляндского железнодорожного моста, грели друг друга в объятиях и предавались любви, в перерывах отвлекаясь на старые японские фильмы с Юкио Мисимой.

Развязка наступила довольно быстро. После встречи нового, 2010 года супруга прочитала одну из лирических эсэмэсок. Последовало бурное выяснение отношений, после которого Арина уехала, а Натахен оказалась в Питере. Примерно месяц мы не вылезали из кровати, не уставая радуясь друг другу.

Сперва я даже собирался в связи с этим пропустить первую акцию «Стратегии-31» в Питере, намеченную на 31 января 2010 года. Но потом чувство долга взяло свое. Женщины женщинами, а партийную дисциплину никто не отменял — моего отсутствия на столь значимой акции пацаны и девушки бы не поняли.

Уже к лету 2010 года наши акции стали достаточно многочисленными.

Именно тогда, в июле, произошла история с «жемчужным прапорщиком» Вадимом Бойко, избившим нескольких участников акции и демонстративно оравшим в камеру: «Ну что, хорьки, кому еще?!» За эту демонстративность он и поплатился. Поднялся большой скандал, против Бойко завели уголовное дело, он уволился из органов и в итоге был осужден на два года лишения свободы условно. Правда, через пару лет он надебоширил в кафе, стреляя там из ружья, и сел в тюрьму уже реально.

С прапорщиком связан еще один забавный эпизод. В 2007 году мы вместе с Гуляевым проводили пикет возле петербургского штаба внутренних войск в поддержку сапера, участника контртеррористической операции Сергея Бабина, которого собирались выдать в Чечню по обвинению в якобы совершенных во время контртеррористической операции преступлениях. Пикет тогда разогнали его товарищи по ОМОНу, и в милицмейском автобусе мы впервые увидели Бойко, который — по обыкновению — стал спрашивать, кто служил в армии. Гуляев показал ему военный билет. «Батя, выходи», — скомандовал Бойко, но тот отказался и поехал в отделение вместе со всеми. А в ходе начавшегося разговора про Бабина констатировал: «Ну а что, государство у нас такое. Все проститутки, и я проститутка».

Вскоре и мы, и москвичи столкнулись с похожими трудностями. «Стратегию-31» у нас попытались украсть.

Часть либералов во главе с Ольгой Курносовой организовала альтернативную акцию на Дворцовой площади под брендом «Стратегии». И хотя выглядела она весьма блекло по сравнению с нашей акцией, определенный ущерб общему делу был нанесен.

А в Москве власти и правозащитная общественность долго уламывали Алексееву исключить Лимонова из числа заявителей и получить согласование митинга. К октябрю 2010 года эта комбинация увенчалась успехом, и Людмила Михайловна вместе с Сергеем Ковалевым подписала отдельную заявку на проведение акции, без участия Лимонова и Косякина.

Итогом стала совершенно фантастическая сцена, когда на Триумфальной проходило два митинга — разрешенная акция правозащитников в загоне в центре площади и несанкционированная акция Лимонова — Косякина рядом. Милиционеры, схватив Эдуарда, потащили его вниз головой на санкционированную акцию и бросили в загон к алексеевским «кроликам»... «Самый позорный день в истории правозащитного движения в России», — написал он потом в блоге.

Так вслед за коалицией с либералами рухнул и союз с правозащитниками. Нужно было возвращаться к партийной политике.

Еще летом на съезде в Москве взамен запрещенной НБП было провозглашено создание партии «Другая Россия». Пришлось взять обратно бренд, когда-то подаренный Лимоновым коалиции как наиболее раскрученный. Партия приняла решение о подаче документов на регистрацию в Министерство юстиции. Была принята программа, гласившая, что «вся деятельность партии «Другая Россия» будет направлена на обеспечение и улучшение благосостояния российского народа, обеспечение его гражданских и политических прав и обеспечение его безопасности. Партия клянется народу в том, что будет преследовать интересы как большинства населения, так и его отдельных групп, в сочетании со строжайшим соблюдением прав человека».

В программе были пункты о решительной демократизации страны, национализации сырьевых отраслей промышленности и необходимости экономической самодостаточности страны, а также о намерении «создать однажды прочный союз народов, некогда входивших в СССР».

Новацией стала лимоновская идея о переносе столицы в Южную Сибирь: «Будет заложен новый город с нуля. Мы сделаем это, дабы сбалансировать географический, экономический, инфраструктурный и политический перекося России к Западу. Осуществление грандиозного этого проекта даст миллионы рабочих мест, займет трудом безработных. Будут построены аэропорты, железные дороги и автострады. Перенос столицы создаст новую инфраструктуру России. Заселит Южную Сибирь и скрепит связи дальневосточной России и Сибири с российской «европейской» метрополией. Остановит экспансию Китая».

А 2 октября мы провели учредительную конференцию петербургского отделения «Другой России», с некоторым шиком — не где-нибудь, а в «Англетере». «Вчера был в Питере, участвовал в работе учредительной региональной конференции партии «Другая Россия». Конференция проходила в зале гостиницы «Англетер». 120 делегатов, сильные молодые лица, ощущение силы и энергии зала. Собрались решительные люди, которые знают, что делать, и делают. Много новых лиц. Нам не препятствовали в проведении конференции на Исаакиевской площади, у великого собора, в великом городе. Все будет хорошо. Все идет по плану», — написал Эдуард в блоге. А с нами, сидевшими в президиуме, потом пошутил: «Со стороны вы выглядите внушительно, как какая-нибудь судебная тройка. Хорошо, если меня потом судить не будете...»

Пока, однако же, стали судить нас. В Следственном комитете уже было все готово, чтобы обвинить верхушку петербургского отделения партии в экстремизме. После выхода к Гостиному Двору 31 октября 2010 года судья

Алексей Кузнецов дал нам — трем Андреям (мне, Песоцкому и примкнувшему Пивоварову) по пять и 15 суток ареста соответственно.

«Отдыхайте, Андрей», — сказал мне Лимонов, которому я позвонил из автозака, чтобы сообщить новости. — Выспитесь хорошенько, почитайте что-нибудь, ИВС для этого самое подходящее место».

Мы оказались в здании изолятора временного содержания на Захарьевской улице с обстановкой, не менявшейся не то что со сталинских, а казалось, с дореволюционных времен. С массивными часами и покрашенными в зеленый цвет стенами. Целый этаж там был заселен ожидавшими депортации домой узбеками. Некоторые, как нам сообщили, жили там годами. Они же выполняли обслуживающие функции — разносили по этажам передачи и еду. Баландер передал нам нехитрый прејскурант: курица — 300 рублей, бутылка водки — 500, узбечка на ночь — две тысячи. Позже в ИВС сделали ремонт, и сейчас, говорят, обстановка стала уже не та...

Постановления наши мы обжаловали, и Куйбышевский районный суд отпустил нас на свободу. Однако тут же на выходе из зала суда нас встретили представители Следственного комитета, надели наручники и отвезли на Мойку, 58. Нас обвинили по статье 282.2 — организация деятельности экстремистской организации, запрещенной судом, и участие в ней. Подразумевалась запрещенная НБП. Инициатором же, как позже мы узнали, был глава северо-западного окружного управления МВД генерал Виталий Быков (несколько лет спустя севший в тюрьму по обвинению в незаконном выписывании себе и своим приближенным огромных размеров премий). У окружного управления имелся собственный центр по борьбе с экстремизмом, который надо было чем-то занимать. Вот они и занялись нашей разработкой.

Попытки завербовать кого-то из руководства организации либо заслать к нам осведомителей не увенчались успехом. И тогда «эшники» повесили камеру в квартире на Лесном проспекте, где проходили собрания, и полгода снимали видео. Мы, конечно, проявили некоторую беспечность — нужно было регулярно обследовать помещение. С другой стороны, собрания не были закрытыми, как и вся наша деятельность — уходить в подполье мы не планировали.

Аккуратный следователь Анатолий Ромицын, увлекающийся, как мы потом узнали, бразильской борьбой капоэйрой, взял с нас подписку о невыезде, и опергруппа, захватив меня с собой, направилась делать обыск в моей квартире на улице Замшина. Партийные архивы были предусмотрительно вывезены в безопасное место, однако оперативники

долго перетряхивали библиотеку, диски и прочее. Глядя, как пожилой, но так и не сделавший карьеру майор Иван Мельников с тоской смотрит на большой книжный шкаф в прихожей, я вспомнил детский рассказ Михаила Зощенко «Как Ленин перехитрил жандармов» и предложил ему табуретку. Перехитрить не удалось, поскольку Мельников тоже рассказ читал. Однако в итоге изъяли несколько совершенно легальных книг Лимонова, а вот реально экстремистскую «Поваренную книгу анархиста» так и не нашли.

Обыск продолжался довольно долго и происходил в предпраздничный день, 3 ноября. «Я тут застрелюсь скоро», — жаловался на кухне по телефону молодой следователь своей девушке. «Там ваш сотрудник стреляться собрался. Смотрите, мне тут мозгов милицейских на стенах не надо», — парировала Натахен.

«Глеб Сергеевич, так это же вы», — обратился Мельников к моему адвокату Глебу Лаврентьеву, показав на старое фото. «Да вроде нет», — сделал серьезный вид Глеб. «Но вот тут-то точно вы!» — показал тот другое фото с какой-то попойки. «А вот тут не исключено», — смущенно пробормотал защитник.

Первоначально по делу проходили четыре человека, однако постепенно оно стало разрастаться и к нему уже было привлечено 12 человек — все руководство петербургского отделения. Тем не менее партия продолжала функционировать: каждое 31-е число проходили акции, для стороннего наблюдателя особенно ничего не изменилось. Расследование нашего дела тянулось весь 2011-й и начало 2012 года. Над материалами корпели 18 следователей. Позже оно получило «зеленый свет» на совещании в администрации президента. О том, какая значимость ему придавалась, свидетельствует тот факт, что комментировал его лично «говорящая голова» Следственного комитета Владимир Маркин.

11 декабря 2010 года произошло восстание футбольных фанатов на Манежной площади — хаос кричалок, ментовских сирен, мата, зигований и снега. Ответственными за это сделали троих оказавшихся там нацболов — Игоря Березюка, Руслана Хубаева и Кирилла Унчука, впоследствии получивших длительные сроки заключения. Лимонов сразу написал в блоге, что на Манежной не было митинга фашистов. А затем прокомментировал высказывание Суркова, что «11-е происходит от 31-го»: «Сурков прав. Мы заразили Россию свободой... Митинги на Триумфальной разбудили Россию, дали ей пример для подражания. И это главный политический итог года».

31 декабря Лимонов, выйдя из дома, по обыкновению был упакован в автозак и вскоре осужден на 15 суток ареста за мат и неповиновение

полицейским. Сюжет о его отсидке, совместно с Борисом Немцовым, Ильей Яшиным и Дмитрием Демушкиным, изложен в книге «Дед».

А в Питере вместо нас, находившихся под следствием, на митинг вышли наши жены и девушки. Натахен, прокричав в мегафон: «Когда же кончится это медвежье царство?!» — была задержана и тоже встречала новый год в отделе полиции. Ее отсадили от других, отобрав шапку и шарф, а утром повезли судить в участок. Судья перенес рассмотрение в Москву, она вышла в утренний снежный Питер на пустой Невский, где никого не было, с трудом поймала машину и отправилась домой, где мы уже встречали ее с шампанским.

31 марта 2011 года на «Стратегию-31» в Питер заявился Борис Немцов со свитой и устроил шествие по Невскому проспекту, которое напрямую транслировалось в Вашингтон, где Каспаров с указкой рассказывал американским сенаторам об ужасах путинского режима. Эдуард был взбешен: «Как вы могли отдать ему Гостинку?! Почему не протестовали против трансляции в США?!» В общем, он был прав. Нигде так ярко не проявилась разница наших с либералами стратегий. Кто-то выходил протестовать за свободу, кто-то пытался создать картинку для Вашингтона...

24 сентября 2011 года на съезде «Единой России» Владимир Путин объявил о своем возвращении в президентское кресло. Рокировка была завершена, и Путин возвращался обратно — теперь уже на шесть лет.

Лимонов характеризовал это в блоге как переворот:

«Давайте называть вещи своими именами, это так. Президент уступил свое президентство премьер-министру. (Вряд ли его пытали, чтобы добиться отречения от престола.) Но не только это случилось. Если проводить параллели с историей Франции, то Путин стал фактически пожизненным императором, хотя восемь лет был еще первым консулом... Но нам-то что делать, гражданам России, политической и гражданской оппозиции? Как нам относиться к государственному перевороту? Нужно полностью прервать все связи граждан с властью. Не сотрудничать. Уйти в глухой отказ. Прочитирую свою программу «Три нет» (Не избираю, не участвую, не плачу): «До тех пор пока в отрицательном, недемократическом государстве не будут восстановлены гражданские свободы и проведены свободные выборы, я, гражданин РФ, устраниюсь от выполнения моих обязанностей гражданина. Восстановите мои права, и когда они будут восстановлены, я стану исполнять мои обязанности. Нет прав, не получите обязанностей!».

Таким образом, в преддверии выборов возникли несколько стратегий

поведения для сторонников несистемной оппозиции. Первая — Навального — голосовать за любую партию, кроме «Единой России». Вторая — Немцова и компании — призывала портить бюллетени хулиганской надписью «нах-нах». И третья — Лимонова — заключалась в том, что надо идти не на выборы, а на массовые акции гражданского неповиновения.

15 ноября 2011 года у меня родилась дочка Таисия. Взяв на руки сверток с младенцем в роддоме, я испытал катарсис — как будто бы оказался на минуту на его месте и держал себя на руках сам. А буквально через пару дней я получил из Москвы посылку с несколькими экземплярами моей первой книги — биографии первого и вечного президента Северной Кореи, автора идей чучхе Ким Ир Сена в серии «ЖЗЛ». Предисловие к книге, по моей просьбе, написал Лимонов: «Андрей Дмитриев множество раз побывал в небывалой Neverlande, — в Корее. Вначале заинтересовался страной, а затем заинтересовался и безусловно мощным человеком-гигантом, который такую Корею создал. Талантливо написанная биография Идола».

Разорвав упаковку, я стал с наслаждением нюхать пахнущие типографской краской страницы. Новорожденный младенец и только что вышедшая книга — что в мире может пахнуть лучше?

Глава седьмая

«ЗА ТАКОЕ НАДО РАССТРЕЛИВАТЬ»

Первоначально мы с Натахен думали назвать дочку Революцией. «По крайней мере, можно будет сказать, что хотя бы одну революцию сделали», — шутили мы. Однако в итоге победило косное окружение в лице родственников и друзей, отговоривших нас от такого жеста.

Новорожденная Таисия посапывала в манежике, а в телевизоре по каналу «Дождь» транслировали митинг на проспекте Сахарова.

Показывали музыкального критика Артемия Троицкого в костюме презерватива (ответ на реплику Путина, сравнившего протестующих с контрацептивами). Дальше — больше. В толпе митингующих журналисты интервьюировали олигарха Михаила Прохорова, а со сцены выступил недавний путинский министр финансов, либерал Алексей Кудрин.

«Вы ждете, что я позову вас на Кремль? Мы пойдем на Кремль, но не сейчас», — выкрикивал в микрофон долгожданный Алексей Навальный, и многотысячная толпа отвечала ему восторженным гулом.

«Если уж позвал, надо идти, Алексей. А то другого раза не будет», — посоветовал ему через экран я.

«Сегодня умер Ким Чен Ир, я считаю, это отличная новость», — тем временем комментировал ведущий трансляцию Павел Лобков.

«Да лучше б ты сам сдох, придурок», — ответил ему я и выключил телек.

Все это вызывало противоречивые чувства. Много, очень много народу выходило на оппозиционные митинги, где скандировали при этом наши лозунги. Ведь «Россия без Путина» и «Путин, уйди сам!» мы кричали с самого начала, с 2000 года. С середины нулевых прибавился и лозунг «Россия будет свободной». А сколько лет мы раскачивали лодку, выходя на марши несогласных и «Стратегию-31», получая дубинками по голове, а также уголовные и административные дела? А сколько времени пытались слепить общую коалицию против Кремля? И вот всё произошло, массы проснулись и вышли, но не было над ними наших флагов, не взывали к народу со сцены Лимонов с Прилепиным и не выходила из берегов, оттесняя ОМОН и выплескиваясь на центральные проспекты, как было на Невском в 2007 году, огромная людская река. И революции не случилось.

Лимонов называет именно 10 декабря 2011 года самым трагичным

днем в своей жизни. Не день, когда ушла от него в Нью-Йорке любимая Елена, заставив жестоко страдать, а потом написать свои лучшие книги. Не 3 октября 1993-го, когда он лежал под пулями ельцинского спецназа у «Останкино», где корчилось в судорогах народное восстание. Не 5 апреля 2001-го, когда уже путинские фээсбэшники ставили его в снег на колени возле затерянной в алтайских горах пасеки, а впереди маячила тюрьма. Именно Болотную.

Декабрь 2011 года ознаменовался тем, что на улицу вышел Народ. Впервые за 20 лет, после массовых манифестаций начала 1990-х. Эти события стали неожиданностью для всех — для власти, для оппозиции с ее лидерами и для нас в том числе. Мало ли было нечестных выборов, после которых кучка людей выходила на протест, задерживалась полицией и всё? В этот раз все было иначе.

«Другая Россия» начала протесты первой — еще вечером в день выборов прошли акции в Москве и Петербурге. Они были малочисленными, поскольку многие оппозиционные активисты были наблюдателями на выборах.

4 декабря вечером на Триумфальной были задержаны Лимонов и еще 120 человек. Всё шло по привычному графику. Но уже в понедельник ситуация поменялась. В Москве прошел массовый митинг на Чистых прудах, участники которого затем устроили несанкционированное шествие к Центризбиркому. В результате его лидеры Алексей Навальный и Илья Яшин оказались в спецприемнике, получив по 15 суток ареста. В Питере народ начал стихийно выходить к Гостиному Двору. Мы «намолили» это место «Стратегиями», и теперь именно там была подхвачена протестная эстафета.

А 6 и 7 декабря люди собирались на Триумфальной, там снова задержали Лимонова. Вдохновленный количеством пришедших, он писал в блоге: «То, чего мы все ожидали и на что надеялись, происходит. Именно о тысячах негодующих молодых граждан я мечтал 31 января 2009 года, когда впервые вышел на Триумфальную площадь с немногими соратниками. Сегодня я увидел свою мечту (dream, как говорил Мартин Лютер Кинг) воочию. В России гремят первые раскаты революционного грома. Поможем грозе свершиться. Поможем революции свободы произойти».

Но главным событием обещал стать согласованный Сергеем Удальцовым еще до выборов митинг на площади Революции. В соцсетях для участия в нем записались 17 тысяч человек. Однако заявители по настоянию мэрии Москвы согласились с его переносом с площади Революции на Болотную площадь. Произошло это, как позднее

выяснилось, в ходе долгих переговоров в здании московской мэрии, где присутствовали в том числе замглавы Администрации президента Алексей Громов и главный редактор «Эха Москвы» Алексей Венедиктов; он принес с собой бутылку виски, которую после достижения договоренности и распили на радостях. В итоге супругу Удальцова Анастасию и вторую заявительницу — Надежду Митюшкину от движения «Солидарность» — уломали согласиться на перенос митинга на Болотную.

«Происходит предательство», — констатирует Лимонов. Власть, по его словам, должна поставить Немцову памятник за то, что он спасет ее в этот день. И действительно, как стало известно из выложенной позднее в сеть распечатки телефонных переговоров Немцова, тот говорил, что «ФСБ мне должна на Лубянке памятник поставить вместо Дзержинского».

Итак, 10 декабря. Теплый, ветреный, грязно-слякотно-снежный московский декабрь. Пробки, толпы в метро и выход на авансцену «рассерженных горожан». Вот как описывал его Лимонов в своем блоге:

«Если бы не буржуазные вожди, уведшие десятки тысяч негодующих граждан из центра города, граждане негодовали бы сейчас в здании Государственной Думы или ЦИКа. Власть сама открыла бы им двери, кто же откажется открыть двери десяткам тысяч граждан.

Сегодня была допущена трагическая ошибка, а вероятнее всего — преступление.

Вожди буржуазных партий обманом сманили тысячи возмущенных граждан, намеревавшихся по своей собственной воле (а не по призыву каких-либо партий) прийти протестовать против грязных выборов в Госдуму в самое сердце Москвы — на площадь Революции. Сманили их прочь из центра города, где лишь сотни метров отделяли бы протестующих от жизненно важных центров государства, и от здания Государственной Думы, и от здания Центральной избирательной комиссии, и от Кремля. Сманили на изолированную рекой площадку на Болотной площади. Неискушенные в политике люди ушли за крысоловами.

Я пришел на площадь Революции как простой, протестующий против грязных выборов гражданин, но, не обнаружив там заявителей митинга, я взял мегафон и провел заявленный не мною митинг. Я отстоял честь оппозиции как мог. В первый раз за три, что ли, года полиция не вмешивалась.

Крысоловы провели свой. У них была по сговору с властью шикарная сцена, а мегафон, который мне протянули, сел после непрерывного труда через полтора часа. Они заявили свои требования у себя на Болотной, мы озвучили свои требования в хрипящий мегафон у себя на площади

Революции. Эти требования схожи, и мы и они потребовали отмены результатов прошедших выборов и назначения свободных выборов, они требуют отставки Чурова, для нас же Чуров — пешка, мы требуем недопущения до выборов Владимира Путина на том основании, что он уже был президентом два раза, а о третьем в Конституции не сказано. Он прет на выборы, коварно мошенничая. У нас на площади Революции никакой резолюции не было. У них — была резолюция. Прочли по бумажке.

Если бы не буржуазные вожди, уведшие десятки тысяч негодующих граждан из центра города, граждане в этот вечер негодовали бы в здании Думы или ЦИКа. Но крысоловы увели граждан. Пропущена историческая возможность. Это трагический результат сегодняшнего дня. И то, что мы не победили сегодня, — вина буржуазных вождей, ребят-крысоловов.

Власть не выполнит ни единого пункта резолюции Болотной площади. Ну разве что снимет незначительного Чурова или сделает вид, что пересчитала бюллетени на двух или десяти избирательных участках. (Так же как не выполнит ни одного требования, прозвучавшего на площади Революции, но нас-то было не так много.) Не для того она вас обманывала, сговорившись с буржуазными вождями, чтобы уступить. А ваша эйфория по поводу того, что храбрые вы вышли и постояли, улетучится очень скоро. Придет горечь поражения.

Это у меня сегодня чувство поражения в сегодняшней одной битве, зато чистая совесть. А поражение это временное, в течение этих месяцев все больше и больше граждан будут перемещаться на мою позицию. Добиться свободы для страны можно, только разговаривая с ними решительно. С позиции гражданской силы, стучась в двери их зданий тысячами кулаков. «Откройте, это мы, народ!» Вместо этого вас отвели далеко за реку и вас развлекли или вогнали в скуку буржуазные масовики-затейники. Вот эти были счастливы, они вас выкрали и потрясают вашим количеством, они выдают вас за своих сторонников. Но разве вы к ним направлялись, когда писали, что пойдете на площадь Революции?

Множество тупых комментаторов сегодня радовались, что митинг на Болотной прошел «мирно». Ну да, вас не били, но не били только потому, что вы отказались от возможности получить сегодня свободу. За это вас и не били, маленький подарок от власти. Милость».

Лимонов с «тремястами спартанцами», отстоявшими несколько часов на площади Революции, подвергся тогда насмешкам либеральных СМИ и лидеров Болотной. Эдуарда заклеили «подонком и провокатором», желавшим «пролить кровь людей», поведя их на ЦИК, Думу и Кремль. Знаковый материал написала в «Новой газете» Юлия Латынина. «Мы,

российское третье сословие, виртуальная партия Навального, показали правящей клептократии, что, если они хотят спасти Россию от революции, им надо сливать Путина, — писала она. — Мы добились того, что пожизненной диктатуры Путина не будет. Менять ее на пожизненную — и даже двухмесячную диктатуру тов. Лимонова — не входило в наши планы».

Любопытной была реакция администрации президента. Владислав Сурков высказался в том духе, что «болотников» обязательно надо выслушать. В «Коммерсанте» вышла огромная восторженная статья особо любимого президентом журналиста кремлевского пула Андрея Колесникова под названием «В жизни только раз» и подзаголовком «Москва пришла на митинг как на праздник», в которой он расхваливал «болотников» и с иронией отзывался о лимоновской акции.

Битва за площадь Революции была проиграна, однако предстоял еще заключительный акт драмы под названием «попытка участия в президентских выборах». Прибыв 11 декабря к гостиничному комплексу «Измайлово», Эдуард узнал, что администрация срочно объявила о ремонте в арендованных заранее залах «Суриков» и «Васнецов», а сам корпус окружен полицией. Переговоры с ней успеха не принесли. В итоге несколько сотен собравшихся для регистрации инициативной группы поставили свои автографы в специально арендованном на такой случай автобусе.

14 декабря Лимонов в сопровождении Аверина отправился подавать документы в ЦИК, их приняли, но уже 18-го числа отказали в регистрации на основании того, что собрание не проходило в указанном заранее помещении «Измайлово». Бюрократическая машина государства Российского в очередной раз, не стесняясь методов, не оставляла нацболам ни малейшей возможности войти в легальную политику. К участию в выборах были приглашены проверенные думские старцы, к которым специально для «болотников» приплюсовали либерал-олигарха Михаила Прохорова.

В Петербурге же Смольный согласовал 11 декабря митинг на Пионерской площади (для выпуска пара — поперек всех законов и после истечения сроков подачи заявления). Выступив там, я предложил предъявить ультиматум градоначальнику Георгию Полтавченко с требованием до следующего митинга, намеченного через десять дней пересмотреть и отменить результаты выборов в Петербурге, что было с энтузиазмом поддержано собравшимися. Нашей задумкой было попытаться пройти затем по Гороховой улице до Исаакиевской площади, к

Мариинскому дворцу, где расположены городской парламент и избирком. Однако дело опять испортили либералы. Когда в конце более чем двухчасового митинга нацбол Сергей Чекунов призвал всех идти к Мариинскому, ведущие Ольга Курносова и Сергей Гуляев дезавуировали этот призыв и велели гражданам спускаться в метро. И хотя отдельные группы пытались туда пойти, они были рассеяны полицией и никакого шествия не получилось.

Пути Лимонова с белоленточниками расходились все дальше и дальше. Поначалу нацболы еще пытались вести переговоры об участии в массовых митингах зимы 2011/12 года, но безрезультатно. Эдуард яростно нападал на них в своем блоге, но сам сделать ничего не мог.

Справедливости ради нужно отметить — и автор обратил на это внимание, стоя на трибуне и глядя на толпу на Пионерской площади, — что эти самые «рассерженные горожане» были далеко не нашим контингентом. «Креативный класс», хипстеры, менеджеры и городская интеллигенция в массе своей были все же либералами и не собирались делать никаких активных действий, чтобы подвинуть власть. Они просто были рады, что собрались вместе. Навальный, все время грозящий пойти на Кремль, но потом никуда не идущий, подходил для них идеально.

Для партии все это стало довольно серьезным ударом. Если раньше нацболы всегда были в авангарде оппозиционного движения, то теперь они оказались как бы отброшены на периферию. Причем ровно в тот момент, когда оно стало по-настоящему массовым. Попытки организовать какие-то акции самим и увести массы у белоленточных вождей успехом не увенчались.

«— Вы сравнивали сложившуюся тогда ситуацию с гранатой, у которой выдернули чеку. Изъяли из протестующих масс взрывной материал в виде нацболов, и все оказалось бесполезным. Но ведь чека без гранаты тоже не работает?

— Я согласен, детонатор тоже без масс не работает, поэтому и мы ничего бы не смогли.

— А если представить себе альтернативу — пойти на Сахарова, на другие акции и увлечь за собой людей?

— Произошло предательство. Мы должны были бы забыть свои аргументы и замараться тоже об это. Это было бы крайне все рискованно. Во-первых, уже прошло 10-е число, уже был факт, что мы остались там. За это время, за три недели до 24-го, были сделаны различные заявления, уже между нами был такой огромный ров. Вовсе не обязательно, что нам бы даже дали слово. То есть это была бы уже какая-то оперетта. Вдруг мы

явились, пошли к микрофону. Нет, там уже все было понятно после появления дамочек этих 10 декабря. Никто бы нам не дал, меня бы лично не пустили.

Это было бы шестерилово такое. Все должно быть в истории четким. Это была бы двусмысленность. Вот мы пошли, говорили, что нужно остаться, и пришли бы туда? Что это было бы? Тотально мы бы уже ничего не смогли изменить в судьбе России. На какой Кремль бы мы пошли? Это вообще на фиг не нужно, везде стоят пулеметные гнезда... Надо было идти на ЦИК, и все. Я смотрел в глаза ментов — они были как у собак. Хмурые собачьи глаза. Никто ни к чему не был готов. Ни водометов на площади не было, ни хуя. Никто бы не решился в этот момент, сам верховный, отдать приказ. А если бы отдал — стрелять, быстрее бы кончилось».

Прошло несколько зимних месяцев, когда белоленточники то выстраивались вокруг Садового кольца, то снова ходили на Болотную.

Морозным днем 4 февраля состоялись парные митинги в Москве и Петербурге. В этот день меня вызвали в Следственный комитет для опроса в рамках нашего уголовного дела, куда мы с утра и прибыли с адвокатом Лаврентьевым. Молодой следователь Ломакин, совершив какие-то формальности, попросил подождать его «пару часов» и удалился. То есть как и можно было предположить, меня вызвали просто для того, чтобы не дать участвовать в митинге. В здании было пусто, оставался только одинокий полицейский на входе. Я стал думать, как бы поскорее покинуть гостеприимные стены этого ведомства. Посоветовавшись с адвокатом, сперва решил попроситься на улицу покурить и попытаться свалить. Однако бдительный страж порядка открыл нам дверь во внутренний дворик и встал рядом. Пришлось покурить вместе с Глебом — второй раз в жизни. (Впервые я делал это в шестом классе.) Время шло, и когда митинг уже начался, я спустился по лестнице в подвал и обнаружил там окошко для приема посылок, выходящее на переулок Гривцова. Через него я и выбрался на улицу, правда, в одном свитере, так как пальто осталось в шкафу у следователя.

До митинга, к сожалению, добраться так и не удалось — возле Мариинского дворца меня задержали и доставили обратно. А там тем временем происходил настоящий цирк. Сперва наш добрый товарищ, писатель Герман Садулаев, отвечал Владимиру Путину на его реплику про презервативы: «Нет, мы не презервативы! Мы — сперматозоиды новой жизни!» Затем на сцену вышел гей-активист Игорь Кочетков-Петров, а после него националист Николай Бондарик, начавший клеймить «педерастов», в итоге поскользнувшийся и упавший со сцены. Возможно,

кто-то не разобрался, принял за гей-активиста его самого, одетого в фиолетовую куртку, и стащил вниз за ногу. В общем, вышедший народ пребывал в шоке, и может, и к лучшему, что в тот раз мне так и не суждено было там появиться.

5 марта, в день президентских выборов, Лимонов призвал опять пойти к Центризбиркому. Однако оргкомитет выбрал «диссидентскую» Пушкинскую площадь. В итоге Лимонов с парой сотен человек (в том числе националистов во главе с Дмитрием Демушкиным) был задержан у Центризбиркома, а митинг на Пушкинской закончился довольно нелепыми посиделками пытавшихся спасти репутацию Удальцова и Навального в фонтане.

А в Петербурге народ таки вышел на несанкционированную акцию на Исаакиевскую площадь. Я начал с того, что прямо у дверей городского парламента, стоя в человеческом водовороте, попытался сжечь «свидетельство преступления» — унесенный накануне с участка бюллетень, где не было фамилий Лимонова и других заявлявших о желании участвовать в выборах политиков. Бюллетень, однако, гореть не хотел, пришлось его порвать и бросить остатки бумаги в камеры присутствовавших журналистов к их неподдельному восторгу. Тут же налетел ОМОН и задержал нас. А народ еще долго стоял на площади. Кто-то даже кинул коктейль Молотова в полицейскую машину. Количество задержанных составило примерно 600 человек, которых полиция и суды с трудом переварили. Питер проявил характер в этот день.

В Москве же развязка «мирных протестов» наступила 6 мая, в день инаугурации президента. На тот момент основная масса митингующих за честные выборы, в первую очередь — левых и националистов, уже была настроена достаточно отчаянно и озлобленно. Конфликт должен был случиться, он и случился. То ли по вине полицейских, которые перегородили часть Болотной площади и не пускали туда людей, то ли так было заранее задумано лидерами митингующих, но Навальный и Удальцов усадились на землю, остановив толпу, которая начала напирать на полицейский кордон. В итоге в течение нескольких часов на площади продолжались хаотичные столкновения между митингующими и полицией.

Спустя несколько лет, уже в 2015 году, глава СК Александр Бастрыкин заявит, что тогда правоохранные органы предотвратили майдан. Дескать, под сценой уже лежали палатки и шины, намекал ось и на запасенное где-то (но так и не найденное) оружие. Звучит сомнительно: почему, спрашивается, все это не было предъявлено в тот момент или в ходе последующих судебных разбирательств? По картинке происходящего,

наоборот, всё говорит о его хаотичности, о спонтанном выплеске гнева, когда в полицейских кидались пластиковыми бутылками и бананами, а не коктейлями Молотова, как на Крещатике полтора года спустя.

Лимонов тогда запоздалую попытку бунта приветствовал:

«Давно бы так! Наконец протест радикализировался. На «последний и решительный бой» в этом политическом сезоне пришли, сцепив зубы, серьезные, драчливые радикалы. Никаких Собчак и Пархоменок... никаких Акуниных-Парфеновых... «Хомячки» если и пришли в малом количестве, то сбежали. И вот уже получилось похоже на серьезное, на как у других людей, еще не Египет, но ближе к нему, все ближе...Приветствую мужество радикалов, народ, ненавидящий систему!»

В этот момент, в отличие от декабря 2011-го, власть уже была готова дать отпор протестующим. Вскоре начались аресты тех, кто особенно активно проявил себя в столкновениях. Всего по «болотному делу» было арестовано более тридцати человек. А единственной жертвой этих событий по воле злого рока оказался нацбол Александр Долматов.

37-летний ведущий конструктор оборонного предприятия в Королеве, он побывал в НБП еще в 1990-е годы и затем после перерыва вернулся, регулярно приходя на «Стратегии-31» и прочие партийные акции. Хотя партия и не участвовала в болотных протестах, Долматов пришел на площадь, был опознан на фотографиях сотрудниками правоохранительных органов, после чего на него началось давление, он уехал в Голландию, где и попросил политического убежища.

Первоначальные его интервью оттуда полны оптимизма: он немного знает язык, продолжает его учить, готовится устроиться на работу в порту. Однако в конце года ему отказали в убежище. А через некоторое время его тело было найдено в камере пересыльной тюрьмы Роттердама. Как заявили голландские власти, он покончил с собой в ожидании депортации. Однако в результате расследования, предпринятого Лимоновым и партийцами, стало известно, что к нему проявляли интерес голландское военное ведомство и их коллеги из США, склоняя его к сотрудничеству. Не желая стать предателем, Александр предпочел смерть либо был убит, присоединившись к «партии мертвых» — другим погибшим нацболам.

Весь 2012 год Лимонов посвятил яростным нападкам на белоленточную оппозицию и ее вождей. Был открыт, выражаясь терминологией Мао, огонь по штабам. За полгода наиболее активной деятельности белоленточников, с декабря 2011-го по май 2012-го, из появившихся в его блоге 190 постов почти половина была посвящена критике болотников. Больше всего от него досталось Навальному, но и

остальные не были забыты. На сайте «Свободная пресса» вышла целая галерея, 13 портретов лидеров белоленточной оппозиции — «плейбой-мошенник» Немцов, «крысеньш» Яшин, «пингвин» Рыклин, «пивная королева» Ольга Романова, Рыжков, Гудков, Пономарев... Лимонов хорошо узнал их за годы сотрудничества и сейчас, источая желчь и яд, мстил всей этой публике. Этот ряд портретов напоминает «Мертвые души» Гоголя или сказки Салтыкова-Щедрина.

Постепенно происходит его разрыв с либеральными медиа. 9 октября выходит последняя колонка на сайте granі.ru, посвященная «безмозглой затее» выборов в КС оппозиции. С «Гранями» Лимонов сотрудничал в течение семи лет, в еженедельном режиме ведя там колонку. Очередной его текст — к двадцатилетию начала криминальной приватизации в России, оканчивающийся призывом «Отобрать и поделить» — хозяева сайта печатать отказались. Эдуард по почте отправил его в «Известия», там текст напечатали, и Лимонов стал постоянным колумнистом этого издания, а затем — и других СМИ холдинга Арама Габрелянова. В частности, участником еженедельной программы «Без вопросов» на «Русской службе новостей» вместо «Эха Москвы», где он выступал в аналогичной программе «Особое мнение».

Габрелянов, без сомнения, может считаться наиболее талантливым медиаменеджером современной России. Взяв за основу своего холдинга принципы «ковбойской журналистики» — сочетание ура-патриотизма с бульварностью и желтизной в духе канала «Fox news», — он достиг скандального успеха. Сообщая о том, что Путина ругать нельзя, потому что он «папа нации», Габрелянов тем не менее допускает довольно широкий плюрализм мнений в своих изданиях.

Тем более что выбирать Лимонову не приходилось: все остальные крупные российские медиа были либо прокремлевскими, либо либеральными. При этом иногда Эдуард шутит, что его работодателями стали нацболы и сочувствующие, имея в виду, например, сайт Прилепина и Шаргунова «Свободная пресса».

Как уже отмечалось, всё, что происходило с Лимоновым начиная с декабря 2011 года, очень напоминало период 1994–1996 годов. Тогда он критиковал слившуюся массовый протест в 1993 году, хотя и выигравшую потом выборы трусливую оппозицию в лице Зюганова и Жириновского, — и даже в пике им в итоге поддержал Ельцина на выборах 1996 года. Теперь мишенью Лимонова стали белоленточники. В его текстах 2011–2013 годов и почти двадцатилетней давности очень много параллелей. Был возрожден даже жанр «Лимонка в...».

«— Не кажется ли вам, что история повторяется, сделав круг, и периоды 1994–1996 годов с 2011-го по 2013-й весьма схожи? Возможен ли какой-то выход из этого замкнутого круга?

— Схожие периоды, абсолютно верно. Нам, партии, полицейское государство никогда не дало развиваться до полноценно взрослого состояния, стать массовой партией. Мы были очень близки к тому, чтобы стать массовой партией. Конечно, мы все время пытались союзничать с кем-то. И в 1993 году у нас были союзники левые и националисты, Анпилов и Баркашов.

Ситуации действительно схожи. И когда после трагического 1993-го, после восстания патриотов, которое сейчас видится в куда более благоприятном виде, чем тогда. Это очень трагично, это гибель многих людей, и конечно, это история кровавая и трагическая. Но тем не менее, когда я вышел уже из тюрьмы в 2003 году, мы стали искать союзников. Пару лет мы были в более-менее союзнических отношениях с КПРФ. Когда мы увидели, что так больше продолжаться не может, мы никуда не сдвинемся, предложения саботируются, КПРФ ни на что не решается, и мы стали сами пытаться создать широкий союз различных политических партий. То есть мы уже были готовы к союзу с либералами даже до того, как он осуществился. В 2005 году я посетил и Хакамаду, и Явлинского, и других лидеров либеральных движений. Мы пытались туда втащить и Зюганова — я написал ему письмо. Мы пытались сделать коалицию «Россия без Путина». В 2006 году я понял, что у меня нет достаточного авторитета, чтобы меня все поддержали. Во всяком случае я так это рассудил. И когда в 2006 году Каспаров предложил подобный союз, мы откликнулись. Тогда шло разбирательство в Таганском суде. И первое решение о запрете партии уже было принято. Впоследствии, в 2007 году, нас запретили уже решением Мосгорсуда и всех остальных судов, и мы как бы оказались вне закона. Нам нужно было, помимо всех политических задач, еще и спасти свою шкуру. Ну и решились на этот союз с либералами.

Теперь сразу переносимся в 2011 год. На протяжении всех этих пяти лет что мы делали? Мы ходили на Марши несогласных, это был очень важный порог, который преодолели либералы. Преодолели вслед за нами свою робость, свою трусость. Они поняли, что можно делать вот так, что можно выходить под дубинки. Мы продолжали оставаться с ними в союзе и во времена Стратегии-31, у нас был такой полигон для обучения граждан смелости. И наши Марши несогласных, которые прекратились из-за трусости Каспарова, теперь можно об этом открыто сказать, не опасаясь

потерять союзника, поскольку он уже потерян. Потому что он настаивал на том, чтобы они проводились реже, а потом вообще не проводились. Ну, короче, загубил эту инициативу. Потому либералы же загубили и «Стратегию-31», несмотря на то, что там они научились сопротивлению. Они за пять лет прошли эту школу. И те, кто научился, влияли на массы всех остальных болотных этих хомячков.

Что мы наблюдаем в 2011 году? У нас был еще союз с либералами. По состоянию на 10 декабря того года он был, несмотря на всякие проблемы с Алексеевой, ее предательство, несмотря на попытки Немцова угнать Стратегию. Помните акцию 31 марта 2011 года в Питере, когда операторы снимали и транслировали в Вашингтон, а Гарри Каспаров с указкой показывал, какой храбрый Немцов, настоящий лидер оппозиции, ведет людей на приступ, хотя это были наши люди? Просто воспользовавшись тем, что вы и верхушка питерских нацболов не могла появляться на митингах, было заведено уголовное дело. Несмотря на это, у нас был с ними союз.

И что они сделали в декабре 2011 года? Они просто в одностороннем порядке вышли из этого союза сами, обосновывая это тем, что Лимонов хочет устроить кровавую баню на площади Революции. Поэтому мы — как позднее выяснилось, они пришли с этим предложением в московскую мэрию, в присутствии представителя администрации, заместителя мэра, это все было решено на федеральном уровне. Предали, бросили, разорвали с нами союз. Но мы имели точно такое же моральное право на все эти массы, которые вышли 10 декабря, как и они. И об этом говорит то, что 8 декабря массы вышли на Триумфальную площадь в количестве 8000 человек. Одних задержанных была астрономическая цифра ГУВД — 569 человек. Мы вышли вслед за массами. И когда они поняли, они собрались — тут очень важна датировка — 7-го утром, сепаратно собрались. Не знаю, что они там говорили, но, видимо, они сказали себе — если так дальше дело пойдет, то, естественно, массы пойдут к радикалам. В частности, к Лимонову, к нацболам, радикальным гражданским активистам. И уже 8-го вечером они были в мэрии. Содействовали в этом Пархоменко, представляющий «Эхо Москвы», Немцов, Рыжков. Мы не хотели этого разрыва, мы имели такое же моральное право на все эти массы. Независимо от того, какая у нас идеология. С 2006 по 2011 год мы не выпячивали свою идеологию. Более того — я мирно пытался сделать из Каспарова лидера оппозиции. Сейчас об этом все забыли, но это было, на мой взгляд, правильное решение по тому времени. Так и надо было действовать. Другое дело, что для Каспарова труд оказался непосильным.

2011 год, когда я стою с тремя сотнями людей на площади Революции и кричу: «Они украли у вас революцию!» Это огромное трагическое событие. За это надо расстреливать. Может быть, когда-нибудь кто-то это и сделает. Виновных надо расстреливать. Потому что это действительно была возможность мирным путем сделать это. Надо было пройти 250 метров до Большого Черкасского переулка, где и находился орган, который совершил эту подтасовку. Встать там ста тысячам человек и сказать: никуда мы не уйдем, пока вы не отмените выборы. Потому что все последующие ребяческие эти затеи Удальцова, куда-то в фонтан они бегали. Это все уже через два-три месяца, когда поезд ушел, власть подготовилась, были созданы оперативные планы полицией.

В связи с уходом на Болотную были допущены непростительные ошибки, дилетантские, глупые. Ну как можно было уйти на остров из центра Москвы? На остров, на который достаточно два моста перекрыть, и все. Там можно поставить по 50 полицейских и КамАЗы. Уйти на остров из центра города! Вот за это расстреливать надо. Это предательство, совершенное сознательно, с надеждой, что потом удастся нае...ть власть».

Тем временем «дело 12-ти» было передано в суд, и в апреле 2012 года начался наш процесс. Вести его было поручено заместителю председателя Выборгского районного суда Петербурга Сергею Яковлеву. Бывший слесарь, потом прокурор и судья, крепкий мужчина средних лет с усами и в очках, он сразу произвел на нас неплохое впечатление. Вообще считается, что судья-мужчина, который, как правило, внимательно вникает в дело, лучше женщины в мантии, чаще руководствующейся эмоциями и личным отношением. Тем не менее нам предстояла большая судебная битва, исход которой отнюдь не был предрешен.

Процесс продолжался восемь месяцев — почти до Нового года. Два заседания в неделю, на которые мы ходили как на работу. Ключевым свидетелем защиты стал Лимонов, прибывший для дачи показаний в октябре 2012 года. Сопровождавший его в этой поездке адвокат Беляк описывает в своей книге «Адвокат дьяволов» сценку накануне приговора на квартире у одного из питерских партийцев:

«Наш ужин затянулся далеко за полночь.

«Я тебя провожу до гостиницы», — заявил вдруг Лимонов, когда я сказал, что устал и мне пора уходить.

«Спасибо, не надо».

«Нет, я пойду провожать, — не унимался Эдуард. — Прогуляемся».

«Лучше отдохни, — завтра... нет, уже сегодня у вас будет трудный день. Во сколько часов вам ехать в суд?..»

Но он охмелел и не хотел ничего слушать: пойду, и все!

И тут я вспомнил знаменитый фильм Михаила Ромма «Ленин в Октябре».

«Ну а как же партийная дисциплина?» — спросил я, призвав взглядом в союзники сидящих рядом парней, которых явно не обрадовало внезапное желание их вождя пойти гулять по ночному городу.

«Им партия поручила тебя доставить в Питер и обратно в полной сохранности. Они отвечают за твою жизнь перед партией, а ты что делаешь?..»

«Они тоже пойдут», — возразил Лимонов.

«Нет, это не дело, — сказал я с самым серьезным видом. — Сейчас позвоню в Москву и расскажу, что ты задумал. Давай как партия скажет — так и сделаем».

Я взял свой смартфон и сделал вид, что ищу в контактах номера телефонов соратников Лимонова.

Он выжидательно уставился на меня, и ребята — тоже.

«Так, Аверин... Нет, Аверин — только пресс-секретарь. Он такие вопросы не решает. Аксенов... Вот это, наверное, то, что надо. Он же у вас сейчас самый главный?..»

Лимонов улыбался. Ребята косились на него и тоже улыбались.

«Алло! Сергей, доброй ночи! Извини, что разбудил, — сказал я, приложив смартфон к уху и сделав вид, что дозвонился до Аксенова. — Мы в Питере... Да, доехали нормально. Но вот Эдуард Вениаминович хочет сейчас идти провожать меня до гостиницы. Я категорически против, ведь он выпил, мы — тоже. Как ты считаешь, можно ему идти в город? Нет? Конечно, все может произойти... Менты не спят, враги не дремлют... Значит, что ему передать? Партия запрещает? Да, так и скажу... Миша здесь. Илья и Коля тоже рядом... Разумеется, ставить под угрозу его жизнь недопустимо. И я о том же... Нет, Михаил не пил... Все понял, передам. Извини, спокойной ночи!..»

«Ну, всем все понятно? — Обведя взглядом присутствующих, спросил я, когда «закончил разговор» с Аксеновым. — Партия запрещает вам выходить сейчас в город и рисковать жизнью Эдуарда Вениаминовича».

Ребята дружно закивали головами, стараясь при этом не смотреть ни на меня, ни на Лимонова.

«Считайте, что партия вынесла специальное постановление».

Плечи у Лимонова как-то вдруг сразу опустились.

«Ну, ладно, — произнес он. — Но пусть ребята тебя проводят».

А уже утром, бодрым и свежим, Эдуард прибыл в суд и стал отвечать

на вопросы судьи Яковлева:

— Как строилась структура вашей партии?

— Ваша честь, наша партия всегда жила по методу Орды, что хотела, то и делала.

— Что такое газета «Лимонка»?

— Это не газета, ваша честь, это был шедевр, там писали черт знает что.

— Что вы можете сказать об отличии НБП от «Другой России»?

— Ваша честь, у меня было много жен, я их между собой не сравниваю...

Вероятно, и судья, и даже прокурор к концу процесса уже не верили в нашу вину. Но чтобы оправдать кого-то — нужно бросить вызов системе и собственной карьере. Поэтому судья Яковлев проявил «осторожную мудрость», одновременно признав нас виновными в экстремизме и освободив от наказания.

Вечером в тот день мы вышли на «площадь Свободы» к Гостиному Двору и развернули транспарант против статьи 282 УК, символически поставив точку в этом процессе там, где он начался.

Теперь я был официально признан экстремистом, что наполнило меня законной гордостью. Это своего рода награда, орден на грудь за многолетнюю политическую деятельность, за которую в будущем будут положены льготы, как в СССР в 1920-е годы для бывших политзаключенных царского режима. Несмотря на освобождение от наказания, мы получили довольно существенное поражение в правах — согласно российскому законодательству, привлекавшиеся по экстремистским статьям не имеют права участвовать в выборах, состоять в общественных и религиозных организациях, работать в сфере образования и т. д. А еще нас — как ранее Лимонова — осудили вовремя, поскольку печально известную статью 282 УК РФ вскоре усилили, расширили и перевели в разряд тяжких. А по таким статьям судьи, как правило, сразу арестовывают обвиняемых.

В сентябре 2012 года состоялся второй съезд «Другой России». Согласно его резолюции объявлялось, что у нас два врага — группа Путина и группа Навального-Немцова. Это был возврат к старому доброму национал-большевизму 1990-х годов. Игры в широкие коалиции закончились.

Мы, питерцы, настояли в свою очередь на том, чтобы подать документы на регистрацию по новому закону о политических партиях. Надеюсь не столько на то, что нас зарегистрируют, сколько для

подстраховки, чтобы остаться в политическом поле. Лимонов, бывший изначально против этой идеи, теперь уже не возражал.

Это было время выборов в Координационный совет оппозиции. Проект Алексея Навального, задуманный для того, чтобы легитимировать его как лидера несистемной оппозиции, активно обсуждался на всех доступных площадках. Навальный пытался убедить участвовать в нем нацболов. Вместе с Прилепиным они однажды пришли к Лимонову, и Алексей долго уговаривал его принять участие. Кажется, это был единственный случай их прямого общения, и Лимонову он крайне не понравился:

«Навальный не настолько глуп, чтобы подчеркивать свою прозападность, но несомненно, что у него прозападническая, проевропейская ориентация. Поэтому он никогда не выиграет ни на выборах, ни без выборов. Почему он так нравится интеллигенции нашей? Силуэт американский и жена так одета, и дети так, и сам он выглядит как такой махровый америкос. Это новые типажи, которые пришли вместе с либерализмом. Я вообще не люблю больших людей, поскольку сам я невысокого роста. Мне всегда кажется, что они глупые, что часто оправдывается».

С помпой избранный КС включил в себя в основном журналистов, деятелей культуры и просто случайных людей, никак к политике не приспособленных и ничего в ней не умевших. Как ни странно, после их прихода в оппозицию ко многим из них мы стали относиться только хуже. Бродский говорил об эстетических разногласиях с советской властью. У нас возникли стилистические разногласия с такой оппозицией.

КС ничего выдающегося не совершил и через год помер тихой бесславной смертью. Правда, функция легитимации Навального как лидера была выполнена им даже более чем целиком и полностью.

«Я провел 2012 год в жесткой политической борьбе с болотными лидерами, с этими современными Сусаниными наоборот, один против всех, без союзников, только партия рядом, — подводил Лимонов итоги года в своем блоге. — Один против всех, было тяжело.

Я использовал мой ЖЖ как трибуну, как боевую колесницу и яростно врубался в их самодовольные ряды. Повторяя без устали, что они предали протест и впоследствии заездили, замучили его унылыми покорными маршами и пошлыми митингами на коленах, отбивая у людей охоту к борьбе.

На первых порах обществу со стороны казалось, что болотные победили. Они сами торжествовали беспрестанно и в декабре 2011-го, и в

феврале 2012-го, и даже в марте. Они высокомерно отзывались обо мне.

Но затем чаши незримых весов, на которых мы находились, я — один на моей чаше, они скопом на своей, поползли в мою пользу.

И в декабре 2012-го чаша с Эдуардом Лимоновым в конце концов перетянула чашу с их совокупными тушками.

Я удовлетворен. Я вел отчаянную войну, и я победил. Хотя у меня не было шансов».

В феврале 2013-го Лимонов отметил семидесятилетний юбилей.

Советская еда родная,
Ломоть, что срезан с каравая,
Котлеты, борщ, сырой компот
И водки крепкий переплет...
Объединив ингредиенты,
Приклеив, присоединив
Завода крепкие моменты,
И Серп и Молот посолив,
Был я и молод и счастлив...
Сейчас я дую на ладони,
Мои колени вдруг остры,
Как крокелюры на иконе,
Морщины резкие стары...
Мне холодно. Мне спать тревожно.
Куда идти? Уже пришел...
Мне жизнь мою ножом сапожным
Семидесятый год вспорол...

От питерских нацболов Эдуард получил четыре увесистых тома собрания сочинений Мао Цзэдуна конца 1940-х годов издания в синих переплетах. Когда я позвонил его поздравить, он бодро сообщил, что «с утра работал, потом девка пришла, и представьте — ни одной рюмки еще не выпил». Юбилей, кстати, никак не отмечался и прошел незамеченным для прогрессивной общественности. Даже газета «Коммерсантъ», всегда аккуратно поздравляющая на своих страницах известных людей, про Лимонова не написала ничего.

Но какое это по сути имело значение? Эдуард находился в прекрасной форме и мог продемонстрировать новые достижения.

Во-первых, грандиозный успех имел вышедший в 2011 году роман

Эммануэля Каррера «Лимонов», переведенный на многие языки мира. Президент Франции Николя Саркози признавался, что она лежит у него на ночном столике. Книгу собрались экранизировать в Италии. При этом само его повествование выдает полное незнание автором русской действительности, хотя он является сыном видной русистки Элен Каррер д'Анкокс — кстати, грузинской княжны и секретаря Французской академии. Автор, к примеру, утверждает, что Владимир Путин зарабатывал в начале 1990-х в Ленинграде частным извозом и ностальгировал по СССР, хотя он был тогда помощником Анатолия Собчака и вполне успешно встроился в капиталистическую действительность. Это только одна из многих ошибок, благодаря которым книга Каррера, вначале оперативно изданная в России и встреченная с интересом, вызвала в том числе и критические отзывы. Тем не менее Лимонов торжествовал: Каррер вернул его в западный мир и вновь сделал модным.

Во-вторых, в 2012 году Сергей Беляк выпустил роскошно оформленный двойной альбом на стихи Лимонова, в котором приняли участие многие известные музыканты: Александр Лаэртский, Захар Май, группа «Барто», ну и группа НОМ с безусловно лучшим номером «Я — Эдуард». Был там даже детский ансамбль «Питерские мишки». При всей разноплановости треков альбом получился сущностно единый и получил название «рок-сюиты». Сам же Эдуард спел в конце альбома куплет про то, что «Красная армия всех сильнее».

Наконец, в-третьих, количество книг самого Эдуарда Вениаминовича стало приближаться к его возрасту. С учетом того, что в последние годы Эдуард стабильно выпускает две-три книги в год, в ближайшем будущем это неизбежно должно произойти.

Посттюремный период отличается его высокой авторской активностью и разнообразием. Тут и продолжение создаваемой всю жизнь одной большой книги собственного жизнеописания («В сырах», «Дед»), и сборники публицистики и постов из блога («Лимонов против Путина», «Проповеди», «Киев капут»), и тексты из глянцевого журнала («Дети гламурного рая», «Апология чукчей»), и авторская философия в продолжение линии «Другой России» («Ереси», «Иллюминейшнз», «Плюс Ультра»), и наконец, стихи (целых семь сборников — «Ноль часов», «Беги, мальчик», «Атилло длиннозубое», «СССР — наш Древний Рим», «А старый пират», «К Фифи», «Золушка беременная»).

После «Русского» и «Моего отрицательного героя» в 1970-е — середине 1980-х годов Эдуард сделал перерыв в стихотворчестве на 20 лет, вновь обратившись к нему, когда находился в заключении. В его поздних

стихах история мешается с лирикой, «Бухара 1919» — с «Хорошо е. ться» и «Писька должна быть как кипятки», обращения к собственным женщинам и детям — с одами погибшим империям и т. д.

Похоже, что Лимонову попросту мало отражения континента своей мысли и жизни в прозаических текстах. Поэзия их дополняет. Поэтому историю про его роман и расставание с Катей Волковой с проклятиями в адрес хипповского индийского острова Гоа, где она так любила зависать, мы прочтем и «В сырах», и в сборнике «Мальчик, беги», где эта линия занимает видное место. И Владимира Ильича Ленина встретим и в эссе «Титаны», и в сборнике «Ноль часов».

Меня интересовали Ленин и Пугачев,
И тот и другой выступали против одних врагов
С точностью раз в столетье народ поднимает ор
Праздник себе устроив, хватает мужик топор
Идут на гробы березы, лихо горят города
Русский мужик сквозь слезы шепчет не имя розы,
Но Родина и п...зда...
Эти две девки злые, красивые как змея
Нам подстрекают Россию
Сын каковой и я...
Над головами реют, и еще сотню лет
Нас угнетенных греют
После картины бед.

В общем, говоря словами Николая Гумилева, Лимонов — «конквистадор в панцире железном», стремящийся провести экспансию во все стороны и запечатлеть себя во всевозможных формах. Пока еще есть время.

Глава восьмая

«СУДЬБА ПОДАРИЛА НАМ ДОНБАСС»

Сначала две цитаты.

«Помню, в далекие годы под вечер ехал на подводе в Сумской области. Лошади весело бежали, молоко в бидонах поплескивало. Было мне двенадцать лет, и в двадцатилетнюю студентку Нину был я как бы влюблен. Гостил я у нее — спал с ней в небывалую жару на полу большого деревянного дома. От небывалой жары на полу спали.

Спала она со мной в кружевной рубашке, и чувствовал я что-то странно беспокойное. Обнимала меня во сне скользким телом. И ревновал я ее к молодому мужику с чубом, трактористу, кажется, и помню, комары меня изуродовали, когда я черную смородину в болоте по колено босоногий собирал, упорно озлившись и сбежав от них в болото. К ночи только и откликнулся.

Мычали коровы, грозил рогами бык, падали и вздымались пейзажи, вечерами за камышовым озером орала украинская песня, студентка Нина и тракторист, наверное, ненавидели меня в это лето.

И помню августовский покос, и как мы ехали на волах, везя необъятное чудовищное сено, и парни-кобели изощрялись в ловкости, забрасывая последние скирды к нам — к Нине и мне наверх. Цоб-цобе! И синие мухи у воловьих хвостов, и после изнемогающий хрустальный вечер.

И помню хутора в вишнях, окруженные гречишными полями. — Вы когда-нибудь ехали через гречишное поле? — О, о чем же мне с вами говорить, если вы никогда не ехали на телеге через гречишное поле... Из хуторских зарослей выходили деды в соломенных бры-лях — зазывали к себе в прохладные чистые хаты и потчевали медом и теплым хлебом — все то, от чего сходят с ума здесь, за океаном, седые украинские националисты и сто раз за ночь переворачиваются в кровати. «Ще не вмерла Украина» и никогда не умрет, пока такие люди, как «мистер Савенко» (это моя настоящая фамилия), мутят воду на этой земле. Хотя я и не украинский националист».

Это, конечно же, «Дневник неудачника». (Привет Николаю Васильевичу Гоголю.)

«Мне кажется очень непрочной украинская государственность. Она существует потому, что соседи на нее не смотрят. Чуть-чуть посмотреть

соседям — Польша, Венгрия, Румыния, Россия — и Украины не будет. Будет Киевская область, Ивано-Франковская, еще какая-то. Даже безо всяких войн, просто в результате народного недовольства, поддержанного, например, этими соседними странами.

Эта страна мне не чужая, это территория, украинский язык великолепный. Но как мы знаем, у нее своей истории, отдельной от истории Польши и России, никогда не было. А все неудачные попытки во время Гражданской войны были неудачные, абортированные, ничего не получалось. Именно не получалось, потому что не было сил. Были бы силы — бились бы. Вот более мощное было во времена Степана Бандеры это движение, но их тоже хорошо переполовинили, они не смогли выдержать в борьбе с чекистской Россией.

Все оценивается мерилom, какое количество испытаний послано в стране. Если она выживает, она — страна, она — государство. А если не выживает — то ну, извините.

Хочу привести пример. После Версальского мира успешно создавали искусственные государства, ту же Чехословакию. Смотрите, как она недолго просуществовала. Ее после войны скрепляла ненависть к России. Как только Россия как таковая перестала быть опасностью для них, они немедленно стали грызть друг другу глотки, и сейчас это карликовые туристские государства, иначе назвать нельзя».

А это — из интервью автора с героем книги в августе 2013 года, как видите, задолго до Евромайдана и «Русской весны».

Позже в «Книге мертвых-3», вышедшей в 2015 году, Лимонов вернется к тому своему детскому летнему путешествию по Сумщине на подводах. Но это будет уже некролог под названием «Умерла моя Украина».

Таким образом, мы имеем дело с классическим взглядом русского империалиста, вполне признающего этническую и культурную «цветущую сложность», но не признающего государственного творчества в границах империи. Эта точка зрения, вероятно, наиболее распространена в России, население которой в массе своей так и не смирилось с распадом СССР. А потому через 20 с лишним лет после его падения произошло триумфальное возвращение, как говорит сейчас креативный класс России и Украины, «колорадов», «ватников» и «совков».

Как уже было отмечено, майдан 2004 года НБП поддержала, хотя и весьма своеобразно. Лимонов тогда говорил о том, что-де важна движуха, важно разрушение выстроенных на постсоветском пространстве механизмов контроля за выборами, что наносит существенный удар по путинскому режиму. При этом он утверждал, что «мы хотим, чтобы

никакой Украины не было, чтобы она стала Россией». И предлагал украинским нацболам начать массовые кампании против премьер-министра Юлии Тимошенко — женщины с косой, символизирующей смерть.

«Я правильно все тогда сказал, конечно, — говорит Лимонов 2015 года о той поддержке майдана. — История вот такая. Я делаю какие-то заявления иногда, не стремясь, чтобы они были громкими, но обусловленные чисто тактическим моментом. Как вы помните, тогда появились наши эмигранты, нацболы на Украине. И мы старались как-то смягчить ситуацию. Некоторое время мы надеялись, так же как и раньше, на Белоруссию, что Украина станет какой-то другой страной, где нас хоть немного будут терпеть. В общем, чистая прагматика».

Вопрос о том, как и почему умерла Украина, был самым обсуждаемым в России 2014–2015 годов. Без преувеличения вся страна жила украинской тематикой, и ранее никому не известные имена украинских политиков, министров, депутатов Верховной рады, комбатов добровольческих батальонов оказались на слуху у миллионов россиян. Достаточно отметить, что главная информационная программа страны — «Время» на Первом канале — раза в два увеличилась в объеме за счет украинской тематики. Однажды граждане даже изумленно наблюдали в ней, как стриптизерши пинали ногами похрюкивающего от удовольствия одного из наци-боевиков Сашка Бил ого. Можно только представить себе, какова была реакция на это десятков миллионов российских пенсионеров. Валокордин, вероятно, расходовался тоннами. И это было круто, во всяком случае, куда интереснее традиционных поездок премьера Медведева к фермерам или совещаний у главы МЧС про весенний паводок.

Отцом и главным виновником Евромайдана по справедливости должен быть назван президент Виктор Янукович. Именно он и его команда в течение длительного времени готовили украинцев к подписанию ассоциации с Евросоюзом, рассказывая, какое это благо для страны. Причем этому статусу, которым обладает множество стран мира, включая, например, Алжир и Палестинскую автономию, придавалось какое-то невероятное значение национального выбора, куда идти — на Запад или на Восток.

Параллельно власть накачивала деньгами и ресурсом националистические движения, и в первую очередь партию «Свобода» Олега Тягнибока. Янукович полагал, что самого опасного соперника — Тимошенко — он обезвредил, засадив в тюрьму, а против второго — боксера и лидера партии «Удар» Виталия Кличко — был принят специальный закон, запрещающий баллотироваться в президенты тем, кто

не жил на территории Украины последние десять лет (Кличко долгое время проживал в Германии). Именно в качестве основного конкурента и взращивался Тягнибок. Планировалось, что в 2015 году он выйдет во второй тур с Януковичем, и тот триумфально выиграет, объявив и России, и Европе о победе над коричневой чумой в лице фюрера «Свободы». Судьба, однако, распорядилась иначе: как это часто бывает, схема сработала против ее создателя.

В ноябре 2014 года Янукович, получив выгоднейшие предложения из Кремля о льготных кредитах и скидках на газ, отказался подписывать документ о евроинтеграции на саммите в Вильнюсе. Первая проповедь Лимонова по Украине появилась в его блоге 21 ноября. Он одновременно радовался отказу от подписания договора с ЕС и наличию в стране реальной демократии:

«Хохлы удивляют, не перестают. Евросоюзу не удалось выкрутить руки Украине и принудить ее к ассоциации с собой. Я не раз писал, что сочувствую судьбе Юлии Тимошенко, и продолжаю сочувствовать, но я рад, что евроволки не загрызли страну моего детства и юности.

Все же рідна ненька Украина оказалась неслабой страной, где в Верховной Раде развернулась тягчайшая политическая борьба. Нам, «москалям» несчастным, остается только завидовать той степени свободы политической борьбы, которую проявила Верховная Рада.

Конечно же, российские либеральные умники тотчас обвинили Раду в том, что она ничего не способна решить, однако нам известно, как споро и взяв под козырек, российская Государственная Дума способна принимать антинародные законы.

Ну и хорошо, ну и верно.

Пусть так.

Хохлы удивляют, не перестают. Вот они истые славяне.

И в Раде дерутся, аж чубы трещат, и соленым словом вдоволь пользуются, а у нас все чухонско-финская покорность тонкогубая преобладает.

Все холоднее и холодней,
А на родной Украине
По селам режут сейчас свиней,
Да на колодцах иней».

Евроволки, впрочем, продолжили точить зубы, а украинцы вышли

протестовать против решения президента. В тот же день, 21 ноября, начались акции протеста на Майдане, массовку на которых составили приезжие из западных областей, футбольные ультрас, студенты, либеральная интеллигенция, недовольные Януковичем киевские обыватели.

30 ноября власти разогнали с помощью спецподразделения «Беркут» студенческий лагерь на Майдане. В ответ на следующий день там собралось многотысячное вече, выдвинувшее требования отставки правительства и президента. Националисты захватили здания Киевской рады и Дома профсоюзов и попытались взять штурмом администрацию президента.

Эти события вызвали немалый интерес и волну дискуссий в стане российской оппозиции. Поначалу их сравнивали с митингами на Болотной, и беззубость белоленточных выступлений делала это сравнение явно не в пользу России. Так, бывший военкор «Новой газеты» Аркадий Бабченко опубликовал издевательский пост про переговоры под вискарь митингующих с чиновниками в администрации Януковича и последующий увод масс с Майдана на митинг куда-нибудь за Днепр.

Но не только ожесточенные бои с милицией отличали этот Майдан от первого, который был полностью мирным. Евромайдан с самого начала носил отчетливый антирусский и ультраправый характер. Символом этого стало разрушение памятника Ленину на Крещатике толпой митингующих 8 декабря, водружение в центре Киева над входом в захваченное здание горадминистрации огромного портреты Бандеры и бесконечный слэм на Майдане под крики «Кто не скачет, тот москаль». На входе в штаб Евромайдана положили красный флаг, о который входящие вытирали ноги. Хотя и многие жители Украины, включая моего деда Сергея Михайловича Гончара родом из Николаева, трудились и воевали под этим флагом в Великую Отечественную, и теперь ворочались в гробах. А дожившие с ужасом смотрели на происходящее.

В эти зимние месяцы помимо тройки официальных переговорщиков с властями глав оппозиционных партий Верховной рады — Виталия Кличко, Арсения Яценюка и Олега Тягнибока — стали известными и лидеры радикалов. В первую очередь возглавивший созданный из нескольких националистических структур «Правый сектор»^[8] Дмитрий Ярош. «Правосеки» оказались довольно специфической организацией. В отличие от сельского западенского национализма «Свободы» эти ребята объявили себя «патриотами-государственниками» Украины, не делившими ее жителей по национальному признаку, а также выступили против сближения

с ЕС и вступления в НАТО. Именно «правосеки» и составили костяк уличных бойцов Майдана.

Это сразу отвратило от Майдана симпатии значительной части российской оппозиции. Хотя были и исключения, некоторые поехали в Киев бороться «за нашу и вашу свободу». И даже бывший член НБП Дмитрий Ревякин, вдохновленный энергией бунта, написал песню в соавторстве с группой «25/17»:

Команданте Ярош, красно-черные крылья,
Огненная ярость, зимняя герилья!
Люто ветер воет: страху мораторий.
Дозор несет высотно Небесная сотня.
Мало крови, мало. Прольется еще.
Жертвенная, алая, выставит счет.
Мало крови, мало, прольется еще.
Хлынут реки алые, выставят счет.

После начала «Русской весны» в Крыму и в Донбассе Дмитрий, правда, пересмотрел свое отношение к происходящему и поддержал восстание Юго-Востока, попросив обратить внимание в песне не столько на «команданте Яроша», сколько на «хлынут реки алые». Причем он оказался не одинок — многие, изначально рассматривавшие Майдан как народное восстание, потом поменяли свои взгляды.

«Судьба власти определяется сейчас количеством коктейлей Молотова, которые летят в милицию», — писал мне журналист Александр Сивов из Одессы. «Молотовы» нацики кидали хорошо. Противостояние в центре Киева продолжалось почти три месяца и закончилось бегством президента Януковича в Россию. Человек, мягко говоря, не слишком умный и волевой, он сам довел дело до такого сценария своими бесконечными колебаниями. Если уж применять силу, то эффективно было бы протест добавить, как это сделал в 1993 году Ельцин. Либо вообще не применять, а делать уступки и идти на переговоры. Сочетание же того и другого привело Януковича к краху вместе с Украиной.

Между тем у него был вариант сохранить власть даже после бегства из столицы, причем выгодный и Кремлю. Он мог остаться в Харькове, собрать там депутатов и глав регионов Юго-Востока и произвести раздел страны. Однако он — точь-в-точь как Зюганов в 1996 году — оправдывал свою трусость необходимостью не допустить гражданской войны. Которой как

раз избежать не удалось.

Другая половина Украины — Юго-Восток и Крым — все это время молчала. Казалось, что во второй раз повторится история 2004 года и им снова навяжут выбор Майдана. Однако этого не произошло.

Куда ветер дует, было уже понятно. Комментируя события portalу «Закс. ру», автор еще в ноябре 2013 года говорил следующее:

«Вне зависимости от того, закончится это сейчас отставкой Януковича или нет, договор об ассоциации с ЕС будет подписан. Виктор Федорович просто торговался с Россией и Западом; если к власти придут оппозиционные политики, они тоже упадут в объятия Евросоюза. Единственный вопрос, что они туда потащат жителей Крыма и Восточной Украины, которые хотят быть вместе с Россией. В этом смысле победа Евромайдана — это было бы неплохо, потому что это будет означать начало раскола страны. Западноукраинские области вместе с Киевом могут смело идти в ЕС, избрать себе президентом Тягнибока. Думаю, в ЕС будут от этого в ужасе, но это уже не принципиально. А восточноукраинские области должны будут интегрироваться с Россией».

А Лимонов призвал российские власти к немедленному разделу Украины:

«Пусть Украина разломится как несоразмерный батон хлеба. Мы подхватим восточную часть... Нужно воспользоваться, не проморгайте, олухи, момент настал. Всего-то нужно организовать волеизъявление девяти украинских областей выйти из состава Украины и войти в состав России».

Насколько сейчас известно, подобные сценарии рассматривались тогда и в Администрации Президента РФ, с особым упором на Крым. И по тому, как развивались события на полуострове, было видно, что действия России были заранее хорошо проработаны. А вот по остальным девяти областям Юго-Востока политического решения так и не было принято, что в дальнейшем обошлось очень дорого восставшему Донбассу.

С момента свержения Януковича власть перешла к Верховной раде. И. о. президента был назначен бывший баптистский пастор и депутат от блока Юлии Тимошенко Александр Турчинов. Начались протесты уже против новой власти — прежде всего в Крыму. Первый массовый митинг прошел 23 февраля в Севастополе возле памятника адмиралу Нахимову под советскими, андреевскими и российскими флагами. Эта дата теперь — не только День Советской армии и Военно-морского флота, он же День защитника Отечества, но и день начала «Русской весны». За этим последовала серия акций возле крымского парламента, чуть не приведшая к побоищу между выступающими под украинскими флагами крымскими

татарами и пророссийскими активистами. Двое русских пенсионеров погибли в давке.

И вот с этого момента для нацболов были сняты все вопросы. Если по поводу Майдана можно было дискутировать, и часть людей в партии и около нее сочувствовали успешной украинской революции, то теперь возникло четкое разделение: кто против «Русской весны» — тот предатель.

Российские власти, только что устами спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко заявлявшие, что не собираются присоединять Крым, вдруг поменяли курс на 180 градусов и объявили о поддержке республиканского референдума, на который были вынесены два вопроса — остаться ли Крыму в составе Украины или войти в состав России.

Как принималось это решение? Владимир Путин сообщил *urbi et orbi* в фильме «Крым. Путь на Родину», что провел бессонную ночь с 22 на 23 февраля, совещаясь с четырьмя соратниками (можно предположить, что это были Сергей Шойгу, Сергей Иванов, Сергей Лавров и Владимир Бортников), по итогам чего сказал им, что «мы вынуждены начать работу по возврату Крыма в состав России, потому что мы не можем бросить эту территорию и людей, которые там проживают, на произвол судьбы под каток националистов». Скорее всего, не одна ночь была проведена им той теплой подмосковной зимой в Ново-Огареве в размышлениях, что делать, и взвешивании на весах последствий каждого шага. На одной чаше весов лежали серьезные осложнения в отношениях с Западом, возможные экономические санкции, ропот в затронутом ими ближайшем окружении и бизнес-элите, наконец, не исключена была и война с Украиной при поддержке НАТО, с последующим превращением РФ в «страну-изгой». На другой — любовь народа и вхождение самого Путина в историю как воссоединителя Крыма с Россией. Нельзя сказать, что для него, тактика, но не стратега, привыкшего к сохранению статус-кво и редко принимавшего судьбоносные решения, это было комфортно. Но Крым сам падал ему в руки, как спелая груша, и президент сделал выбор.

Лимонов тогда отметил, что чего-то недоглядел в Путине. В частности, когда писал его биографию, где выводил ВВП обычным чиновником, помощником Собчака, поднявшимся на мутной либеральной волне 1990-х. Вначале Путин действительно был таким. Приняв власть из рук Ельцина, он стал гарантом неприкосновенности ельцинской «семьи», был настроен прозападно и даже — как уже было отмечено, по свидетельству его тогдашнего окружения — стремился к вступлению РФ в НАТО. Осознав же, что там Россию никто не ждет, он позицию поменял, постепенно — и с годами все больше — превращаясь в консерватора и охранителя.

Такие же метаморфозы, кстати сказать, происходили со многими российскими царями, например, с Екатериной II и Александром I. Они тоже начинали как либералы и западники, а заканчивали как охранители и русофилы, хотя и были далеки от России и кровно, и культурно. Может, и вправду, как говорит «прогрессивная общественность», русская история начинает давить всей своей многовековой тяжестью на человека, оказывающегося на вершине власти, и заставляет следовать своей матрице? Только для кого-то это плюс, а для кого-то — минус.

Путин образца 2003 года выбор в пользу истории не сделал бы. А Путин образца 2014-го, когда все всем уже доказал, провел две маленькие победоносные войны и Олимпийские игры, — сделал. Что, безусловно, зачтется ему при всех прочих претензиях.

На решение Совета Федерации о возможности использования российских войск на Украине, принятое 1 марта 2014 года, Лимонов реагирует лаконичным «ура»: «Наконец, впервые за два десятилетия мне не стыдно за мою страну. Если нужно — пойду хоть рядовым солдатом для освобождения русских земель».

Для Эдуарда Вениаминовича наступал час триумфа. Хотя нацболы к власти и не пришли, но идеи и лозунги, проговоренные и выкрикнутые на митингах и шествиях в 1990-е годы, стали реализовываться на практике. Изложенные в брошюрах НБП мысли о русском Крыме и Луганске с Донецком, пророчество начала 1990-х про грядущий развал Украины, сделанное в интервью во время одного из митингов, — все это стало воплощаться в жизнь. Национал-большевизм частично начинал побеждать в государственной политике. Не напрасными оказались и поездки в бунтующий Крым в 1994-м, и акция «Севастополь — русский город» в 1999-м. Идеи партии, казавшиеся многим дикими и маргинальными, восторжествовали. В послании к Федеральному собранию по поводу воссоединения Крыма с Россией Путин несколько раз повторил ту же фразу — «Севастополь — русский город». Какие еще доказательства правоты тех, старых, лозунгов нужны после этого?

Даже сама идея присоединения Крыма, как уже было сказано, была буквально списана со страниц «Лимонки» — из конкурса проектов революции.

Так что, как ни крути, в данном случае именно Путин пошел за Лимоновым (ну и, разумеется, другими людьми, разрабатывавшими идею имперского реванша в 1990-е, вроде Проханова или Дугина, да и того же Жириновского), а не наоборот.

Здесь имеет смысл немного отступить от канвы этих драматических

исторических событий и посмотреть на них отстраненно. Критика либералами Крыма и Новороссии обычно заключается в том, что Россия, с их точки зрения, обратилась к прошлому, к собиранию территорий в духе XVIII–XIX веков, якобы неактуальному сегодня, а потому обречена на замыкание в себе, деградацию и загнивание. Этот путь считается тупиковым, поскольку все исторические империи распались, ему противопоставляются либеральная демократия, глобализм и регионализм.

В общем-то, путинский консерватизм с «духовными скрепами» подходит к этому образу. Однако можно взглянуть на проблему с другой стороны. Украинские события действительно подвели черту под эпохой постмодерна в России и выбросили нас в реальность модерна. Но разве это плохо? Еще Курехин, как мы помним, в последние годы жизни жутко раздражался, когда его именовали постмодернистом. Фальшивая реальность типа «демократических выборов» затянулась гарью и копотью от реальных сражений Донбасса, воскрешающих в памяти исторические картинки то ли Гражданской, то ли Великой Отечественной войны.

Кроме того, почему, спрашивается, демократия — это обязательно прогресс, а империя — регресс? Почему восстановление империи невозможно? Существовала Римская империя, затем она распалась на Западную и Восточную, и Византия существовала еще тысячу лет, а потом была еще Священная Римская империя германской нации. Китайская империя существует много тысяч лет, то сужаясь, то расширяясь в объемах.

Сейчас уже полностью очевидна нелепость построений Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории», навеянных перестройкой и крахом СССР. История продолжается, причем в самой необычной и драматичной форме.

Украинские события привели к продолжению антилиберального дрейфа «Другой России». Теперь партия окончательно вернулась к национал-большевистским корням, предполагавшим защиту интересов России и русских за рубежом. Начатая было кампания по пересмотру итогов приватизации из-за украинских событий была свернута, и центр партийной жизни перенесся на бунтующий Юго-Восток. Как отмечал Лимонов: «Судьба подарила нам Донбасс». Действительно, пытались раскачать ситуацию в Северном Казахстане, думали о Латвии, а тут все произошло само собой на Украине, перетряхнув и большую Россию и показав новые горизонты для партийной деятельности.

Под эгидой партии было создано «Общество любителей крымского туризма». Нацболы поехали на полуостров помогать готовить референдум. Некоторые записались в отряды самообороны (как приехавший из Англии Бенес Айо), другие занимались агитацией населения. Почему-то нашим

активистам местные организаторы референдума поручили агитировать крымских татар. Довольно забавно теперь смотрятся листовки, которые раздавали среди них:

«Наши сторонники провели десятки, если не сотни человеко-лет в российских тюрьмах и лагерях, отстаивая свои политические убеждения. Тем более нам понятна борьба вашего лидера Мустафы Джемилева. Мы уважаем его решимость и стойкость. Мы призываем вас в ходе предстоящего 16 марта референдума поддержать присоединение Крыма к России. Так будет лучше для всех нас!»

Референдум о присоединении к России назначили в Крыму на 16 марта. А накануне, 15 марта, на «Марш мира» против «вторжения в Крым» вышли либералы. Марш получился калькой с привычных хождений по московским бульварам, хотя и стал довольно многочисленным — порядка 10–20 тысяч человек. В этой среде также завершился свой эволюционный процесс. Если белоленточные митинги 2011–2012 годов были довольно пестрыми, то в 2013 году они постепенно теряли националистическую и левую составляющую, а на «Марше мира» она свелась к минимуму. Теперь это был идейный монолит из либеральной интеллигенции и хипстеров — довольно активной и многочисленной в обеих столицах группы, сплоченной под влиянием теперь уже не только давления власти, но и неприязни со стороны бывших соратников и народных масс. Их выходы на улицы Москвы и Петербурга с украинскими флагами стали сопровождаться стычками с обычными возмущенными гражданами.

Вышел на марш и Стас Белковский. Человек, ранее продвигавший идеи вроде «Партии реванша» и премии «Солдат империи», работавший с властями Приднестровья и поддерживавший Абхазию с Южной Осетией во время пятидневной войны, оказался в одной лодке с либералами, которых его герой нещадно мочил в «Либертриллере» из всех видов оружия и над которыми он сам изощренно издевался в пьесе «Покаяние», вышедшей после смерти Егора Гайдара. Вероятно, тут сыграла роль пламенная любовь Белковского к Украине, поскольку еще во время первого Майдана он консультировал людей из окружения Юлии Тимошенко и Виктора Ющенко, а затем даже выучил мову и женился на местной журналистке Олесе Яхно. В ходе «Русской весны» он целиком и полностью встал на сторону Киева. После этого шампанский политолог, наш Мефистофель, начал выдавать либеральные штампы о превращении России в Северную Корею и необходимость идти на поклон к Западу в духе покойной Валерии Новодворской. Схожую эволюцию проделал и некогда кумир красно-коричневой оппозиции Александр Невзоров. Оба в итоге закономерным

образом объединились, став соведущими ток-шоу на хипстерском телеканале «Дождь». *Sic transit gloria mundi...*

Лимонов негодовал:

«В Москве прошли шествием от Пушкинской площади до проспекта Сахарова наши конченные люди — ультралибералы...

Шли под крики «Слава Украине — героям слава!» и «Бандера придет — порядок наведет!»

За клич про Бандеру порядок может и ГСУ навести, легко.

Но вообще, у меня злой и верный глаз пророка, я уверен, что участники сегодняшнего идиотского марша мира будут тщательно скрывать свое участие в нем от родственников, детей, внуков и следственных органов. Потому что докатились ниже плинтуса.

Из этой разворачивающейся на наших глазах трагедии ультралибералов мы все же можем извлечь пользу. Мы можем использовать их квартиры после них. Когда их изгонят или они убегут сами, сколько же квартир освободится! И какие просторные, и по каким сказочным адресам! Я все же не удержусь, наверное, и попрошу у партии одну.

У меня никогда не было своей квартиры».

Механизм российской истории заскрежетал, заискрил и двинулся вперед. Воссоединением Крыма с Россией Путин дал надежду и мощный импульс всему Юго-Востоку, взорвавшемуся митингами, протестными шествиями, захватами администраций и водружением на них российских флагов вместо украинских. Харьков — Донецк — Луганск — Одесса — только самые заметные города народного восстания, получившего название «Русская весна». Как будто копируя Евромайдан, митингующие захватывали местные администрации, разбивали палатки и полевые кухни на центральных площадях. Так же им несли еду и сигареты сочувствующие. Только все это было уже под скандирование «Россия». Это был ответ Майдану и тому же Тягнибоку, провозглашавшему со сцены в Киеве, что «здесь не будет Русского мира!».

18 марта, в послании к Федеральному собранию по поводу воссоединения Крыма с Россией, Путин дает дополнительную надежду восставшим, употребив слово «Новороссия» по отношению к Юго-Востоку Украины. Это было воспринято как сигнал: везде ждали крымского сценария.

Народное восстание стало выносить наверх совершенно новый тип людей, ничем не похожих на якобы пророссийских регионалов Януковича. Таких как много лет финансировавший пророссийские культурные проекты бизнесмен из Севастополя Алексей Чалый или 33-летний Павел Губарев,

провозглашенный «народным губернатором» Донбасса. Бывший предприниматель, член РНЕ и Прогрессивной социалистической партии Украины, сторонник левого православного проекта, впоследствии брошенный киевскими властями за решетку, Губарев представляет собой совершенно нацбольский тип. Впоследствии это подтвердилось и при его личном знакомстве с Лимоновым, когда Губарев, несколько робея, сообщил, что на него оказали серьезное влияние книги, статьи и политическая деятельность Эдуарда в целом.

Нацболы поехали в Донбасс. Бенес Айо произносил пламенные речи на митинге в Донецке, за что был арестован Службой безопасности Украины и депортирован в Великобританию. Ростислав Журавлев из Екатеринбурга фотографировался с Губаревым в здании захваченной администрации.

Как отмечал позже вице-премьер ДНР Андрей Пургин, основавший еще в 2005 году движение «Донецкая республика»: «Первая волна — люди крайностей. В марте приехали нацболы и просто русские националисты. Крайние — всегда самые активные».

Появились свои активисты у партии и из числа местных жителей, участников «Русской весны». «Сперва люди пошли к милиции, узнать с народом она или нет, — рассказывал на «украинском» съезде 30 апреля 2014 года (его правильнее назвать конференцией, ибо готовилось мероприятие в спешке и главное там было заслушать людей из восставших областей) Антон Гременюк о ходе протестных действий в Краматорске. — Милиция никак не могла определиться. Тогда народный мэр Славянска Пономарев прислал нам бойца по клике Палач с гранатометом «Муха» и с ним еще пятерых человек. После этого милиция сразу определилась, что она с народом, и в Краматорске украинской власти не стало».

Внимание Лимонова прежде всего было приковано к его родному Харькову. На улицах, где он когда-то дрался с местной шпаной, гулял с девушками и обносил магазины, теперь проходили столкновения «правосеков» с пророссийскими активистами. Протестные митинги сотрясали город. 23 марта Лимонов пишет обращение к горожанам, начинающееся со слов «Земляки, харьковчане!», которое зачитывает на одной из массовых акций товарищ его юности, рабочий Анатолий С.

«Государства в Украине в настоящее время нет, то условное правительство, которое есть в Киеве, мало влияет на реальную обстановку в стране, вооруженные банды по своей прихоти орудуют на территории страны, осуществляя вооруженные рейды в Восточную Украину, в том числе и в Харьков. Недавнее кровопролитие на Рымарской улице в центре

Харькова наглядно показало, чего можно ожидать в ближайшем будущем жителям города от новой киевской власти.

Крымчане собрали всю свою волю в кулак и нашли в себе силы покинуть государство Украину. И Россия не смогла от них отвернуться. Не смог отвернуться и президент РФ. Вы должны последовать примеру Крыма. Иначе вам не дадут спокойно и мирно жить преступники, окопавшиеся у власти. Город должен обратиться к России с просьбой о защите. Если осуществлению этого мешают городские и областные власти, переизберите их срочно... Торопитесь! Такой мощный город, как наш с вами, не должен пропасть».

6 апреля пророссийские активисты захватили облгосадминистрацию Харькова и подняли над зданием бело-сине-красный триколор. В этот же день произошли захваты администрации Донецка и здания СБУ в Луганске. Однако это оказался пик протестов. Опомнившись от первого шока, киевские власти перешли в наступление. Последовавшие события — бойня 2 мая в Одессе и начало боевых действий в Донбассе — хорошо известны и подробно описаны. Причем именно «одесская Хатынь» послужила катализатором для большой войны. Большинство добровольцев, поехавших на Донбасс из России, приняли это решение для себя после кошмарных кадров из сожженного Дома профсоюзов.

В итоге лишь в Донецкой и Луганской областях решились на проведение референдумов по образцу крымского, несмотря даже на призыв Путина к их переносу и непризнание их итогов Россией. Под обстрелами и атаками киевских карателей жители Донбасса проголосовали за независимость от Киева. Вероятно, к этому привело то, что именно в этих областях скопилась критическая масса пассионариев — политических активистов, ополченцев, просто людей, поддерживающих независимость, для которых возвращение под власть Киева означало бы либо смерть, либо длительное тюремное заключение, либо эмиграцию.

А возможно, как отмечал Лимонов, на Донбассе люди попроще, вот и стали действовать, а Харьков и Одесса слишком интеллигентные. Или, как выразился Пургин: «У нас уровень тестостерона выше, чем у Киева. Это киевляне могут месяцами на митингах флажками махать.

А в Донбассе люди помахали два часа флагами и говорят: че это мы херней страдаем? Надо что-то делать».

Впрочем, идея Харьковской республики по-прежнему занимает Лимонова. В одной из проповедей он пишет о том, что круг должен замкнуться и он рассчитывает вернуться в город, где вырос и который прославил в своих книгах.

Итак, в мае маятник качнулся в другую сторону. Период протестных митингов и местных майданов закончился. Российские власти дали понять, что действовать на Юго-Востоке, как в Крыму, не собираются. В Донбассе началась гражданская война. Первым ее актом был уже ставший легендарным рейд небольшого отряда российского офицера Игоря Стрелкова (Гиркина) из Крыма через Ростовскую область в город Славянск на севере Донецкой области. 12 апреля ими был захвачен отдел милиции Славянска, город провозглашен частью Донецкой народной республики. По словам Стрелкова, этот поход был его собственной инициативой, хотя он рассчитывал, что в дальнейшем Российская армия вмешается в ситуацию. При планировании операции сознательно был выбран город среднего масштаба (120 тысяч человек населения) — не слишком маленький, что не дало бы нужного эффекта, и не слишком большой, поскольку на это не хватало сил. Организовав оборону Славянска от многократно превосходящих сил противника, за короткое время Стрелков снискал себе славу самого эффективного командира Новороссии и 16 мая, после референдумов о независимости ДНР и ЛНР, стал министром обороны Донецкой республики.

Стрелков — монархист, участник войн в Приднестровье, Югославии, Чечне, исторический реконструктор и автор газеты «Завтра» — еще один персонаж, чьи идеи из далекой интеллектуальной периферии попали в самый центр общественного внимания. Он стал одним из символов «Русской весны», обозначив приход новой эпохи с новыми героями.

6 мая «Другая Россия» объявляет в «Обращении к народу России» о формировании движения «Интербригад»:

«Нападения карательных отрядов киевской власти на города Юго-Востока Украины на наших глазах превратились в кровавую гражданскую войну. Одесская чудовищная трагедия переполнила чашу терпения всех нас. Ситуация стала невыносимой. Между тем руководство России медлит вмешаться, медлит защитить миллионы пророссийски настроенных жителей Юго-Востока. Возможно, принято решение ограничиться воссоединением Крыма с Россией. Но война идет, и жертвы уже исчисляются сотнями. Донбасс сотрясается от взрывов и залпов и автоматных очередей. Партия «Другая Россия» решила стимулировать всероссийское добровольческое движение помощи Юго-Востоку».

Партия начала набор добровольцев одной из первых, и это оказалось весьма успешным начинанием. «Интербригады» стали одним из основных каналов притока добровольцев в Донбасс, всего в 2014–2015 годах через них прошли многие сотни людей. Причем это были не только нацболы, но

и другие левые активисты, скажем, члены КПРФ. Хотя больше всего было людей неидеологизированных, а просто не желавших сидеть дома после одесских и донбасских событий.

В этой изменившейся ситуации Лимонов решает покончить с растянувшимся на пять лет противостоянием на Триумфальной, от предсказуемости которого уже подустали и сами участники, и сочувствующие. Заявку на проведение очередной «Стратегии-31» подписал не Эдуард, а Фомченков, и она была благополучно удовлетворена. 31 мая Лимонов впервые спокойно вышел на площадь, откуда его предыдущие пять лет утаскивали за руки и за ноги полицейские. На митинге говорили не столько о свободе собраний, сколько о поддержке Донбасса. Это теперь было куда важнее.

В Петербурге, впрочем, несмотря на все попытки, еще в течение полугода согласовать «Стратегию» нам так и не удалось. Засевшие в Смольном еще со времен Собчака чиновники из комитета по законности и правопорядку, а затем и администрация Центрального района города неизменно отказывали в проведении «Стратегии» у Гостиного Двора или на близлежащих улицах. Так что, пободавшись еще полгода, 31 января 2015 года мы анонсировали и провели финальную акцию.

«Русская весна» перетекала в жаркое и кровавое лето. Партия постепенно перестраивалась на военные рельсы: вербовка и отправка добровольцев, сбор гуманитарной помощи... Пришлось осваивать все эти достаточно непривычные для нацболов, привыкших прорывать ооновские кордоны на маршах несогласных, виды деятельности.

Кремль, так и не признав референдумы в народных республиках и по-прежнему официально считая их частью Украины, спровоцировал Киев на начало большой войны против Донецка и Луганска. На этом фоне заговорили о появлении «партии Новороссии» в большой России.

Депутат от «Справедливой России» Илья Пономарев, участник болотных протестов, единственный из всего состава Госдумы проголосовавший против воссоединения Крыма с Россией и позже уехавший в США, писал тогда о Донбассе: «В протестной среде первую скрипку играют правые группы: выходцы из РНЕ, правой части НБП, ССО, КПУ/КПРФ, казацкие дружины... В кумирах здесь такие товарищи, как Баркашов, Лимонов, Дугин, Проханов». Он предрекал России мрачное будущее, когда сюда придут ополченцы с Донбасса.

«Правые группы», в числе которых странным образом обнаруживаются НБП, Союз советских офицеров и КПУ/КПРФ, оставим на совести автора. Однако важно, что этот идейный симбиоз прямо

напоминает нам о «красно-коричневых» — участниках восстания 1993 года в Москве. Тогда в борьбе с Ельциным и за восстановление единого большого государства произошло объединение красных и белых патриотов. Так и на Донбассе приехавшим добровольцам из числа русских националистов пришлось защищать от сноса памятники ненавистному им Ленину. Многие связи между идеологами и активистами «Русской весны» прямо уходили в эпоху начала 1990-х. Так, Лимонов вспоминал, что ставший первым премьер-министром ДНР московский политтехнолог Александр Бородай в свое время публиковался в «Лимонке» и «Завтра» и заходил в бункер нацболов на Фрунзенской.

Таким образом, русский политикум, совершив круг, вернулся к ситуации 1993 года. Попытки широкого объединения левых, либералов и националистов против власти разрушились под напором исторической реальности, и опять возникло противостояние «красно-коричневых» и либералов. Только теперь первые в большинстве считали власть союзником, а вторые — врагом, а вот что думали по этому поводу в самом Кремле — не вполне понятно.

С другой стороны, никакой «партии Новороссии» как политической структуры не возникло и не могло возникнуть ни в Донбассе, ни тем более в России. Создание ополчения со многими вождями и лидерами породило серьезную конкуренцию и соперничество внутри народных республик. Вовне она была не меньше. В отличие от либерального монолита сторонники Новороссии не только не консолидировались, но не проводили даже единых акций. Провластным движениям странно было бы стоять рядом с оппозиционными, а националистам — с левыми. (Особняком тут стоят акции за Донбасс, проведенные Кремлем или прокремлевскими организациями, как «Суть времени» Кургияна или возникший позже «Антимайдан». Поскольку российские власти принципиально не умеют собирать людей на добровольных началах, массовку сгоняли обычными методами — присылая разнарядки в бюджетные организации, чем только дискредитировали идею независимого Донбасса.) Именно этим и объясняется малочисленность митингов за Новороссию в противовес многотысячным «маршам мира».

С июля, когда в Донбасс отправился Сергей Фомченков, возглавивший «Интербригады», начало формироваться подразделение нацболов в Луганской народной республике в составе батальона «Заря», который в апреле создал и возглавил местный бизнесмен и чиновник Игорь Плотницкий. Как шутили в ЛНР, впоследствии «батальон захватил власть в республике». 21 мая Плотницкий стал министром обороны, а 14 августа

ушедший в отставку первый глава Л НР Валерий Болотов (по официальной версии, из-за необходимости лечения после ранений, по другой — он чем-то не устроил кураторов в Кремле) назначил его своим преемником.

«Боевым крещением» нацболов на этой войне стали ожесточенные сражения во время наступления вооруженных сил Украины в августе, когда они пытались перерезать трассу, связывающую Луганск с Донецком, и захватили стоящий на ней город Иловайск. В ходе этого противостояния погиб нацбол Илья Гурьев (позывной «Заяц») из Тольятти. Гурьев пришел в партию в 2002 году, будучи юным поклонником Егора Летова. В 2004-м участвовал в акции в приемной администрации президента и стал одним из тридцати девяти фигурантов уголовного дела. Выйдя на свободу, не раз подвергался преследованиям местных борцов с экстремизмом, которые в итоге еще раз засадили его за решетку. И тем не менее...

«Я не доверяю, конечно же, официальной российской пропаганде... — говорил он в интервью тольяттинскому новостному portalу. — Но, как русскому человеку, мне импонируют нынешние действия российской власти. Я продолжаю не соглашаться с Путиным во внутренней политике, однако вполне готов поддержать его в том, что касается политики внешней, если она направлена на воссоединение с русскими и русскоязычными людьми, которые в 1991 году оказались отрезаны от России довольно бестолково проведенными во время советской власти границами».

Отправляясь на войну, Илья сказал жене, что едет на археологические раскопки, и оставил дома двух маленьких дочек. (Стандартная история — очень многие добровольцы, уезжая на войну, скрывали это от семей или что-то придумывали.) Гурьев попал в отряд, охранявший недавно «вскрытую» ополченцами российскую границу в Изварине. Однако в ходе августовского наступления ВСУ вошли в Краснодон, перерезав трассу, связывающую Луганск с Россией. В тех исключительно жестоких боях, в ходе которых трассу отбили, он и погиб. На поле под Луганском «Зайца» накрыло минометным огнем, затем территория оказалась под контролем украинской армии, и забрать его останки товарищам так и не удалось. Зато через некоторое время на украинских ресурсах появилось фото паспорта Ильи, где сообщалось, что его обладатель является военнослужащим Российской армии и был найден в сожженном танке.

В эти дни, когда в Донбассе стояла 40-градусная жара, война достигла наивысшего накала. Мощное августовское наступление украинской армии, грозившее Новороссии уничтожением, захлебнулось после прихода людей, которых потом назовут «отпускниками» — кадровых российских военных, пришедших на помощь народным республикам. 26 августа ополченцы

совместно с «отпускниками» замкнули котел под Иловайском, окружив несколько украинских батальонов. Развивая наступление, они в начале сентября стояли у морских ворот и крупнейшего промышленного центра Донбасса — Мариуполя. Однако тут последовала команда «стоп» из Кремля, и лидеры ДНР и ЛНР остановили войска и поехали в Минск на переговоры. 5 сентября был подписан протокол о прекращении огня и были заключены известные соглашения, зафиксировавшие «статус-кво» по линии фронта. Единый организм Донбасса оказался разрезан надвое. Два главных города отошли к ДНР и ЛНР, но две трети территории областей осталось за Украиной. Наиболее чувствительной оказалась потеря Мариуполя с его портами и заводами, на который были завязаны основные производственные цепочки региона и без которого Донбасс нельзя считать самодостаточным. Жизненно важным оказался также тот факт, что линия фронта вплотную прилегала к Донецку, да и от Луганска проходила совсем недалеко. И вскоре регулярные обстрелы ВСУ этих городов возобновились.

Лимонов назвал соглашение большой ошибкой: «Вероятнее всего, перед Минском интересы ВВП и интересы донецких республик разошлись. Но кто платит, тот и музыку заказывает. Он их изнасиловал на подписание протокола.

Зря он их изнасиловал на подписание протокола.

У повстанцев есть, впрочем, выход.

Полностью игнорировать подписанный в Минске протокол, как его и не было.

Гнуть свою линию.

Брать Мариуполь и всё, что они в силах взять. Обратиться к русскому народу за помощью».

17 сентября Лимонов приехал в Петербург на презентацию своей новой книги «Дед», посвященной периоду 2011–2013 годов. В книге описываются «Стратегия-31», отсидка Лимонова с Немцовым, Демушкиным и Яшиным в спецприемнике, болотные митинги и увод граждан из центра Москвы, а также, как обычно, отношения Эдуарда с его подругой — на этот раз с молодой бизнеследи, скрытой под псевдонимом Фифи. На обложке — фото его самого в отцовской армейской шапке-ушанке и майке-«алкоголичке». Это новая ипостась Лимонова — Дед, много повидавший, посидевший в тюрьмах, мудрый, но при этом еще бодрый старый хулиган, *punk*.

Эта встреча с читателями в «Буквоеде на Восстания» зафиксировала новый статус Лимонова как одного из наиболее востребованных российских интеллектуалов. Его «ястребиная» позиция по Донбассу,

регулярное еженедельное появление в эфире Русской службы новостей, снятие запрета на его имя на федеральных каналах сделали свое дело. В торговый зал «Буквоеда», рассчитанный человек на сто, набилось не меньше пятисот и еще немало осталось стоять на улице. Основная часть вопросов была не столько о книге, сколько о Донбассе. Автограф-сессия затянулась на полтора часа.

После такого успеха менеджеры агентства «SP concert» пригласили Эдуарда выступить в феврале 2015 года в одном из самых известных больших залов города — ДК Ленсовета. Том самом, на сцену которого он выходил 20 лет назад с Курехиным и пел: «А значит, нам нужна одна победа».

«Представляете, Андрей, — рассказывал он потом автору. — Организаторы там хорошие деньги платят, спросили у меня, какие условия. Я им говорю, пришлите образец райдера. Они прислали мне райдер Кобзона — так чего там только не было, вплоть до лимузинов, тысяч на сто точно, если не больше. И это ведь нормально для этих людей, они так и живут...»

Сам Лимонов, в соответствии со своими правилами жизни, заказал микроавтобус для себя и ребят из охраны, а также два стакана коньяку «Старый Кенигсберг». Один — до выступления, один — после.

Что до телевизионных ток-шоу, то, мелькнув пару раз в прайм-тайме, Эдуард сам отказался там участвовать. «Обнаруживаю, что политические телешоу банализируют меня, — отметил он в блоге. — Ставят в один контекст с завсегдатаями этих шоу, мне этот контекст не очень нравится. На двух из четырех шоу, в которых я участвовал, присутствовал депутат Госдумы Никонов, и в трех участвовал депутат Жириновский. Вчера присутствовал Кургинян, и они с Жириновским сильно кричали друг на друга. Затем вышел я и тоже поневоле вынужден был кричать, хотя я скорее не крикливый тип, но думающий, правда, решительный, что есть, то есть. Нет, никто мне никаких условий не ставит, не просит о чем-либо не говорить, промолчать, запретных тем мне не объявляют. Однако я нахожу, что все это пошло выглядит. Политическое телешоу как жанр, по-моему, вообще устарело к чертовой матери. Жириновский играет старого крокодила Жириновского, Кургинян — Кургиняна, Барцевский — юриста Барцевского. Мне не особо хочется играть Лимонова».

Тем временем в ЛНР после Минских соглашений фронт стабилизировался и война перешла в стадию позиционной. Крупных боев не было, однако обстрелы сторонами друг друга и мелкие стычки происходили регулярно. Часть фронта прошла по естественной преграде —

реке Северский Донец.

«Река неширокая, примерно как Фонтанка в Питере. Наша рота занимает позиции вдоль берега. Ввиду малочисленности ополчения участок обороны очень протяженный. Вместо сплошной линии обороны пришлось создавать ряд опорных пунктов в ключевых местах, — так описывает ход боевых действий известный петербургский историк и блогер Игорь Пыхалов, когда-то в нулевые годы сверставший нам несколько десятков номеров «Смерча», а затем поехавший воевать рядовым ополченцем по линии «Интербригад» (сперва он заряжал установку «град», затем стал гранатометчиком). — Война — это в первую очередь постоянное перетаскивание различных тяжелых предметов, часто бегом. Еще война — это постоянное рытье окопов, которыми ты не воспользуешься, так как можешь сняться с позиции уже через несколько часов. Зато в качестве компенсации можно укрыться от обстрела в окопе, вырытом другими».

Нацболы взяли под контроль участок возле населенного пункта Сокольники Славяносербского района с понтонной переправой, которую могли использовать ВСУ для удара по Луганску. Это место на протяжении нескольких месяцев оставалось одной из самых горячих точек в ЛНР.

По впечатлениям ополченцев, село раньше было богатым и зажиточным. Однако из-за постоянных обстрелов почти все жители бежали, осталось лишь двое местных. По дворам бродило множество всякой ошалевшей живности. «Мяса навалом, хлеба нет», — рассказывал Саша Аверин, в сентябре уехавший на фронт. Веселый алкоголик с длинными волосами, Аверин превратился в настоящего пса войны, потерял страх. Поднимал людей в окопах в атаку в полный рост.

Наступила уже глубокая осень. Ребята неделями сидели в окопах, в грязи и под обстрелами, а их так и не сменяли. «После нескольких дней на передовой начинаешь пахнуть мышами. Мыши везде, ими кишат окопы, — говорил старый питерский нацбол Женя Маркин, взявший позывной «Гектор». — Будни окопной войны похожи на то, что было 100 или 70 лет назад. Разве что действует мобильная связь и можно отправить эсэмэску или позвонить прямо на передовую».

В итоге упорная оборона Сокольников была отмечена руководством ЛНР. За бои конца октября — начала ноября нацбол из охраны Лимонова Кирилл Манулин (позывной «Моня») был награжден медалью «За храбрость», позднее ордена и медали получили еще несколько бойцов.

В двадцатых числах декабря, под занавес года, Лимонов совершает поездку в Донбасс. (Визит произошел чуть позже по времени, чем планировалось, из-за операции на ноге.) К этому моменту Новороссия уже

стала своего рода туристическим аттракционом для артистов, деятелей шоу-бизнеса и политиков, позирующих с оружием на фоне развалин. Поэтому он предпочел не светиться перед СМИ и находился там всего два дня. Съездил на передовую, пообщался с командирами и с бойцами, возложил цветы на место гибели Гурьева и вернулся в Москву.

«2014-й был военным годом, — сообщил он 31 декабря в блоге. — Впервые за два десятилетия Россия ощутила на губах вкус слова «Победа». В этот год мы сумели воссоединить Крым с Российским государством.

Теперь мы без слез слушаем песни про Севастополь. 2015 год также будет военным годом.

И это хорошо, потому что нас ждут другие победы».

Новый год в Новороссии начался с ликвидации одного из популярных полевых командиров — Александра Бед-нова, командира группы быстрого реагирования «Бэтмен». 1 января его кортеж сожгли заживо из огнеметов вблизи поселка Лутугино в ЛНР. Согласно официальным данным, он оказал сопротивление при задержании, за что и был убит. Власти в Луганске обвинили Бэтмена в убийствах, пытках людей, «отжимах» собственности и тому подобных преступлениях. (Кстати, многие воюющие на Донбассе нацболы такое мнение о покойном разделяли.) Однако при этом Бедное был храбрым и заслуженным полевым командиром, да и сам способ ликвидации, «по беспределу», без попыток даже изобразить законность вызывал понятное отторжение.

Лимонов предостерег руководство народных республик от подобных действий, вспомнив своего старого знакомого, комбата Костенко из Приднестровья:

«Я порылся в памяти и нашел там подробности гибели другого подполковника, приднестровского батки Костенко в 1992 году. 14 июля 1992-го начальник управления обороны и безопасности ПМР подписал приказ об отстранении Костенко от должности. Подразделения 14-й армии окружили школу в Бендерах, где была его штаб-квартира. Костенко был арестован. 16 июля во время следственного эксперимента машина с Костенко и двумя его тоже арестованными охранниками якобы нарвалась на засаду. Костенко убили сразу же, охранники были ранены. Затем раненые пропали... Я был с ним знаком, какое-то время провел в его батальоне, даже спал как-то в его кабинете на письменном столе.

Костенко сформировал первый батальон в ПМР. Я предостерегаю Луганскую Народную Республику от поспешного искоренения своих башибузуков, какими бы махновцами они ни казались сегодня. И война не закончена, и враги стоят в сотнях метров, и глазами рыскают, чтобы

захватить... Потому удаль, храбрость, порыв и даже надрыв ой как еще пригодятся... А на мелкие огрехи нужно научиться закрывать глаза... Не победили же еще... Я бы хотел, чтобы Луганская Народная Республика стала дерзким, агрессивным независимым новороссийским государством и расширилась бы на север, в Харьковскую область. Без башибузуков и «махновцев» такой проект не осуществить».

Этот процесс, однако, выглядел объективным. После Минских соглашений и выборов глав ДНР и ЛНР в обеих республиках стала выстраиваться вертикаль власти по российским лекалам, при непосредственном участии Кремля и силовиков РФ. Былая вольница прекращалась — с кем-то договаривались, кого-то отправляли на отдых в Россию, а кого-то и ликвидировали.

В январе у Лимонова вышла книга «Киев капут» — сборник постов в блоге и статей по украинской тематике последнего года. И одновременно в Новороссии началось новое наступление. Целями его стали, во-первых, Донецкий аэропорт, откуда укрепившиеся там украинские военные — «киборги», как их называли в Киеве, — регулярно обстреливали Донецк. А во-вторых, Дебальцевский выступ — вклинившаяся между ДНР и ЛНР территория, контролируемая ВСУ и хорошо укрепленная с осени. Наступление развивалось медленно, с большими потерями с обеих сторон. Однако к февралю аэропорт был зачищен, а Дебальцевский котел, где находилось несколько тысяч украинских военнослужащих, медленно, но верно захлопывался.

8 февраля утром, в бою севернее поселка Комиссаровка (символичное название — на Донбассе сама местная революционно-военная топонимика символизирует правоту идей ополчения), в восточной части Дебальцевского котла, со стороны ЛНР погиб мой друг, питерский нацбол Женя Павленко. Он уехал воевать в конце декабря, никому ничего не сказав. Родным сообщил, что отправился в Мурманск на заработки, пообещав вернуться в середине февраля. Женя поехал не в «Интербригады», а в коммунистический отряд бригады «Призрак» Алексея Мозгового. 10 января получил удостоверение и позывной «Таймыр» (летом он ездил туда в геологическую экспедицию). И вот меньше чем через месяц погиб.

«Я ничего не знал о его прошлом, у нас никто не интересуется, кто приходит, — рассказал комиссар его подразделения Алексей Марков на похоронах подробности гибели. — У нас есть только позывные и одно на всех настоящее. Так получилось, что я был первым, с кем познакомился Женя. Все новобранцы проходят через меня. И я был последним, кто

закрыв дверь морга. В тот день, буду говорить честно, мы не планировали настоящий штурм, мы прекрасно знали, как сильно укреплено Дебальцево. Мы потеряли много людей, пытаюсь подойти. В этот день мы должны были обозначить штурм, чтобы навести артиллерию на открытые огневые точки. Группа разведки выдвинулась ближе всех и попала под сильный огонь, многие были ранены, в течение двух часов не могли их вытащить. Через некоторое время по рации сообщили, что у них начался стрелковый бой. Чтобы вытащить разведку и раненых, надо было отсечь врага и дать разведке уйти. Группа Жени почти уже вышла, они вынесли раненых. Практически уже были в безопасности, в зеленке. Тут неожиданный удар, и трое погибли. Практически мгновенно, остальные успели упасть, у нас еще шесть-семь человек были ранены. Я бы сказал, что было горько, только врать не хочу. Честно, я в ярости был, в злобе. Не могло у нас такого случиться, не могло. Наш отряд подготовлен, каждый выход планируется за сутки, расписываются роли каждого человека. И вдруг сразу трое 200. Мы всю ночь сидели с картой и высчитывали по секундам, по метрам, как можно было сделать по-другому, был ли другой вариант, можно ли было избежать. Разведку надо было вытаскивать...

В свой первый боевой выход он пошел со мной. Я сомневался, стоило ли брать необстрелянного парня в самую дальнюю точку в Дебальцево. Он четко сработал: грамотно, четко и без страха. Честно скажу, у меня были большие планы на него. Такие люди, как он, молчаливые, но надежные, спокойные, уверенные, там на вес золота.

Он немного успел повоевать, совсем чуть-чуть не успел зайти с нами в Дебальцево, в которое так рвались. Благодаря ему и его товарищам в тот день наша вторая группа смогла пройти по дороге и закрепиться в зеленке. А еще через три дня мы вошли в Дебальцево и зачистили его от «укропов». Спасибо тебе, брат, за это!»

Война — дело небыстрое. Тело почти две недели везли в Петербург из «столицы Мозгового» — Алчевска. Занялся этим Женя Маркин («Гектор»). Он был последним, кто провожал Павленко на поезд, когда тот отправлялся в Донбасс, и он же привез его домой.

В Питере на продуваемом всеми зимними ветрами Пискаревском проспекте я встречал «груз 200». «Что, срочника привезли?» — спросил нас санитар, открывая двери морга, когда услышал, что тело с Донбасса, и несколько раз переспрашивал, словно не мог поверить, что привезли добровольца. Открыв гроб и размотав бинты, я взглянул в лицо друга — с отросшей бородой, скошенными набок глазами. Лицо мученика и воина. Это был Женька, и это было горько.

«Мы поехали воевать, потому что внимательно прочли Лимонова и восприняли это всерьез, а как иначе?» — сказал мне «Гектор», когда мы вернулись из морга и пили водку на кухне, опустошенные.

Воспроизведу здесь некролог, написанный к сорока дням со дня его гибели:

«Ну что сказать тебе, друг, теперь, когда закопали тебя в сыром питерском песке на Южном кладбище?

Мы ровесники и знали друг друга ровно 17 лет, полжизни, которая была прожита нами вместе с партией, куда мы пришли с разницей в полгода. Много воспоминаний накопилось за это время.

Наша первая АПД (акция прямого действия). Вместе сидим на мачте крейсера «Аврора» в мае 1997-го, глядя на прекрасный залитый солнцем весенний город, на Неву далеко внизу, выкрикивая «Россия — все, остальное — ничто!» и «Отберем у Нурсултана русский север Казахстана!». Кажется, и «Севастополь — русский город!» тоже кричали.

В конце 90-х мы хулиганили по ночам, разбивая булыжниками окна дорогих «буржуйских» иномарок. Прыгали у сцены на концертах НОМа, дрались с ультрас «Зенита», докопавшимися до твоего партийного значка с серпом и молотом, выпивали в подворотнях и вели неспешные беседы в обезьянниках. <...>

Год назад мы обсуждали с тобой победу евромайдана. Ты переживал за Крым, Харьков и Одессу, говорил, что «западенцы победили, сейчас будут куражиться и навязывать себя остальным. А русские слишком смирные, слишком привыкли подчиняться. Люди на востоке пасут овец...».

Люди перестали пасти овец и восстали. В декабре ты уехал в Луганскую Народную Республику — воевать под красным флагом за свободу Новороссии. «Не хочу пиариться», — сказал ты человеку, отправлявшему тебя туда, попросив никому ничего не говорить.

Началось наступление наших на Дебальцево. Утром 8 февраля, возле поселка Комиссаровка (символичное название, как и многие другие, мелькающие в боевых сводках Донбасса), на передовой ты прикрывал разведгруппу, выносившую раненого. Это был твой второй боевой выход. Тебя и еще двоих ополченцев накрыло минометным огнем укропов. Вы погибли, но раненого спасли. «Нет больше той любви, кто положит душу свою за други своя».

Совсем чуть-чуть ты не дожил до победы. Через несколько дней ополченцы — и твой отряд в том числе — вошли в Дебальцево и зачистили его. А ты как раз собирался в отпуск домой в это время.

Последнюю эсэмэску от тебя я получил в декабре. «Венок от партии

надо на похороны принести». Ты писал про умершего в колонии Шутова, а получилось, что про себя. Венок от партии был. И много других.

На твоё отпевание и похороны пришло несколько сотен человек — мало кого так хоронят. Здесь были самые разные люди: и нацболы во главе с вождем, и боевые товарищи, и комиссар твоего отряда, и коллеги-педагоги, и твои студенты, и спутники по геологической экспедиции на Таймыр, и руководитель твоей секции по рукопашному бою...

Когда все пошли за гробом от церкви, к могиле по подтаявшему снегу и колонна растянулась по дороге, стало ясно, что это твоё последнее шествие. Ты возглавлял его. Только не было кричалок и знамен. Впрочем, два флага было — партийный с «лимонкой» и Новороссии. Их мы свернули и положили тебе в гроб перед тем, как его заколотили и опустили в могилу.

Ты жил светло и светло умер, друг. Если бы русские были такими, как ты, мир принадлежал бы нам. Прости нас, что мы живы, а ты погиб за нас всех. Да, смерть, Женя...»

Похороны Жени по времени совпали с приездом Лимонова для выступления в ДК Ленсовета, поэтому он присутствовал на церемонии. Выйдя к гробу, Эдуард вспомнил фотографию из курехинского бункера 1997 года, где Женя сидит в первом ряду в кепке с эмблемой Г.О. «Все эти годы он был с нами, и я горжусь, что у нас такие люди».

Потом поминали воина Евгения и у нас дома. Моя младшая дочка Пелагея забралась на колени к Лимонову и просидела там почти весь вечер. Подвыпивший Эдуард обнимал ее, целовал ножки и ручки, а в конце стал прямо-таки запихивать их в рот, напоминая со стороны пожирающего младенца кровожадного Кроноса, что, впрочем, ребенка ничуть не смутило.

Лимонов, которому на следующий день после похорон стукнуло 72, выходит, был в два раза старше Жени.

Как обычно на этой войне, идущей в виртуальном пространстве не менее активно, чем в реальном, после появления в сети информации о смерти Жени поднялся целый грязевой шквал ругани и проклятий украинцев и российской либеральной интеллигенции. Не знаящие Павленко — интеллектуала и франкофона — при жизни люди писали об «утилизации генетического мусора» из России украинской армией. Само собой, его называли террористом и убийцей мирных жителей. И, естественно, назначили виновным в его гибели Лимонова.

Вот, к примеру, что написал бывший вице-премьер Альфред Кох: «Когда в войнах, в которые толкали их вожди, погибнут все нацболы, то останутся только Лимонов и Прилепин. И люди будут судить о том, какими были эти мальчишки, по этим двум персонажам (других-то нету). И будут

говорить про них: говно, а не люди... Короче, этих нацболов — не жалко. Говно народишко. А на самом деле — их жалко... До слез. Бедные, обманутые своими вождями мальчишки... Прости их Господь. Их кровь на тебе, Прилепин, и на тебе — Лимонов».

Опять «обманутые мальчишки»... Это про немногим младшего, чем Прилепин, 35-летнего мужчину, который сам кого хочешь мог сагитировать. Вероятно, это своего рода рок, который будет преследовать нацболов всегда, вплоть до гробовой доски в пенсионном или ином возрасте.

15 февраля после беспрецедентных, продолжавшихся весь вечер, всю ночь и утро переговоров Путина, Меркель, Олланда и Порошенко в столице Белоруссии были заключены вторые Минские соглашения и объявлено новое перемирие. (Что, впрочем, не помешало ополченцам дожать группировку ВСУ в Дебальцевском котле и зачистить его.) По сути, они мало чем отличались от приказавших долго жить аналогичных сентябрьских соглашений. Тот же отвод тяжелой техники от линии соприкосновения сторон. Те же «отдельные районы Донецкой и Луганской областей Украины» вместо ДНР и ЛНР. Те же смутные требования принятия закона об «особом статусе» этих территорий и проведения там выборов по украинскому законодательству. С самого начала обеим сторонам было очевидно, что все это выполняться не будет, и вступление соглашений в силу рассматривалось и в Киеве, и в Донецке с Луганском как возможность передышки после тяжелейших боев за Дебальцево.

Итак, зимнее наступление ополченцев закончилось их победами — зачисткой Донецкого аэропорта и Дебальцевского котла. С одной стороны, успех был очевиден, тем более что фактор «Северного ветра» (в свое время Сталин в письмах Мао Цзэдуна подписывался по-китайски псевдонимом Фын Си — «Западный ветер», а теперь так называли военную помощь Донбассу) был куда менее заметен, чем в августе, и наступление было в основном проведено силами ополченцев. С другой — оно шло тяжело, с большими потерями, а освобожденные территории были не столь уж велики. Война окончательно увязла в зимней степной донбасской грязи и крови.

«С Донбассом дело плохо. Распространиться донецкой революции не дают, — резюмировал Лимонов в блоге. — Такое впечатление, что на этот раз, во второй заход, во второе перемирие, освобожденные от Киева территории заморозят и будут строго контролировать и Россия, и Запад. В результате превратят территории ЛНР и ДНР в стерильное подобие Приднестровья. Выдают оттуда добровольцев, российские советники

подчинят все живое и усмирят буйных, установят (а какие получатся!) натянутые отношения с Украиной, призовут ОБСЕ и голубые или там белые каски...И станут жить. И проживут какое-то время, может, целое поколение. Я не рад такому ближайшему будущему. Мы все надеялись на возникновение территории справедливости, земли, где нет Зла. Но совместными усилиями Запада и России ухайдакивают на наших глазах донбасскую Революцию. Наша мечта рушится. Все больше похоже на это».

В марте вслед за уже существовавшим подразделением в Луганске нацболы стали создавать партийную структуру и собственный отряд в Донецке. Отправившийся туда из Питера Андрей Милюк отметил, как первым делом по приезду в город, узнав в них россиян, добрая бабушка в автобусе попросила «накрошить за отпуск побольше укропчика».

В городе на центральной улице имени прославленного большевика и организатора Донецко-Криворожской республики в 1918 году товарища Артема был открыт штаб. Отряд нацболов сформировали в рамках бригады «Пятнашка» одного из самых известных полевых командиров ДНР Абхаза (Ахра Авидзба). Название отряда — «Харьковская республика» — придумал лично Лимонов. Тем самым предполагалось, во-первых, указать вектор развития «Русской весны», а во-вторых, подчеркнуть, что нацболы нацелены не столько на участие в разборках внутри ДНР, сколько на ее дальнейшее расширение. Возглавил его барнаульский нацбол Дмитрий Колесников, панк-музыкант, игравший в группе «Чудо-Юдо», и партийный ветеран, долгое время бывший в охране Лимонова. К тому моменту он уже успел повоевать в ЛНР, был одним из первых ополченцев, вошедших в Дебальцево. Будучи фанатом фильма «Апокалипсис сегодня», после одного из боев в Дебальцевском котле он потратил целую колоду карт, раскладывая их на трупы погибших украинских солдат.

Однако российская вертикаль власти видеть нацболов легализовавшимися в Донбассе не хотела. 1 мая несколько партийцев с красными флагами приняли участие в возложении цветов к памятнику Ленину. После этого пять человек были задержаны сотрудниками Министерства госбезопасности ДНР и отправлены «на подвал». В течение двух недель нам ничего не удавалось выяснить о судьбе Милюка и товарищей. 14 мая Лимонов обратился с открытым письмом к главе ДНР Александру Захарченко и спикеру Народного собрания Андрею Пургину с просьбой прояснить судьбу активистов и отпустить их. Уже через несколько часов с завязанными глазами, как в боевике, ребят привезли на российскую границу и посоветовали больше в республику не соваться.

Оказавшись на свободе, нацболы рассказали, что эмгэбэшники

(оказавшиеся поголовно бывшими сотрудниками Службы безопасности Украины) заявили задержанным, что «воевать вы можете приезжать, а вот партию вам никакую здесь создавать никто не даст». Одну из девушек — гражданку Украины Иру Воронцову — даже угрожали отвезти на ближайший блокпост и выдать украинским военным. Причем претензии были не только к нацболам, но и к российским добровольцам вообще. Мол, зачем сюда приехали. Ну что же, для бывших эсбэушников, которые по долгу службы боролись с пророссийскими активистами, ничего удивительного в этом нет.

Как выяснилось, в конце апреля в Донецк приезжал старый «друг» партии Владислав Сурков, который теперь занимал пост помощника президента и курировал украинское направление. Именно ему принадлежала негласная инициатива по выдавливанию из ДНР нацболов и прочих неблагонадежных, с точки зрения Кремля, элементов. Позднее в интервью журналисту Александру Чаленко об этом эпизоде высказался секретарь Совета безопасности ДНР и бывший высокопоставленный украинский силовик Александр Ходаковский:

«Вот, смотрите, приезжают в ДНР ребята от Лимонова из «Другой России». Они же не взяли в руки оружие и не пошли нам помогать на передовую. Нет. Они начали сразу заниматься партийной работой. Они начали печатать прокламации, начали призывать людей немедленно, прямо сейчас, во время войны, добиваться реализации своих социальных прав. Да, не спорю, надо, но тогда, когда наступит мир. Регион и так перенасыщен разного рода взрывоопасными вещами, он вообще сейчас как бензиновая смесь — в любую секунду поднеси огонь, и все взорвется. Поэтому здесь в настоящее время довольно опасно проводить такую работу.

— Вы что, пресекли ее?

— Нет, не мы пресекли. Это Министерство государственной безопасности занималось этим вопросом.

— А когда это было?

— Это было в середине мая.

— Вы говорите, что за национализацию, а потом пресекаете деятельность общественных организаций, которые также выступают за национализацию. Нет ли тут противоречия? Нет ли тут подавления движения снизу?

— Нет, противоречия нет, потому что на самом деле такие партии под правильными лозунгами начинают заниматься рекрутингом новых членов. Понимание, какие на самом деле идеи исповедуют эти партии, порождает

определенную тревогу. Пока ситуация тут не «устаканится», деятельность таких партий будет вызывать болезненную реакцию со стороны государственных органов ДНР».

Высокопоставленный силовик, мягко говоря, лукавил. Во-первых, нацболы участвовали в становлении ДНР с самого начала, как Бенес Айо или Ростислав Журавлев. Во-вторых, создание военного подразделения и политического шло рука об руку, и уже очень скоро отряд принял участие в боях. В-третьих, никаких прокламаций о социальных правах партийцы не печатали, а только занимались добровольцами из России и из местных. Наконец, Ходаковский лично допрашивал одного из задержанных партийцев, требуя от него признаний в том, что он поехал в Донбасс за оружием, которое потом хочет применить для революции в России.

Ну а «Харьковская республика» проявила себя уже в конце мая в боях под Марьинкой на северо-западной окраине Донецка, ставшей тогда самой горячей точкой ДНР. Нацболам там противостояли в том числе чеченцы из батальона имени Джохара Дудаева, они слышали выкрики «Аллах акбар» с той стороны линии фронта. 31 мая в окоп прилетела мина, осколком которой был тяжело ранен в голову Дмитрий Колесников, а другим в руку — Женя Маркин.

Командир «Колесо» родился в рубашке. Когда его доставили в больницу, выяснилось, что осколок прошел через всю голову и застрял в мозгу. Врачи не давали гарантии не только того, что Дмитрий останется в здравом уме и твердой памяти, но и что вообще выживет. Однако уже через сутки он очнулся и вскоре пришел в себя.

Наблюдайся в России «разгул милитаризма», о котором так любят порассуждать либералы, портреты Колесникова, Максимова, Прита, Павленко, Гурьева, Маркина, Манулина и других героических нацболов не сходили бы с экранов телевизоров и обложек гламурных журналов. Но, увы, там по-прежнему Сергей Зверев с Ксенией Собчак.

Донбасская вольница тем временем окончательно схлопнулась. В конце мая под Луганском был убит Алексей Мозговой. Согласно официальным данным и позиции руководства «Призрака», его ликвидировала украинская ДРГ. Однако многие выражали в этом сомнение, поскольку Мозговой находился в прямом конфликте с руководством ЛНР. За несколько дней до гибели он успел — при противодействии Луганска — провести в Алчевске антифашистский конгресс, куда съехались делегаты из десятков стран мира, а также концерт итальянской ска-панк группы «Banda Bassotti». То, что делал Мозговой, при грамотном продолжении превратило бы Донбасс в центр притяжения для левых и антиглобалистских сил со

всего мира, каким была, скажем, коммунистическая Куба в первые годы после революции. Но и это в планы Кремля не входило.

К лету 2015 года уже окончательно сформировалась вертикаль власти в народных республиках, большинство неугодных были зачищены и всякая самодеятельность прекращена. Донбасс получил свободу от угнетения киевской хунтой, обучения в школах героев УПА и разрушения памятников Ленину и отчалил от Украины. Однако мечта о народных республиках без олигархов, с рабочим самоуправлением и подлинной демократией реализована не была. При руководящей роли российской бюрократии в ДНР и ЛНР была воспроизведена российская модель полицейского капитализма, иногда — и в ухудшенной форме.

После Дебальцева и кратковременных столкновений под Марьинкой в 2015 году крупных боевых действий на фронте не велось, и большинство нацболов к концу года вернулись обратно в Россию.

Своего рода итогом донбасской кампании стал пятый съезд партии, прошедший в августе. Под большими портретами погибших, с видеообращениями с фронта и представителями добровольческих сил, а также одесского сопротивления. Донбасский съезд зафиксировал статус партии как одной из немногих — если не единственной — политической силы в России, где имеется множество активистов, имеющих опыт как уличных протестов, так и непосредственно боевых действий.

Каковы же были итоги донбасской кампании для партии?

Критики и скептики писали, что «нацболы превратились в пушечное мясо Путина» и что «лимоновцев больше нет». А один отошедший от дел партиец назвал вклад «Другой России» в дело Новороссии «микроскопическим».

На деле по линии «Интербригад» за 2014–2015 годы поехало воевать в ДНР и ЛНР около двух тысяч человек (как уже говорилось, собственно нацболы среди них составляли меньшинство). Цифра в масштабах Новороссии немаленькая. Правда, единого большого подразделения создано не было, и большая часть бойцов расплылась по бесчисленным военным подразделениям народных республик. Некоторые, как Игорь Пыхалов, ушли в бригаду «Призрак», где с осени стал формироваться коммунистический отряд. С одной стороны, летом и осенью это позволило новичкам набираться опыта у более опытных бойцов. С другой — не дало возможности нацболам создать свою военно-политическую группировку, каковой были казаки атамана Николая Козицына или, скажем, тот же «Призрак». Мечта о «Второй России», где партия пришла бы к власти и экспортировала революцию в Россию, осталась призрачной.

Достаточно успешно отработал в Москве, Петербурге и других городах партийный тыл, собирая и отправляя гуманитарную помощь своим бойцам и населению Донбасса. Особенно тут надо отметить роль Захара Прилепина, гуманитарные конвои которого исчислялись десятками миллионов рублей.

Приведем здесь оценку деятельности «Другой России» от стороннего наблюдателя — наиболее популярного блогера, освещающего события «Русской весны», севастопольца Бориса Рожина (*colonelcassad*).

«Не являясь в целом большим поклонником литературных талантов Лимонова и его политической деятельности, нельзя не отметить, что применительно к Новороссии:

1. Лимонов практически с самого начала восстания на Донбассе поддерживал отделение Новороссии от Украины и в принципе за прошедшие месяцы этой линии не изменил. Во всяком случае в политический флюгер не превратился.

2. Члены партии Лимонова основали свое собственное подразделение (первыми среди левых), которое смогло сохраниться и окрепнуть в круговерти военных и политических передраг. Интербригада как боевая организация вполне себе состоялась. Поехавшие позднее на Донбасс коммунисты из «Рот-Фронта», КПРФ и других левых организаций руководствовались в том числе и примером интербригад, которые формально копировали опыт испанской гражданской войны.

3. Ну и само собой, лимоновцы приняли активное участие в сборе гуманитарной помощи для Донбасса, хотя им осенью и пришлось пережить неприятный период, когда у них возникли проблемы с властями из-за сборов средств для ополченцев.

В целом же Лимонов для Новороссии сделал немало полезного и, думаю, еще сделает».

Для Лимонова и Прилепина эта ситуация обернулась ростом популярности, существенным расширением аудитории и возможностью донести свою позицию до широких масс. В Кремле примирились с существованием критики с патриотических позиций, в каком-то смысле она даже была удобной. Указывая на «ястребов», всегда можно представить самих себя «голубями», хотя и с железными крыльями.

«Заметьте, насколько убыстрилась история за последнее время, начиная с Болотной и Майдана, — сообщил нам как-то Лимонов на партийном исполкоме. — Просто понеслась вскачь. За месяц происходит столько событий, что раньше не было и за годы. В крайне интересное время живем».

А вот как он характеризует «Русскую весну» и Донбасскую кампанию в целом:

«— После присоединения Крыма к России вы написали, что что-то проглядели в президенте, в том числе когда писали книгу «Лимонов против Путина». Что именно?

— История заключается в том, что ему выделено много времени. И он на протяжении этого времени менялся. Если бы он коротко отсидел один срок или полтора, может быть, был бы совершенно незначительным. Первые два срока он наслаждался властью. Отсюда все его многочисленные похождения с главами европейских государств, дружба с Берлускони, ну, ему нравилось. Все-таки он был подполковник ФСБ, сколько у нас подполковников? И ничего он не делал. Только оправдывался, когда случались какие-то катаклизмы, в случае «Курска», «Норд-Оста». Он оправдывался за трагедии, вот и все его движения.

А потом началось у него какое-то помудрение, что ли, когда он стал премьер-министром. Мне рассказывали, что он пришел в это здание знаменитое, бывший Белый дом и сказал, что следующее заседание через месяц, что ли. И тут ему старожилы — не занимающие должности, но бюрократы — сказали: «Владимир Владимирович, так нельзя. Мы курируем все в ежедневном режиме». И он согласился вроде бы на совещания раз в неделю, а потом еще чаще. Президентская должность может быть церемониальной и с оттенком определенного наслаждения, несмотря на усталость от бесконечных перелетов и подъемов. А вот потом он помудрел все же из-за такого длинного отрезка. Произошло это чуть ли не через 15 лет, в 2014 году. В отношениях с Западом это понятно. Ведь он его не знал никогда. И с западными людьми встречался, беседуя через переводчика или проезжая на большой скорости в кортеже через мировые столицы...

— А опыт работы в резидентуре КГБ в Дрездене?

— Я скептически всегда относился к этой его зарубежной работе, поскольку в государстве, где была эта знаменитая Штази — лучшая контрразведка мира — чего там было делать нашей разведке? Только брошюровать донесения. Конечно, он шагнул далеко вперед. Он совершил абсолютно историческое деяние в случае Крыма. Но одновременно поставил себя в опасное положение. Он бросил кусок мяса голодному зверю российского народа. А народ был голоден именно по этому, он по величию страдал. Даже видно, как люди сейчас переносят санкции. Народ на самом деле спокоен и готов переносить их и больше, и дольше. Только либералы вопят в своих газетенках, а народ дико счастлив этим величием.

Я всегда был противником вульгарного экономизма и считал, что у нашей страны другая психология. И это нормально, у китайцев своя психология. Мы готовы ради величия жить довольно говенно. Уж не говоря о том, что все это довольно смешно. Я вот не далее как вчера был в супермаркете, покупал еду — ну, это никак не выглядит голодом.

Мне по-прежнему мало Путина, я хотел бы, чтобы был Путин в квадрате, неважно, как бы его звали, и с моими личными амбициями. Было бы все отлично со страной.

Он нашел в себе силы, и как-то было все это реализовано. Я не знаю, один ли он это делал или группа людей, но они приняли верное решение, выбрали тот оперативный план, который наверняка заранее существовал, и осуществили его, причем блестяще на самом деле. Теперь он в таком положении, когда от него могут требовать: давай дальше. А это как раз хорошо для нас, давным-давно продвигавших такие идеи. Он не решается делать дальше. Он, конечно, помогает Новороссии и ее не бросит, но если мы будем иметь эти два огрызка, наподобие Приднестровья, то ничего хорошего нас не ждет. Будут туда уходить большие деньги. Много времени потеряно, надо было совершить блицкриг и поставить в Киеве свое правительство. Это сложно, но возможно и сейчас.

Вы видите, какая возникла у Европы проблема с мигрантами. Там просто переселение народов, V век. Они в панике и в беспомощности. Им сейчас будет не до Украины, и Греция — это детский лепет. Сделали миллиарды, потом выбросили миллиарды... Германия быстро наделает миллиарды евро, ничего. Но у них проблема — п...здец такой — весь мир хочет к ним. Это обратная сторона вот этой политики задабривания, умащения. Они совершенно не понимали, что делается с мозгами этих слабо освещенных светом просвещения народов Северной Африки и Ближнего Востока, которых они еще к еб... не матери разгромили. Они умалчивают, но Ливия скрепляла всю эту х...ету. Сидел там Каддафи, странный е... нутый персонаж и всех держал. А в Ираке — это матка всей их цивилизации — сидел грозный Саддам Хусейн. И тоже всех держал. А сейчас что мы видим? Все, что они разворошили, везде, где они создали неприемлемые условия для жизни, оттуда люди и бегут. Сами пусть пеняют на себя.

— Как вы думаете, в Харькове осталось что-то от города вашей юности и удастся ли киевским властям в итоге его украинизировать?

— Ментальность народов меняется очень медленно, столетиями. Так что не удастся, безусловно, просто времени у них не хватит. С одной стороны, националистическое воспитание в школах, а с другой — полный

террор в городе. Людей хватают в ходе этих мобилизаций. У нас, может быть, не все понимают, что это не призыв. Призыв — это молодежь определенных годов рождения. А у них идет планомерная охота на мужчин. Согласно той информации, которую я получаю, это просто оккупированный город, и чему бы они школьников ни учили в школах, это не сможет убрать реальную действительность, которая происходит в городе. А так называемые правосеки в подавляющем большинстве — приезжие. Это не только Харькова касается.

Киевская власть с их точки зрения правильно сразу обратила внимание на Харьков и Одессу. После Киева это второе и третье место по численности населения, и они, конечно, очень важны. И именно по этой же причине пренебрежения они проморгали Донбасс. Мало ли там, шахтеришки, ватники несчастные. Но у ватников оказалось расстояние до спускового крючка самым коротким. А у харьковских интеллигентов — там несколько академий — они слишком много рефлексируют. Пока они рефлексировали, уже закрыли все оружейные комнаты в милиции. Это я знаю из непосредственного общения с харьковчанами — они говорят: «Мы не успели».

Атмосферу оккупации мы знаем из фильмов. Пришли гитлеровцы, кого-то берут в заложники. Вот то же самое происходит в Харькове. Тысяча человек сидят в этих харьковских тюрьмах. Никаких обвинений не предъявляют, в ряде случаев избивают и пытаются, даже каких-то экологов задрипанных взяли. А дети что — они живут в реальной действительности. Они не могут этими идеями украинства наглотаться как токсикоманы, когда действительность их опровергает.

— Как вы оцениваете проукраинскую позицию, занятую бывшими союзниками нацболов — Касьяновым, Каспаровым, Илларионовым, Белковским и либеральным лагерем в целом?

— Если говорить о Касьянове, то он политически неумен и неталантлив. Потом, конечно, пришла его очередь стать для Запада лидирующей фигурой русской либеральной оппозиции. Каспаров сам уехал на Запад и не может быть для Запада человеком, на которого они могут поставить. Немцова убили, а больше... Немцов хотя бы был такой яростный, хотя его известность превышала в десятки раз его политическую значимость. Ну вот пришла очередь Касьянова.

Я не знаю, как это объяснить одним каким-то фактором. Возможно, какая-то горечь у них. До середины нулевых многие из них были частью власти, потом вылетели оттуда и несколько лет размышляли. Каспаров был первый, кто декларировал себя в оппозиции. В 2005-м был создан ОГФ. А

потом возникла вот эта логика противостояния. Это же у нас был лозунг «Россия без Путина», нацболы придумали его и пользовались им какое-то время. А уже в 2011 году он немедленно становится лозунгом либералов. Вообще для российской оппозиции это несчастье, что их выкинули из власти. Лучше бы они там и сидели, потому что немало людей они совершили в абсолютное отрицалово. Раньше у нас подобными идеями щеголяла Новодворская, но она была единственная в своем роде. А сейчас они все в нее превратились.

Потом заметно, что у них огромное отчаяние, которое выражается не только в лозунге «пора валить», а просто в очень мрачных прогнозах, которые дает тот же Белковский. Такое апокалиптическое видение мира. А еще злую шутку с ними сыграло внутреннее чувство, что Запад — это такая их небесная родина. Они действительно так считают. Они клюнули на декларированное еще на майдане избрание восставшими европейского пути развития. Они их приняли через понимание Европы и европейских ценностей как родственников, не понимая, что есть еще более примитивные, родовые инстинкты, из-за которых они должны быть на другой стороне.

И конечно, это влияние еще нашего советского периода. У нас Ленин был классиком, и для них тоже — «империалистическая война» и все такое. Но тогда была общая нивелирующая всех идея. Пролетариат противопоставлялся каким-то другим классам. Сейчас такого понятия — классовая солидарность — нет, когда размыто само понятие промышленного пролетариата, она исчезла. И проявилась другая солидарность — национальная. Ведь не так много этих базовых идей, которые руководят поведением народов.

Вот я думаю, что либералы совершили базовую ошибку, приняв это за стремление украинской нации на европейский путь развития. Это совершенно не случай сельскохозяйственных бойцов, прибывших на майдан из самых несчастных районов Украины, Полесья какого-нибудь. У них свои традиции — неотмщенцы отцы-бандеровцы после 1945 года. Там это прямая была традиция. Они вообще никогда в России не жили, западные области, чужаки.

— Не испытываете ли вы ревности к власти, позаимствовавшей идеи, высказывавшиеся вами еще в начале 1990-х годов, без указания авторства? Или вы довольны, что они все-таки реализуются?

— Я не мелкий человек. Как кто-то сказал — это не мое изречение, не мой афоризм — «идеи никому не принадлежат». «Крым наш», — идея реализована. Хотя я предпочел бы более свободный Крым, без олигархов,

просто восставший, а не воспроизведение российского железобетонного режима. Но даже в таком виде мы его приобрели, и теперь отнять его возможно только через вооруженный конфликт. Я думаю, никто не сунется. Все понимают, что мы его никому не отдадим. Ситуация стала другая. И может быть, те, кто осуществил воссоединение Крыма с Россией с российской стороны, теперь и кусают себе локти, думая «во что же мы вляпались». Но соблазн был велик, правильно сделали, что взяли, и теперь обратно этого не отыграть. Последствия будут огромными.

Так что Крым — это хорошо, но мало для нас. Сейчас у нас один из лозунгов — на митингах мы вывешиваем — «Нам мало Крыма!». Понятно, что мы хотели бы серьезного, пусть постепенного, но присоединения территорий, которые являются нашими традиционными национальными территориями. Сегодня стесняются говорить, что там, где сейчас воюют наши ополченцы, это же Южная Россия. Россия — там, где говорят по-русски. Я приводил на съезде шокирующие цифры. 94 % процента в Донецкой области и 89 % в Луганской в 2013 году, еще в составе Украины, назвали своим родным языком русский. Все это заставило меня задуматься, как себя идентифицировать, кто ты есть. Ну конечно, материнский язык. Радистка Кэт в нашем знаменитом национальном шедевре, рожая, кричит по-русски. Значит, употребляя русский язык, ты и есть русский. А в паспорте может быть написано все что угодно. Тут даже не нужно разбираться в тонкостях, второй язык или какой, это все х...йня от интеллигенции. Сермяжная правда в том, что это Южная Россия. Никакой Украины там отродясь не было.

Власть должна была бы быть умнее и решительнее. Но она взяла и одну из наших претензий к Украине удовлетворила. Теперь надо удовлетворить и другие. А если они на это не пойдут, они сами нам дали в руки великолепное идеологическое оружие — Русский мир. Спустя почти четверть века, как мы об этом стали говорить, но неважно. И вот в этом у нас есть одна точка соприкосновения, во внешней политике. Других пока я не вижу.

В общем, я к этому отношусь щедро и по-доброму. Просто, отстаивая честь партии, я говорю: «Ребята, мы в 1999 году совершили отчаянное, почти самоубийственное действие, когда взяли башню ДК моряка в Севастополе. Если бы принесли оружие — вообще было бы х...й знает что. Что нам мешало загрузиться туда с несколькими автоматами? Ничего. Возможно, только моя мысль и то, как мы это задумали. То есть была фактически военная операция без оружия. Мы тогда уже все знали. И вот определенное есть такое торжество, что — смотрите — мы были первыми.

А вы теперь сооружаете какие-то дебильные фильмы, как все в Крыму начиналось. Да, мы были первыми, и это уже не смыть и не замолчать, хотя стараются. Вот это и есть причина скорее быть довольным».

Глава девятая

АЯТОЛЛА

«Организованный бунт» — так называлась статья французского критика Матью Галлея о Лимонове, вышедшая еще в 1980-е годы. И это как нельзя лучше характеризует его жесткие правила жизни, рассчитанные на существование исключительно на литературные и журналистские доходы.

Эдуард в своей квартире (ныне он живет в конструктивистском доме, в переулках неподалеку от Триумфальной площади), встает в семь-восемь часов утра, выпивает чашку чаю и садится работать. Если он пишет книгу, то делает это ручкой, причем сразу набело. Мне доводилось видеть его рукописи — там нет исправлений. Их затем переводят в электронный вид его помощники. Если же он пишет статью либо пост в блог, то сам набивает на компьютере.

Производительность Лимонова весьма высока. Две-три книги в год, несколько статей в неделю и практически ежедневные посты в блог. Вряд ли кто-то из российских политиков и писателей может похвастаться чем-то подобным.

В перерывах Эдуард упражняется с гантелями либо отжимается от пола. Ест один раз в день — вечером.

График его жизни описан в стихотворении «Чужой»:

По вторникам у меня час на радио,
С 20 до 21 часа.
Ежедневно пишу тексты, —
Употребляю компьютер, пишу за сорок минут статью,
Сплю довольно часто днем, накрывшись старым бушлатом,
По пятницам у меня заседания рабочей группы.

Регулярно, почти ежедневно бывают посетители — журналисты, партийцы, приятели. Раз в неделю приходит его девушка, фотография ее в бикини на пляже стоит в рамке на столе.

Если вы придете в гости к Эдуарду, он встретит вас в черных ботинках и предложит не снимать обувь в доме. Если вы ему понравитесь, предложит чаю или кофе. А если вы его приятель, то, возможно, выпьете с

ним красного вина. Или коньяка со скромной закуской — краковская колбаса, черный хлеб, овощи.

Быт его аскетичен и прост.

Его роль — аятолла.

Лимонова-мыслителя весьма тяжело отрывать от Лимонова-писателя, публициста или политика. Как и в его книгах, так и в постах в блоге все перемешано вместе — личная жизнь, политика, войны и философия. Однако с возрастом ипостась мыслителя постепенно стала для него главной.

Очень условно говоря, к чисто «мыслительным» работам можно отнести следующие, разделив их на три цикла:

«Дисциплинарный санаторий» и эссе «Исчезновение варваров» (1980-е);

«Другая Россия. Очертания будущего» и сборники «Русское психо» и «Контрольный выстрел» (написаны в тюрьме);

«Ереси», «Illuminations» и «Plus Ultra», религиозно-мировоззренческие трактаты (2010-е).

Сюда примыкают отдельным блоком биографические циклы «Священные монстры» и «Титаны», где Эдуард объясняет себя, сравнивая с великими — Платоном, Марксом, Ницше.

Как известно, философия бывает двух видов. Одна — это классические системы, основанные на логике и объясняющие устройство мироздания, от греков-классиков Платона и Аристотеля до немецких классиков Канта и Гегеля к Марксу. Другой же вид философии — это размышления об устройстве мира, не сводящиеся в определенную систему. Тут в первую очередь нужно назвать Ницше или наших Константина Леонтьева и Василия Розанова. Лимонов-мыслитель наследует второй линии. Розанов писал: «Моя философия как трамвай, мчащийся по разрытым рельсам». Это определение подходит и Лимонову, у которого всегда все в смешении. И отвратительный запах тюремного мусора соседствует с размышлениями о новой религии, а пахнущее девкой одеяло напоминает о судьбах России.

Пожалуй, главным в этой части лимоновского творчества является написанное в Париже в 1980-е годы эссе «Дисциплинарный санаторий», ставшее ответом на традиционное сравнение тоталитарных обществ с ГУЛАГом (как в «1984» Оруэлла). В нем современные демократии Эдуард сравнивает с санаторием для психбольных, где их щадящими методами, но также жестко контролирует государство.

«Санаторий» основан на бесстрастном и холодном наблюдении,

препарирующем устройство социума. И по-прежнему актуален спустя 25 лет, после крушения социалистического лагеря и частичного встраивания его кусков в лагерь западный. Социальная структура и технологии поощрения и подавления остались прежними.

С этой работы мы и начали беседу о сегодняшнем мировоззрении Лимонова-аятоллы.

«— В «Дисциплинарном санатории» сказано: «В партиях человек ищет реализации себя. Отвечающий на вопрос: «Зачем вы в партии? — Я в партии для счастья будущего человечества» есть лжец. Цели коллективного блага могут быть одной из причин, но ни в коем случае не главной». Так зачем вы в партии?

— Со всем сказанным я согласен, только не стал бы очередность этих вещей выстаивать. Они существуют все вместе — это и для себя реализация. Она нужна, так как человек должен чувствовать себя важным, особенно не обычный обыватель. Неизбежно появляется какая-то иерархия ценностей. В этом ничего предосудительного нет. Я не считаю, что нужно стесняться каких-то личных устремлений, наоборот, они как раз и являются мотором. Когда они соединяются с честным и героическим характером, тогда все получается правильно. Ведь плата за твое — назовем это «тщеславием» — она жесткая и высокая: еще бошку оторвут к чертовой матери. Поэтому имеешь право.

— Что бы вы добавили в диагноз современным обществам, поставленный в «Дисциплинарном санатории»? Вот, к примеру, появился Интернет, насколько он упростил или усложнил доступ идей к людям?

— Я не исправляю книги никогда. Я бы написал лучше еще одну книгу, например. В целом картина великолепная, я считаю, что книга объективна. Мне не 15 лет, я уже понимаю цену и своих книг, и вообще. Я думаю, что эта книга удачнее и интереснее, чем знаменитое «Общество спектакля» Ги Дебора. Хотя она весьма разрекламирована, а моя книга не столь популярна. Но у Дебора есть одна большая ошибка. Он принял за суть одно из побочных явлений, один из механизмов. Но спектакль — это не суть, это одна из граней такой поддельной современности, вроде этого мягкого насилия, о котором я пишу. Мне кажется, что моя книга все же более прямая, более умная, объясняет все лучше, сильнее.

Теперь об Интернете. С появлением Интернета политическим партиям стало работать труднее. Затронем хотя бы вопрос внутрипартийной полемики. Раньше должен был человек, который желает по существу возразить партийной линии или руководству партии, двигаться неспешно. Надо было найти какое-то СМИ, которое согласилось бы его точку зрения

опубликовать. (Я не говорю о телевизионных выступлениях, поскольку они ничего не объясняют и всегда достаточно поверхностны.) Но если человек хотел возразить, ему надо было найти кого-то, где опубликовать. Иногда мы давали такое даже в газете «Лимонка» опубликовать, но, конечно, откровенно враждебным не давали слова. «Лимонка» в Лимонова там была, Летов меня критиковал и так далее. Так вот, пока человек искал место, где все это разместить, у него первоначальный пыл пропадал. Появлялись либо упрямство и твердая уверенность, что он прав, либо в большинстве случаев человек перегорал и не решался ничего сделать. Я говорю со своей колокольни, как руководитель оппозиционной партии.

А сейчас все наоборот. В веселый или грустный слегка подвыпивший вечер он бросается к клавиатуре и все выплескивает. Это не столько опасно, сколько вносит безобразие и сумятицу, увеличивается политическая волатильность, такая летучесть. А этого не надо. Это легкомыслие, быстрота в оценках — это отрицательная сторона Интернета. Хулители и бузотеры собирают и привлекают там определенное внимание. И это плохо для партстроительства. Я считаю, что важно все-таки определенное единомыслие для политической партии, особенно оппозиционной.

Это не потому, что я старомоден, я Интернет-то воспринял, но мне его другие качества нравятся. Мгновенность, возможность немедленного информирования людей — я имею в виду не об идеологии, а о том, как следует понимать происходящие, какие-нибудь сегодняшние события. Вот такое у меня отношение к Интернету, а для партийной работы он — большая помеха. Интернет влияет на людей, и очень сильно. Как каждому уроду достается какая-нибудь жена, так и каждой уродливой мысли достается свой читатель или даже последователь. Поэтому я бы предпочел более медленное течение идеологических волн.

— В «Русском психо» есть фраза, что вы всегда были за сильное государство, но глядя из тюрьмы, оно вам кажется монстром, который подлежит разрушению. Актуальна ли эта мысль сейчас?

— Идея-максимум это, конечно, иное по сути устройство мира, но мы не сможем увидеть его какое-то количество, может быть, даже столетий. А кто знает, может, все пойдет быстрее. Мне кажется, что государства будут, но другие, я бы условно назвал их государствами по интересам. Не нации, а какие-то объединяющие мотивы. Я когда-то шутя говорил: «Будет основано государство алкоголиков на каком-нибудь острове, но оно, конечно, быстро вымрет». Я всегда думал, как какая-нибудь тетя Катя, которая растит картошку на даче, и кто-то еще могут быть одинаковыми.

— Велимир Хлебников мечтал о том, чтобы разделить государства изобретателей и приобретателей...

— Да, совершенно верно. Люди рождаются неравными, это понятно, и может быть, было бы правильно, чтобы все разделились по степени талантливости, развития.

Но в данном случае я как человек разумный и талантливый хочу принадлежать к самому большому, что мне доступно, а именно — к российскому мощному государству, у которого история есть. А не к Украине, искусственно созданной в XVI веке. Это как у собак «Педигри» вместо мяса. Это я, конечно, чуть округляю. Но это факт. Чем больше страна — тем больше гордости переполняет сердце.

Ведь почему у меня такое ироничное отношение к украинской государственности? Ну что-то затерявшееся между Польшей и Россией, а потом получившее свою независимость. Путем какой-то фальшивой росписи каких-то пьяных людей — или даже не пьяных, не важно (на самом деле таки пьяных. В Беловежской Пуще в 2000 году на экскурсии тогда обслуживавший Ельцина, Кравчука и Шушкевича работник рассказывал автору, как по дороге к бане во время переговоров Ельцин за 100 метров валился в снег восемь раз. — А. Б.). Или пример Чехословакии, искусственно слепленной из двух государств после Версальского договора. Она не выдержала напора времени, более или менее мирно Чехия и Словакия разошлись на маленькие и не очень умные государства чехов и словаков. А тут такая соблазнительная звериная империя всегда была. Британцы говорили, что солнце не заходит над их империей, а у нас часы крутятся до сих пор от моря до моря. Но нам, конечно, предстоят тяжелые испытания.

— Либералы утверждают, что территориальные захваты и экспансии государств — это архаика из эпохи модерна...

— Они придумывают себе миф о том, что суть человека якобы изменилась. На самом деле она никогда не меняется. И более того — никакого такого модерна, ровного, гладкого и единообразного — нет. В России есть места, где XVI век до сих пор, а в Москве и в Петербурге — XXI. И это нормально, когда большая страна. А у бурятов — я прошлым летом туда ездил — вообще непонятно, какой век. И ничего, живут все. И о каком модерне может идти речь?

Вот еще интересное наблюдение. Наши либералы очень любят так называемую революцию 1968 года в Париже. Объяснение этому очень простое. Революции никакой не было. То, что там происходило, это было первое (сколько уже лет прошло? Пятьдесят с лишним) доказательство

полной импотенции современной буржуазии. Она полностью ушла от тех воинственных ценностей, которые характеризовали ее, когда она брала власть в Великую французскую революцию, в революцию 1848 года, адаптировала для себя психологию жертвы, о которой я писал в «Дисциплинарном санатории». Ничего они не смогли и даже не пытались захватить власть. Они произносили речи, оккупировали театр Одеон, их даже особенно не карали, просто отодвинули на раз-два. Потом де Голль уже был старый, дряхлый, через год он ушел, пришел железный Помпиду и все продолжилось. Плюс у них начало революций 1960-х годов все в Китае. Никаких местных особенностей. Это Китай, опять-таки разрешенный жест Мао Цзэдуна, который позволил школьникам и студентам издеваться над учителями и чиновниками. Это, конечно, всем понравилось, безусловно, но это никакого отношения не имело к захвату власти. Вот в чем все дело. Такой праздник наступил. И вот нашим либералам это нравится.

Сейчас наши ультралибералы перешли к моральному осуждению. Из всех категорий они выбрали мораль. «Аморально списывать диссертации!» Хотя кому нужны эти диссертации? Ни тем, кто их написал, ни тем, кто регистрировал, никому вообще. Их никто никогда не читает. Есть мировые шедевры, их надо читать. Время от времени появляются какие-то новые мыслители, тоже чего-то добавляют к мировому знанию. Но при чем тут диссертации, непонятно. Или вот сейчас вся либеральная Россия изнывает по поводу барельефа Мефистофеля, который сбили. Вот больше нечего. Действительно, политики нет, поэтому вот такие... А политика уничтожена как таковая.

— Когда Ким Ир Сена спросили, как вы себя воспринимаете, он ответил, что Ленин и Мао были интеллигентами, а меня нельзя назвать иначе, чем революционер. А вы что бы ответили на этот вопрос?

— В разные периоды жизни — по-разному. Сейчас я представляю себе как такой аятолла. Поскольку по возрасту в полевые командиры я не гожусь, по горам уже лазить сложнее, чем лет в тридцать, но вот на роль аятоллы, как человек, который может задавать тон своими идеями, я имею дерзость претендовать.

— Какие фигуры вы можете поставить рядом с собой в этом ряду? В разный период у вас были разные книги: был период «Дисциплинарного санатория» и «Исчезновения варваров», потом период «Другой России» и «Русского психо», потом — религиозные «Ереси» и «Иллюминеишнз»? Все разные...

— Ну, они не совсем религиозные. Это поправка важная. Это скорее такие мировоззренческие основы бытия. А с кем поставить... Все-таки мое

поколение — очень маленькое. Такие люди встречаются крайне редко. Если взять 1943 год — кот наплакал таких людей. Мик Джаггер какой-нибудь. И поэтому ощущается дефицит ведущих таких фигур, аятолл, назовем так, или по-французски — учитель мысли. Вот что произошло. Либералы в последнее время меня считают каким-то ретрочеловеком, который пришел со старыми идеями. А все как раз наоборот. Это они пришли со старыми идеями. Они пришли с пожелтевшим либерализмом, который физически уже не может существовать. Вот я утверждаю, что якобы экономический кризис, который сотрясает планету последние как минимум пять лет, — это не экономический кризис, это кризис цивилизации. Вот что я считаю. И в этих условиях никакому либерализму выжить невозможно. Так что сейчас как раз естественным образом к власти во многих странах, в том числе — европейских, будут приходить такие жуткие, жестокие режимы, которые будут позволять выжить вначале всем, а потом — совсем немногим.

Либерализм основан на тотальной безлимитной эксплуатации планеты. Сейчас уже планета истощена, она не может дать того, что она давала. В шестидесятые был пик, потом, в семидесятые, расцвет вот этого всего. Поэтому либерализм обречен. Либералы воспринимают меня как такого певца прошлого. На самом деле я певец будущего, а они-то в прошлом.

То, что я защищаю, не является ни советской властью, ни советской жизнью, через то, что я говорю и делаю, проявляется лик таких совершенно новых, натуральных, неискусственных, таких жутких режимов. Они будут по всей планете преобладать. Вначале они пришли в Европу под видом старого социализма. Вся Скандинавия, многие страны старой Европы — Испания, Франция — отступили на позиции официозного социализма. Дальше они будут отступать дальше. Франция уже воспринимает идеи Ле Пена как вполне здравые. Еще лет пять назад этого не было, а теперь все понимают, что на всех не хватает процветания, не хватает прогресса. И не будет хватать. Поэтому я себя воспринимаю таким человеком, который еще в девяностые годы неосознанно, нащупывая дорогу во тьме, говорил и писал, а теперь я уже это все осознанно говорю: будут жесткие режимы, будут режимы такого очень неприятного народного социализма.

— То есть это будет или вы это проповедуете?

— Я это не проповедую, я просто на это указываю и говорю — вот это будет.

— Имам Хомейни, скажем, проповедовал исламскую революцию, и она совершилась в Иране. Ваша модель будущего — она с этими жесткими режимами как-то связана? Это социализм, национал-социализм?

— Старые определения давайте оставим, давайте воспользуемся более новыми. Вот в Латинской Америке говорят и говорили о народном социализме, вот давайте этой терминологии и будем придерживаться. Не обязательно это будет латиноамериканский опыт. Посмотрите на нынешнего президента Мадуро, который с Чавесом во сне, мистический такой испанский...

— Это свойственно католикам...

— Да-да-да... Он серьезный такой, спокойный. Говорит, я прошлой ночью видел команданте Чавеса, он мне сказал то-то и то-то. У нас будет более бесцеремонный, безумный, жесткий режим. И Россия, поскольку она запаздывала всегда, она очень натурально в этот процесс вклинится. Наше авторитарное правительство — оно отвратительно, авторитарный президент, тем не менее оно почти подготавливает страну к какой-то... Несознательно, у него другие цели — обогащаться, они связаны с олигархами, это все понятно. Но движение у нас отстает по фазе. Мы не живем в той эпохе обезумевшего либерализма со всеми этими однополыми браками, со всеми этими практически римскими пороками. По сути Европа скатилась к такой стадии Римской империи. При этом никакого могущества страны быть не может. Могущество может быть только там, где есть традиционные ценности. А это все размывает традиционные ценности.

— Можно ли назвать вас левым мыслителем?

— Я как изначально Национал-большевистскую партию сформировал, мы не левые и не правые, мы за социальную и национальную справедливость. Вот это и остается. С виду эклектическая, но на самом деле не таковая смесь левых и правых идей. Ничего не изменилось. Я, кстати, очень мало изменил свое мышление за эти годы, не изменил его принципы.

— А правая составляющая здесь что в себя включает?

— Основная правая идея — это идея империи. Она остается, и мы на нее обречены. Ну, не можем мы стать Штатами Черноземной России. Это нонсенс. Россия такой никогда не была и не будет, это будет ее конец и гибель. Почему я современных националистов, национал-демократов образца 2005 года, когда они появились, я их сразу отнес к сепаратистам. На мой взгляд, они хотят мятеж сепаратистов. А для меня такая Россия немыслима. Россия по сути своей, по тому, как она исторически складывалась, обречена быть либо империей, либо не существовать совсем. Она не может существовать с одним этносом, она задохнется, она умрет, как человек кончает жизнь самоубийством.

— А как же тогда все распавшиеся империи — Римская, Британская?

— А это ничего, собственно говоря, не доказывает. Во-первых, Британская империя до сих пор существует в виде доминионов. Все поздравляют королеву и — я не помню, сколько их сейчас, но чуть ли не шестьдесят семь. Круто. Об этом все забывают. И Французская империя не распалась. У них огромный кусок Гвианы — больше по территории, чем Венгрия. Многие острова в Полинезии, острова в Карибском море, у них духовный и экономический контроль над огромной частью Африки. Другими словами, они исчезли? Нет!

Плюс еще появилась империя — Европейский союз, у них есть вооруженные силы в виде НАТО. А самая огромная империя — это Соединенные Штаты. Вся эта идея о том, что непременно империи погибают, она на ногах не стоит. Это лживая, говнистая либеральная идея, и она нежизнеспособна. Этого не было, нет и не будет. Это выдумка, такая либеральная аксиома про распад империй.

— Применяете ли вы к себе известное высказывание, приписываемое Черчиллю: «Кто в молодости не был революционером — у того нет сердца. Кто в старости не стал консерватором — у того нет мозгов»? Вы стали большим консерватором с возрастом?

— Для меня все-таки более важна стала идея национальных интересов, просто потому, что в наше время ничего более крупного нет. Я бы, наверное, был прожженным ярым большевиком в 1917–1919 годах, одним из самых радикальных. Но приходится довольствоваться какими-то временными отрезками своего собственного исторического времени. Невозможно быть поклонником того, что в прошлом являлось идеалом. Если сравнивать вот этот интернациональный дух мировой революции и национальные эмоции, наверное, мировой дух, он крупнее. Но мы находимся в эпоху, в которой я молюсь самому крупному богу, которого отыскал.

— Маркс?

— Ну это все проехали. Некоторые вот черным богам Гитлера молятся. Это экзотика скорее сейчас быть марксистом, как и быть гитлеристом. Я все-таки сейчас практически мыслящий человек».

Вот так. Пока так.

Приложения

1. Эдуард Лимонов

«В России нужно все менять, даже выражения лиц...»

(Лимонка. 1996. Май. № 40)

Когда после пятнадцати лет отсутствия я оказался в декабре 1989 года в Москве, помню, мне бросились в глаза казарменная приземистая германскость в облике зданий (преобладание немецких цветов: желтого и зеленого) и азиатские полутемные, турецкие внутренности советских квартир (немыслимые на Западе ковры на стенах, абажуры — стиль гарема, женщины, молчащие весь вечер, обслуживая мужчин). Россия предстала мне германско-турецкой. Сейчас я уже забыл те первые ощущения, свыкся. Однако соотечественники не перестают меня удивлять. Появились и бродят по улицам толпы людей, которых в одном времени в нормальной стране увидеть невозможно, разве что в кинозале в научно-фантастическом фильме. Старухи-нищенки — иссохшие, с котомками и палками, прямиком из XVII века, грязненькие хиппи в цветочных юбках до асфальта — эти из 1960-х годов в Соединенных Штатах. Казаки не то из оперетты, не то из трагедии «Тихого Дона», панки, но не те, английские или американские — свеженькие и энергичные, но наши — изуверско-самоубийственные, юродивые; поп со смоляною бородой, на самом деле окончивший литинститут выкрест, генералы прямиком из анекдотов — тупые и неотесанные. Ну, словом, весь наш нормальный сумасшедший дом. Нация не нашла своего единого, ей принадлежащего стиля. Она рассыпалась невпопад на мелкие группки, исповедующие каждая «свою», но на самом деле заимствованную веру (со своей одеждой, жаргоном, прическами). И старуха-нищенка — безработная инженерша или опустившаяся домашняя хозяйка. И «панк», на самом деле приехавший из Таганрога или Запорожья провинциальный хлопец, зависший в Москве и ночующий в парадных (настоящие остались в 1977-м, где-то на Kings Road), и казаки, в «мирной жизни» — аптекари, бухгалтеры и провинциальные писатели и конференсье.

Нация пыхтит, старается, впадает в истерику, но не может найти себя. «Православие спасет Россию!» — кричали у нас десяток лет. Я никогда в это не верил и не верю. Нет у нации сегодня той органичной веры, какая была некогда (да и была ли?), посему народ живет себе безбожный, в

православие уходят отсталые интеллигенты, более нигде и никому не нужные. Уходят в такой же степени, как в огородничество на приусадебном участке, чтобы как-то прокормить душу. А тело кормится от участка. Попы сами себя спасти не умеют. Самые честные и кричат, и тужатся со своей страной. А нечестные — жиреют.

У нас нет сегодня ни х... своего. Даже фашисты у нас ходульные, скопированные ученически провинциально, старательно, вплоть до стилизованной пэтэушной свастики. «Коммунисты» КПРФ стонут от подагры, вытирают лысины, плетясь в демонстрациях, копируя (1917-й они скопировать не в силах!) какой-нибудь 1960-й, копируя КПСС.

Ни х... своего! Демократов у нас нет. Их убили в зародыше, демократами у нас назвали себя, выскочив вперед, наглые казнокрады и чиновники. Есть Борис Николаевич, случайно оказавшийся вождем «демократии», роль идет ему, как корове седло, а страна, в которой он правит, похожа на зону, а не на «демократию». Достаточно поглядеть на «полемику» Жириновского и Брынцалова, чтобы понять, до какой бездны пошлости мы докатились. В своих рекламных роликах обрюзгший жлоб в красном жакете (ВВЖ) с жуликоватыми повадками обращается к стране, чтобы она его избрала в Президенты! Все это на полном серьезе! «Политики» у власти создали условия, когда только жулики, пройдохи, пошляки, фигляры и денежные мешки имеют возможность конкурировать за власть. Если это подражание Америке, то это обезьянье жалкое подражание. Соединенные Штаты, крайне суровая страна, и внешняя развязность манер политиков и якобы демократичность их выборов скрывают суровый и безжалостный отбор. Ни один фигляр, как у нас, не возглавляет там парламентскую фракцию. Президент в США на самом деле вообще никто — имеет чисто символическое значение. Там важен аппарат, и он ведет корабль этой атлантической империи мощно и неколебимо, согласно веками сложившимся принципам и интересам Соединенных Штатов.

Мы же подражаем сразу всей истории Запада, мы полностью потеряли себя, носим чужие одежды и думаем чужие мысли. У нас в одно время и XVII век, и XX, и Средневековье, и современная гниль. Общество, как лоскутное одеяло из чужих лоскутов, отбросов чужой свалки.

Ранее, заметьте, мы придумывали всегда свое. Комиссары, чекисты, колхозы, как к этому ни относиться, все это было впервые в Истории и носило безусловное клеймо: «Сделано в России!» Это нам подражали во всем мире семьдесят лет: подражали нашей революции, нашей военной форме, нашему социальному строю, нашим героям.

Я вижу вокруг меня дезориентированные, в основном угрюмые, подавленные толпы. Средний русский человек выглядит ужасно: он тащит по пыльным улицам и в потном метро свое сгорбленное тело, морда в преждевременных морщинах, бесформенное туловище, походка вялого барана или коровы. Молодежь, конечно, молодежь, но те, кому за тридцать — подавленные четвероногие. Никакими материальными заботами вот это отсутствие осанки, стержня не объяснишь. Русские люди опустили по причине психической болезни, охватившей весь коллектив нации. Бравые у нас только бандиты.

Россию надо лечить. И лечить насильственно. И не сменой правительства. Нужна жесткая мощная группа людей, партия сильных, предводительствуемая жестоким вождем, которая заставит нацию ходить прямо, улыбаться, трудиться, не убивать друг друга, не воровать. Как во времена дохристианские, нужно будет внедрить, вбить в сознание людей десять заповедей национального поведения. Как во времена Петра, нужно будет ломать, ломать и ломать расслабленные привычки, отшибать скверные инстинкты, заставлять быть энергичными и сильными русскими. В России нужно все менять: походку, осанку, выражение лица, да, и выражение лиц.

Будет много недовольных. Всегда бывают недовольные. Недовольных, для блага нации и их самих, будем перевоспитывать. Недовольных обложим налогом. Хочешь высказывать свое недовольство — плати обществу. И много.

Русские — своенравная, крутая, упрямая и последнее время бестолковая нация. Надежд, что когда-либо поумнев, изберет она умного и сильного правителя, нет. Россия достигала своих исторических вершин всегда по принуждению, она вела себя отлично, когда народу жесткими наказаниями было приказано стать добродетельным. Если народу дают возможность убивать и воровать, он будет это делать. Государственная мудрость заключается в том, чтобы не создавать социальный климат, в котором народ понимает, что может воровать и убивать. Сейчас в Российской Федерации именно такой климат.

Из русских можно сделать нацию героев, но только жестко заставляя их быть героями и не давая быть проходимцами, ворами, грабителями ближнего и дальнего, «кидалами», подлецами, расчленителями и осквернителями.

Потому все программы всех кандидатов в Президенты — пустая трепотня глупых козлов. Нужна диктатура энергичного тирана, который будет спать пять часов в сутки и, возглавив столь же непреклонных

отобранных опричников, ЗАСТАВИТ население стать нацией героев — прямо ходящих, бодро смотрящих, исповедующих энергичную веру.

Только так. А все эти жалкие бредни об «экономике» — все это для старух и для населения богаделен. Тиран Петр I ввел такую экономику, какую считал нужной. НБП будет взимать налог за бороду, и отдельно за капусту в бороде, и со сгорбленных, и страдающих ожирением также будет взиматься спецналог.

Если появится нормальное чувство врага — мы увидим новую великую эпоху.

2. Интервью автору книги «Мы увидим новую великую эпоху» (Петровский курьер. 2000.1 июня)

Известный писатель Эдуард Лимонов, он же — лидер Национал-большевистской партии, на прошлой неделе приезжал в Питер для участия в судебном процессе над руководителем местной организации НБП Андреем Гребневым. (Его обвиняют в избиении некоего господина Кима, который, однако, так и не смог окончательно определиться: бил его Гребнев или нет. Пока суд отложен до октября.) Начав разговор с нашим корреспондентом об этом процессе, Эдуард Вениаминович плавно перешел к темам куда более масштабным.

— Ваш знакомый, лидер французских националистов Жан Мари Ле Пен, сегодня выступает под лозунгом «Националисты всех стран, соединяйтесь!». Он пытается наладить контакты с украинскими ультраправыми. Реально ли объединение националистов мира?

— Ле Пен просто старый буржуа, он плохо ориентируется в обстановке и не представляет, что происходит на Украине. «Интернационал националистов» выглядит всегда глупо. Национализм основан на том, что страны имеют территориальные претензии друг к другу. Русские националисты могут дружить с французскими, французские могут дружить с украинскими, поскольку нет общих границ. Они могут обещать друг другу все что угодно. Это обман. Не может быть солидарности между националистами.

Европейские националисты всегда поражали меня своей ограниченностью, архаичностью своего мышления. Для них, например, слово «сталинист» является несмываемым клеймом. Когда я приезжал во Францию и рассказывал, что у нас тут коммунисты и национал-патриоты объединяются, они не могли понять, как такое вообще возможно.

Мы — партия нового типа, не левая и не правая. Архаичные европейские националисты и тем более националисты стран СНГ нам не союзники.

— У членов НБП нередки столкновения с законом: несколько месяцев в изоляторе провели закидывавшие яйцами Никиту Михалкова, сидели в тюрьме национал-большевики, захватившие здание ДК Моряка в Севастополе... Уж не собираетесь ли вы переходить к нелегальным

методам борьбы, не скатитесь ли к террору?

— В свое время мы начинали скорее как культурное движение. Потом честно пытались зарегистрироваться, чтобы участвовать в выборах. Когда мы в последний раз подавали документы на регистрацию, уже в этом году, их три месяца отказывались принимать. Это обычный произвол. Законом в Минюсте и не пахнет. Можно жаловаться, но результат будет тот же самый.

Нам пытаются закрыть законный путь в политике, в ответ наши политические акции все более и более ужесточаются. Наша тактика балансирует на грани закона. Ее никто специально не придумывал, она возникла сама из политической практики. Вот наши люди во Владимире расписали лозунгами Американский дом — после этого все стали разрисовывать здания. Потом в Москве члены НБП пришли на съезд гайдаровского Демвыбора России и сорвали его, скандируя наш лозунг: «Завершим реформы так: Сталин! Берия! ГУЛАГ!» В ответ ужесточаются репрессии со стороны государства. Поэтому все больше и больше уголовных дел против членов партии.

Я приехал на суд Гребнева, просидел на нем два дня. Обвинения несостоятельны, доказательств нет, тем не менее Андрей сидит уже семь месяцев и будет сидеть еще как минимум четыре с половиной.

Я не хочу, чтобы НБП превратилась в террористическую организацию, но нас толкают на этот путь. И я не удивлюсь, если завтра партия выдвинет более радикального лидера, который пойдет на это.

— *В своем последнем романе «316 пункт Б» вы описываете мир в 2015 году. Две сверхдержавы — США и Россия — поделили его и установили жесткие тоталитарные порядки, в которых герой романа вынужден вести постоянную борьбу за существование. Как эта борьба личности за свою свободу сочетается с лозунгами, вроде «Сталин — Берия — ГУЛАГ»?*

— Я пришел к выводу, что человеческое общество устроено как пчелиный рой и важна выживаемость не отдельной особи, а всего сообщества. И «Сталин — Берия — ГУЛАГ» вполне вписывается в эту функцию. Книгу я дописывал уже в 1997 году и вложил в нее именно этот смысл.

— *То есть сама идея жесткого контроля общества над отдельной личностью не вызывает у вас неприязни?*

— Я думаю, что это абсолютно необходимая вещь. Человеческое стадо надо пасти, это испокон веков известно.

— *Что вы думаете о действиях нового президента? Путин пришел к власти прежде всего под патриотическими лозунгами, стало быть, он перебил козыри и «красно-коричневой» оппозиции. Как собирается вести*

себя НБП в новых условиях?

— У нас в названии партии есть слово «большевистская» и лозунг социальный сохраняется — «Требуем передела собственности в стране». Я думаю, что вопросы социальной политики волнуют наших граждан, особенно в глубинке, гораздо больше, чем, например, чеченская война или внешнеполитические демарши правительства. У нас в стране целые слои населения сегодня обездоленные, такие люди приходят в нашу партию.

Второй важный лозунг — «Смена правящего класса». Надо объявить что-то вроде свободного конкурса на политические места в руководстве страны. Чтобы за эти места позволили соперничать не только чиновничьим и олигархическим группам.

Третий лозунг — «Изменение границ России», воссоединение с Россией тех территорий соседних государств, где русские составляют большинство населения. Это тоже не достигнуто. Поэтому у нас есть за что бороться, и наши цели остаются прежними.

— *А как тогда избежать господства столь ненавистного для вас общественного класса — бюрократии, которая неизбежно расплодится в тоталитарном обществе и будет работать сама на себя?*

— Великолепно справился с этой задачей Мао в ходе «культурной революции», никем не понятой. Он говорил: огонь по штабам, по той чиновничьей прослойке, которая успела за 17 лет, прошедшие после революции, образоваться в Китае. Он сумел ее разрушить с помощью молодежи и на время эту проблему решил.

Бюрократию надо периодически разрушать, хотя бы раз в поколение. Если ее не менять, она пожирает страну изнутри, как червь. Подобное случилось с Советским Союзом.

— *Вы неоднократно заявляли, что литература вам сегодня неинтересна. Значит ли это, что после недавно вышедших «316, пункт В» и «Анатомии героя» вы больше ничего писать не будете? И кстати, как встретили «316, пункт В» читатели и критики?*

— Умной критики практически не бывает. За все время, сколько я пишу, я помню две-три рецензии на свои книги, которые были разумными. Неважно, положительными или отрицательными, но их авторы хотя бы понимали мой строй мысли. На эту книгу тем более не было умной критики.

Читатели приняли роман хорошо: издательство «Вагриус» после этого предложило мне издать собрание сочинений. «Вы у нас продаетесь лучше, чем Пелевин». И заключили со мной договор на трехтомник, который вышел в прошлом году.

А вообще художественная литература не только мне сегодня неинтересна. Все говорят о ее смерти, и похоже, что она действительно умерла. Романы были, видимо, актуальны в XVIII, в XIX веках. Мне более интересна историческая литература. Читаю, чтобы узнать какие-то новые факты из жизни великих людей — Иосифа Сталина, Бенито Муссолини...

Кстати, в 1993 году редакция серии «Жизнь замечательных людей» предлагала мне написать биографию Ленина. Этим бы я с удовольствием занялся, но, к сожалению, не хватает времени. Еще в 1991 году я попал на свою первую войну, в Хорватию, где воевал на стороне сербов. С тех пор было еще несколько войн, да и вообще много всего пришлось пережить.

Иногда я ложусь спать, засыпаю, и у меня перед глазами возникают картинки: вот мы в хвойном лесу толкаем машину с ранеными; вот снаряд попал в машину, которая едет впереди... О балканской войне я мог бы написать кучу зарисовок. Я иногда думаю, что хорошо бы это сделать, но уже слишком поздно. Вот если бы мне весь этот материал попался в юности, лет в двадцать пять, тогда другое дело, а в пятьдесят семь уже думаешь о других вещах.

Я думаю, что писать уже не буду. Я потерял к этому личный интерес и предпочитаю видеть историю партии и свою собственную в газетах, написанную другими. «Словом не сдвинешь города» — или как там у Гумилева?

— *Как относятся к вашей политической деятельности родители? Сохранил ли ваш отец, в прошлом — офицер НКВД, свои убеждения?*

— По-моему, для них моя политическая деятельность является источником жизни. Человеку в районе 80 лет, чтобы жить, нужны какие-то внешние раздражители. Вот мои родители смотрят на меня по телевизору, переживают, звонят по телефону и советуют быть осторожнее. Я даже не могу съездить к ним в гости, поскольку на меня на Украине возбуждено уголовное дело за покушение на территориальную целостность этого государства. Отец свои убеждения сохранил, но все же старость берет свое и основным смыслом остается выживание.

— *Вам 57 лет. Вы как-то ощущаете свой возраст?*

— Все говорят: 57 лет... Я этого не ощущаю, только воспоминаний очень много. Спокойной старости у меня все равно уже не будет, это ясно. Даже если захочу, спокойной старости мне не дадут.

— *В своей книге «У нас была великая эпоха» вы написали о людях вашего детства. Чем сегодняшние жители России отличаются от тех людей?*

— Тогда было концентрированное чувство врага. Каждый видел, что

такое враг, а сегодня никто не видит. Если опять появится нормальное чувство врага, то и реакция будет та же самая и, возможно, мы увидим новую великую эпоху. Ни в какое истощение генофонда я не верю.

3. «Лимонов, казачья версия Керуака»^[9]

Москва, 2007 год. Эмманюэль Каррер ведет журналистское расследование для замечательного журнала «XXI» об убийстве журналистки Анны Политковской, застреленной у подъезда своего дома в Москве после того, как она проявила слишком большой интерес к репрессиям в Чечне. Французский писатель присутствует на церемонии в память жертв спецназа в театре на Дубровке, где чеченские террористы захватили присутствующих зрителей в заложники в октябре 2002 года. В толпе он заметил Эдуарда Лимонова; этот человек и стал героем его новой книги.

Кто он, Эдуард? Эдуард Вениаминович Савенко (68 лет), псевдоним Эдуард Лимонов (от слов «лимон» и «лимонка» — граната), был любимцем красно-коричневой французской интеллигенции 1980-х годов, чьим органом был «Международной идиот» Жана Эдерна Алье. Он имел там авторскую колонку, как, впрочем, и в коммунистической ежедневной газете «Юманите» и в крайне правом журнале «Ле шок дю муа». Считается русским, но фактически он украинец^[10]. Автор книги «Русский поэт предпочитает больших негров», которая представляет собой жгучий рассказ о его пребывании в Нью-Йорке в 1970-х годах, с описанием выживания и всевозможного сексуального опыта. Он был встречен в Париже как интересный варвар. Этот «советский Барри Линдон», как говорит о нем Каррер, обожает скандал и драку, кроме того, его любят девушки (и мужчины). Что касается его прозы, то он является антиподом Набокова и открыто заявляет об этом. «Я никогда не бегал за бабочками на швейцарских лугах с волосатыми ногами на английский манер». Он говорит, что в то время, как советские диссиденты были «серьезными и плохо одетыми бородачами», он был «сексуального типа, ловкий, забавный, одновременно похожий и на матроса, сошедшего на берег, и на рок-звезду». Потом его дела пошли хуже. Этого диссидента в стиле панк дискредитировали появление в общественном месте в форме Красной армии, сожаления по поводу падения коммунизма, требование поставить к стенке Горбачева, участие вместе с сербами в конфликте в бывшей Югославии и, наконец, создание Национал-большевистской партии, требующей под прикрытием политической программы возвращения политики Сталина, Берии и ГУЛАГа.

Но в 2001 году ветер снова дует в паруса этого Керуака в казачком

стиле. Его арест за предполагаемую попытку государственного переворота в Казахстане превращает опасного фашиста в образцового зэка. Его участие, после освобождения из тюрьмы, в Другой России, широкой антипутинской коалиции во главе с бывшим чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым, заканчивается его реабилитацией. Наконец, активная поддержка Елены Боннэр, вдовы Сахарова и горячего защитника прав человека во времена Брежнева, и Анны Политковской превращает его почти в святого. Пусть даже он и немного скрывает свои истинные карты.

Зачем такая длинная преамбула? Потому что Россия сегодня является сложной и личность Лимонова — это путь к ее познанию.

Эмманюэль Каррер реконструировал жизнь этого парадоксального персонажа по своему возвращению из России в 2007 году на основе его автобиографических трудов, а также их контактов в Москве. Затем он тщательно изучил его статьи и еще не переведенные политические манифесты. Чем дальше продвигалось расследование, тем больше Лимонов ускользал как личность. «Как оценить человека, который вначале пишет в духе «Исповеди» Руссо (очень известная автобиография этого французского философа XVIII века), прежде чем перейти к стилю «Что делать?» Ленина». После года работы Каррер наконец понял «гротескную» приверженность своего персонажа сербам. Он перешел к другим вещам. В результате вышла в свет книга «Другие жизни, кроме как моя» (*D'autres vies que la mienne*), имевшая большой успех в книжных магазинах и получившая приз читательских симпатий журнала «Экспресс» за 2009 год. В следующем году писатель вновь с любопытством погружается в переделку рукописи. Он пришел к выводу, что эта история «грандиозная», и решил ее завершить. В результате появился роман «Лимонов», который представляет собой как бы вторжение в геополитику (автор предпочитает говорить о документальной повести, даже если он и позволил себе немного приврать, например, выдумав сцену появления знаменитого танцора Нуреева на коктейль-парти в Нью-Йорке). Этот комбинированный текст сочетает размышление о пустоте, родившейся под обломками коммунизма, где вся игра идет «между преобразованиями в уголовном стиле и гражданской войной» (слова бывшего премьер-министра Егора Гайдара) и судьбой персонажа, который борется во имя красно-коричневой идеи. Но это читается как приключенческий роман Александра Дюма, а не как исследование по советологии. В этом его достоинство.

Эмманюэль Каррер вновь чувствует себя в своей тарелке в этом стиле смешения жанров. Автор признает, что он пользовался энергией и жизненной силой своего героя, легкий стиль которого жонглирует такими

словами, как сталинизм, ГУЛАГ, Солженицын... Писатель тоже использует этот анализ, который когда-то считался маргинальным, по примеру своей матери Элен Каррер д'Анкосс (Горбачев, любимец Запада, являлся лишь «пресыщенным аппаратчиком», Ельцин — «человеком свободы» и т. д.). Тайком сын вторгся на творческую территорию матери не для того, чтобы затмить ее, но чтобы проложить свою тропу и создать династическую преемственность. В «Русском романе» (2007) он раскрыл семейную тайну — казнь после освобождения Франции деда по материнской линии Жоржа Зурабишвили, грузинского эмигранта во Франции, поспешно обвиненного в сотрудничестве с немцами. Публичное раскрытие этой правды сопровождалось скандалом. Четыре года спустя блудный сын публикует новый большой роман на русскую тему: «Лимонов». Он носит форму повествования о «мире отважных».

Интервью с Эммануэлем Каррером:

— В конечном итоге является ли Лимонов фашистом?

— Он точно не Махатма Ганди. Да, Лимонов является фашистом, потому что его ценностями являются закон самых сильных, жизненная сила, отсутствие сострадания... Но он не имеет ничего общего с неонацистами. Нацболы, члены его партии скорее напоминают анархистов, организовавших саботаж линии скоростных поездов во Франции, или молодых людей, которые связаны с рок-группами. Лимонов жил как герой. Первое название, которое пришло мне на ум, было «Герой нашего времени» Лермонтова (1840). Что меня в нем больше всего трогает, так это идея, которую он замыслил с детства: стать вожаком. Лимонов — человек большого мужества и большой честности. Впрочем, он платит за это свою цену.

— Не берете ли вы на себя риск, приняв за истину его автобиографические тексты?

— Я доверяю ему. Потому что у него весьма малое супер-эго, он не стыдится ничего и рассказывает все! Даже самые постыдные эпизоды.

— Вы не опасаетесь обвинений в соучастии?

— Такой упрек для подобного жанра можно ожидать. Но я его не реабилитирую и не обвиняю. Лимонов фашист, но не подлец. Он никогда не был на стороне победителей. Его талант и интеллект могли сделать его богатым и могущественным. Но он никогда не искал этого.

— Какое будущее вы ему предсказываете?

— Сегодня он в политике, но не у руля. Его партия не слишком на виду, она является странной силой, представляющей собой контркультуру. Ему под 70 лет, и он находится в прекрасном состоянии. Его нельзя

списывать со счетов. На мой взгляд, он ищет выход из положения.

Основные даты жизни и деятельности

Э. В. Лимонова

1943, 22 февраля — Эдуард Савенко родился в городе Дзержинске Горьковской (ныне Нижегородской) области. Отец — Вениамин Иванович Савенко, офицер НКВД. Мать — Раиса Федоровна Зыбина, работница завода.

1946–1947 — отец служит в гарнизонах в Ворошиловграде (ныне Луганск), Миллерово, Каменске. Семья переезжает вместе с ним.

1947 — переселяется с родителями в Харьков.

1951 — родители получают отдельную квартиру в Салтовском рабочем поселке, Эдуард идет в школу.

1958 — начинает писать стихи.

1967 — уезжает в Москву со своей гражданской женой, продавщицей книжного магазина Анной Рубинштейн.

1971 — женится на манекенщице Елене Щаповой (Козловой).

1974 — сотрудники КГБ предлагают Лимонову стать осведомителем. После отказа следует высылка из страны на Запад вместе с женой. Через Австрию едет в Италию, затем оседает в Нью-Йорке.

1975–1976 — работает корректором в газете «Новое русское слово». Уволен за публикацию статьи об эмиграции «Разочарование», перепечатанной в советской газете «Неделя».

1979 — публикует первые книги — сборник стихов «Русское» и роман «Это я, Эдичка».

1980 — переезжает в Париж.

1983 — начинает совместную жизнь со своей третьей женой, певицей и моделью Натальей Медведевой (брак зарегистрирован в 1992 году).

1987 — получает французское гражданство.

1989 — первая публикация в СССР. Возвращается на родину и восстанавливает советское гражданство. Осуждает перестройку и процессы, ведущие к распаду СССР.

1991, ноябрь — декабрь — первая поездка в Сербию. Знакомство с лидером сербских националистов Воиславом Шешелем.

1992, 23 февраля — участвует в первой массовой демонстрации против политики президента Б. Ельцина и в столкновениях с милицией на

Тверской улице.

1992–1994 — участие в боевых действиях в Абхазии, Приднестровье, бывшей Югославии.

1993, 1 мая — обнародована декларация о создании Национал-большевистской партии (совместно с Александром Дугиным).

Сентябрь — октябрь — участие в обороне Белого дома. Подписывает от Национал-большевистской партии обращение защитников Белого дома. Участвует в штурме протестующими телецентра «Останкино».

Декабрь — баллотируется на выборах в Государственную думу в Тверской области.

1994, сентябрь — участвует в противостоянии президента Крыма Ю. Мешкова и властей Киева. Задержан Службой безопасности Украины, выдворен из Крыма, становится персоной нон грата на Украине.

28 ноября — выход в свет первого номера газеты «Лимонка», отмечается как день рождения НБП. Лимонов становится главным редактором издания.

1995 — баллотируется в Государственную думу в Москве.

5 апреля — по его инициативе впервые отмечается День русской нации в годовщину победы Александра Невского на Чудском озере.

6 мая — первая акция прямого действия НБП — захват крейсера «Аврора» в Петербурге.

1997 — участие в довыборах в Государственную думу по Георгиевскому избирательному округу Ставропольского края.

1998, 1 октября — первый съезд НБП. После съезда поданы документы на регистрацию партии в Министерство юстиции, получен отказ.

Ноябрь — второй съезд НБП.

Создает Фронт трудового народа, армии и молодежи совместно с В. Анпиловым и С. Тереховым.

1999 — выдвигает проект «Вторая Россия» по отделению от стран бывшего СССР (Украина, Казахстан, Латвия) территорий, населенных русскими, и созданию там самостоятельного государства.

2001, 6 апреля — арестован ФСБ на хуторе Пирогова на Алтае совместно с соратниками. Этапирован в Москву в следственный изолятор ФСБ «Лефортово». Предъявлено обвинение в незаконном хранении оружия, создании незаконных вооруженных формирований, покушении на территориальную целостность Республики Казахстан и в терроризме.

2002 — находясь в тюрьме, выдвинут кандидатом на довыборах в Государственную думу по Нижегородской области.

2003, 15 апреля — осужден судьей Саратовского областного суда Владимиром Матросовым на четыре года лишения свободы. Большинство обвинений снято.

30 июня — освобожден условно-досрочно из колонии в городе Энгельс.

2004, 2 августа — акция НБП по захвату кабинета главы Минздравсоцразвития М. Зурабова в знак протеста против монетизации льгот. Участники получают от двух до четырех лет лишения свободы.

16 декабря — акция по захвату приемной администрации президента с требованием изменения государственной политики. Арестованы 39 участников, приговорены к различным срокам лишения свободы.

2005 — женится на актрисе Екатерине Волковой.

2006, 11–12 июля — создание коалиции «Другая Россия» совместно с Г. Каспаровым, М. Касьяновым и рядом других общественных деятелей.

7 ноября — рождение сына Богдана.

16 декабря — первый Марш несогласных в Москве на Триумфальной площади.

2007, 3 марта — несанкционированный массовый Марш несогласных в Санкт-Петербурге по Невскому проспекту. Лимонов в самом начале марша задержан полицией.

19 апреля — Московский городской суд принимает решение о запрете Национал-большевистской партии как экстремистской организации.

Июнь — сентябрь — праймериз коалиции «Другая Россия» по выдвижению единого кандидата в президенты. Лимонов сперва поддерживает М. Касьянова, после выхода последнего из коалиции — Г. Каспарова. Документы для выдвижения кандидатом Г. Каспаров не подал.

2008, 17 июля — рождение дочери Александры.

2009, 31 января — проходит первый митинг в защиту свободы собраний на Триумфальной площади в рамках выдвинутой Лимоновым «Стратегии-31». Акции проходят каждое 31-е число, заявителями наряду с Лимоновым становятся Л. Алексеева и К. Косякин. Вплоть до середины 2014 года митинги разгонялись полицией, Лимонов неоднократно задерживался.

2010, 10 июля — учредительный съезд партии «Другая Россия».

2011, 10 декабря — призывает протестующих против фальсификации выборов в Государственную думу вместо выхода на Болотную площадь пойти на митинг на площади Революции и затем — к Центральной избирательной комиссии. После отказа большинства лидеров протестов резко критикует их. Несмотря на уход большей части митингующих на

Болотную площадь, проводит акцию «300 спартанцев» на площади Революции.

2012, сентябрь — на втором съезде «Другой России» принята концепция двух врагов — власти и буржуазной либеральной оппозиции.

2013, сентябрь — на третьем съезде «Другой России» выдвигает лозунг «Отобратить и поделить» как призыв к пересмотру итогов приватизации.

2014, март — поддерживает присоединение Крыма к России.

30 апреля — четвертый съезд «Другой России» высказывается за продолжение «Русской весны» на Украине. Май — начинаются отправка «Другой Россией» добровольцев и сбор помощи для ополчения Донбасса, создается движение «Интербригады».

Декабрь — посещает Луганскую народную республику. Приезжает на передовую в районе села Сокольники. Возлагает цветы к месту гибели нацбола-добровольца И. Гурьева.

2015, 20–21 февраля — приезжает в Санкт-Петербург. Выступает с «Проповедями» со сцены ДК Ленсовета. Присутствует на похоронах нацбола-добровольца Е. Павленко. Август — пятый съезд «Другой России».

2016, 26 марта — из-за ухудшения здоровья уходит с поста председателя «Другой России».

Биография продолжается...

Иллюстрации

«Это я — Эдичка»,
автор и герой
нашумевшего романа

Родители — Вениамин Иванович и Раиса Федоровна

Харьков, улица Красноармейская, 4. Здесь прошло детство Эдуарда Савенко

Эдуард с матерью и ее подругой Ниной. 1952 г.

Фото на паспорт. 1959 г.

«Молодой негодяй» у дверей ресторана «Люкс».

Харьков, 1964 г.

Первая любовь — Анна Рубинштейн

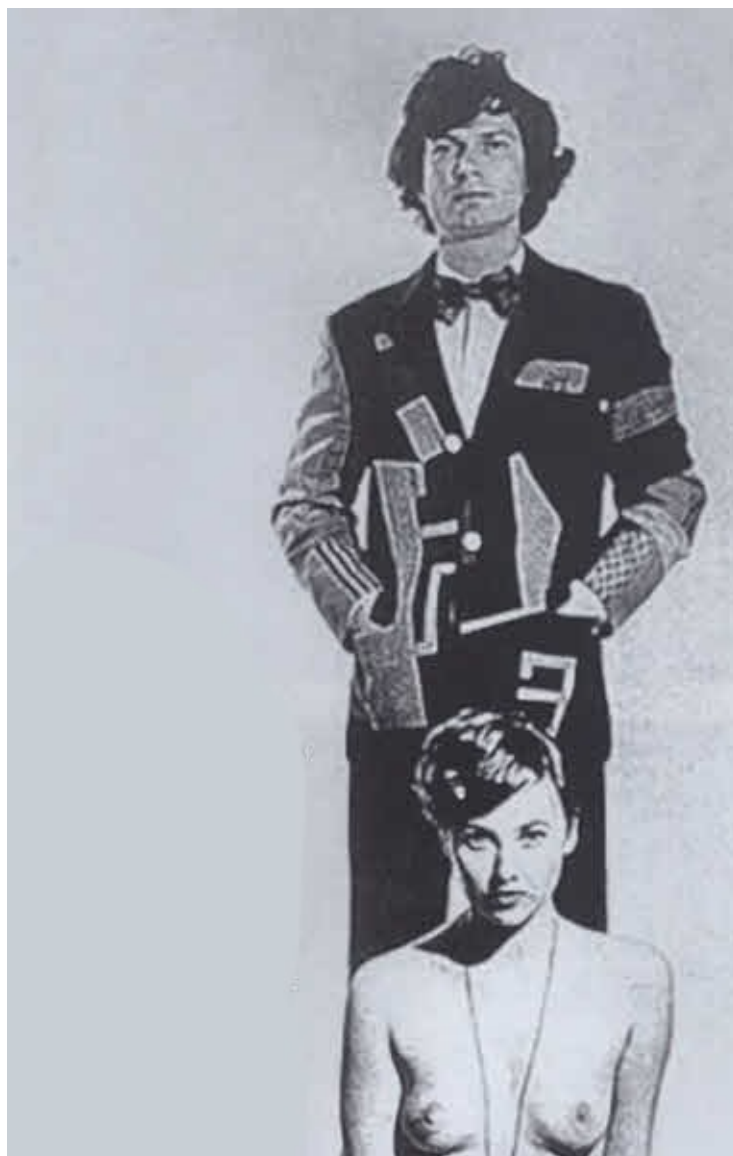

Харьковская богема — Юрий Милославский, Эдуард Савенко, Вагрич Бахчанян. 1966 г.

С Еленой Щаповой. 1969 г.

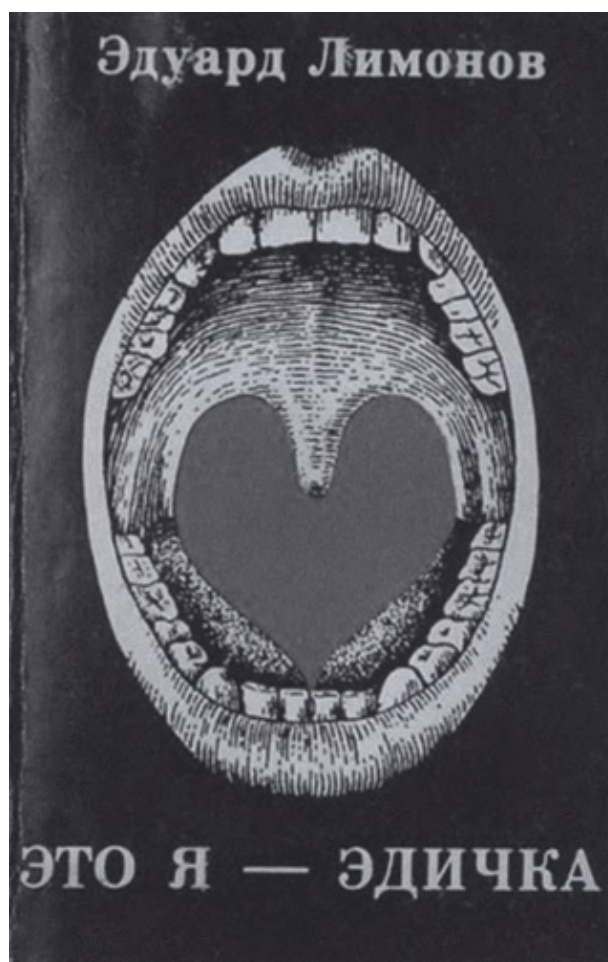
Эдуард и Елена в Москве перед отъездом на Запад. «Пиджак национального героя» Лимонов сшил сам из 114 кусков материи. 1974 г.

С Еленой в Италии. 1974 г.

В Париже. 1980-е гг.

Два из многих изданий романа — парижское и московское

Лимонов, его бывшая жена Елена и художник Михаил Шемякин.

Нью-Йорк, 1979 г.

Лимонов, Вагрич Бахчанян и Олег Соханевич.

Нью-Йорк, 1977 г.

На крыше собора Парижской Богоматери. 1980-е гг.

С Натальей Медведевой. Париж, 1980-е гг.

С бойцами Республики Сербской в Книне. 1993 г.

Лимонов и командир сербских ополченцев Аркан в Вуковаре. 1991 г.

В осажденном Белом доме. Рядом с Лимоновым — Виктор Алкснис, Александр Невзоров, Александр Проханов. Сентябрь 1993 г.

Защитник Белого дома. Фото Л. Ильиной

3. На первомайской демонстрации 1994 года. Владимир Бондаренко, Эдуард Лимонов, ветеран НБП Тарас Рабко. Фото Д. Дубина

С Владимиром Жириновским

Соратники — Егор Летов, Александр Дугин, Виктор Анпилов

С председателем Верховного совета Крыма Сергеем Цековым и депутатом ВС Крыма от Севастополя Александром Кругловым. Фото Т. Рабко, 1994 г.

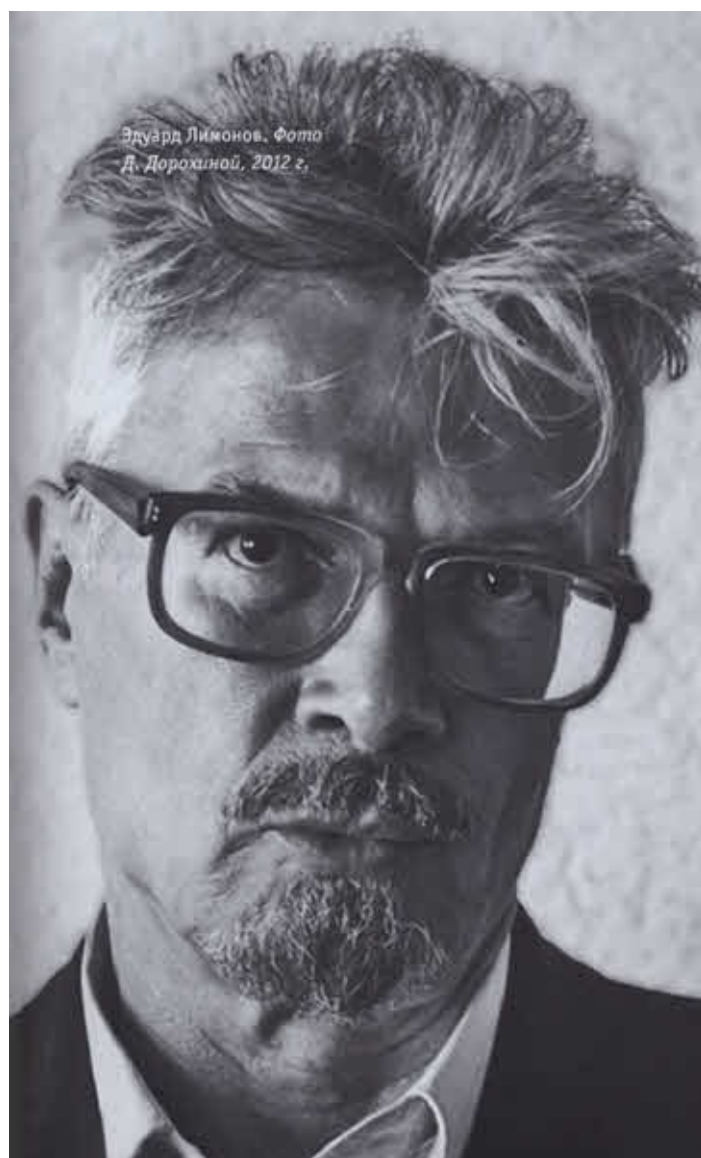
С российскими пограничниками в Таджикистане. 1997 г.

На трибуне Государственной думы. 1995 г.

Основатель НБП на митинге своих сторонников. 1995 г.

С Елизаветой Блезе и матерью.

Харьков, 1994 г.

Елизавета Блезе

На строительстве бункера НБП.

1995 г. Фото Л. Ильиной

С первыми нацболами в бункере.

Фото Л. Ильиной, 1995 г.

Первая демонстрация НБП.

7 ноября 1995 г. Фото Д. Ларионова

«Кучма — подавишься Севастополем!»

Пикет НБП у посольства Украины. 1995 г.

С активом петербургского отделения НБП. 1997 г.

Первый День нации.

5 апреля 1996 г. Фото К. Искольдского

Пробудись, спящий, ибо ты можешь не проснуться! (Ветхий Завет)

СМЕРЧ

-инфо

Газета национал-большевиков Северо-Запада РФ

№7(15) 2001, декабрь

Выходит 1 раз в месяц

МЫ ВСЕ РАВНО ПОБЕДИМ!

Теперь у нас есть День Партии — 25 ноября. За семь лет, прошедших с момента появления НБП, мы заработали репутацию самой крупной и наиболее опасной для общественного спокойствия молодежной организации в стране. Надо сказать, немало способствовало этому и деятельность питерских нацболов.

Отделение НБП в Питере появилось почти сразу же после создания партии. Впервые неплохие политические очки мы заработали акцией по захвату крейсера «Аврора» в знак протеста против неадекватных действий по отношению к чеченским сепаратистам (май 1997 года). Тогда вице-полковник государство только форемировалось, и никого из участников даже не посадили.

Впоследствии было много других акций прямого действия — нацболы устроили во дворе кинотеатра «Аврора» тулунги и ладами нацболовского дружка Никиту Михайлова, несомненно закрывали бананы с краской и бутылками с зажигательной смесью консулствам враждебных нашей стране Латвии, США, Италии и других государств, промляли «Макдональдсы» и прочие постанкиа бужу-

ность идти до конца может помочь выжить русскому народу.

С другой стороны, мы проявили себя и на легальном политическом поле. Была проведена немало митингов и пикетов совместно с радикальными профсоюзами и партиями в защиту гражданских прав, против принятия антинародных законов, провозглашения милиции и городской прокуратуры. Наблюдение контактов со СМИ и наличие профессиональных журналистов среди членов и сочувствующих партии позволили нам создать неплохой РН наших идей в печатных изданиях и на телевидении. Особо здесь хотелось бы отметить газету «Новый Петербург», близкую нам по своей гражданской позиции и всегда предоставляющую нам место на своих страницах.

Появились и контакты с органами власти в лице единственного честного и принципиального защитника интересов народа, депутата Владимира Леонова (Законодательное собрание Ленинградской области). Леонов представлял местное отделение «Трудовой России» в нашем общем Фронте трудового народа. Но, когда из-за лоббизма Анпилова

V I V A
LA RIVOLUZIONE FUTURISTA!

В НОМЕРЕ:

Приговор Стасу Михайлову

Конституция хорошо горит

Футуризм и политик

Скоро будет Рождество, гадкий праздник буржуазии

125 лет со дня рождения основателя и вождя футуризма Филиппо Томмазо Маринетта

«Смерч» — газета национал-большевиков Северо-Запада РФ. 2001 г.

Плакат Павла Лосева ко Дню нации

«Азиатский поход» НБП. Самарканд, 1997 г.

С Еленой Буровой в бункере

С Андреем Гребневым на демонстрации.

Фото Д. Дубина, 1998 г.

Евгений Павленко с газетой «Лимонка»

С Сергеем Гребневым (слева) и Павлом Лосевым

Плакат Павла Лосева «Не молчи!»

На суде в Саратове.

Фото В. Черепкова, 2003 г.

Фотография на паспорт, сделанная по выходе из лагеря.

2003 г.

С женой Екатериной Волковой и дочкой Александрой. 2008 г.

С детьми Богданом и Александрой

Марш несогласных в Санкт-Петербурге. 2007 г.

Лидер оппозиции. Фото Д. Дорохиной, 2009 г.

С Захаром Прилепиным в магазине «Фаланстер». 2009 г.

Задержание Лимонова на Триумфальной площади. 2011 г.

С автором книги и другими фигурантами «процесса двенадцати» в Санкт-Петербурге. Фото С. Чернова, 2012 г.

В гостях у автора с его младшей дочерью Пелагеей. 2015 г.

С пресс-секретарем партии Александром Авериным в Донбассе

На похоронах нацбола Евгения Павленко, убитого в Донбассе.

Фото С. Кожанова, февраль 2015 г.

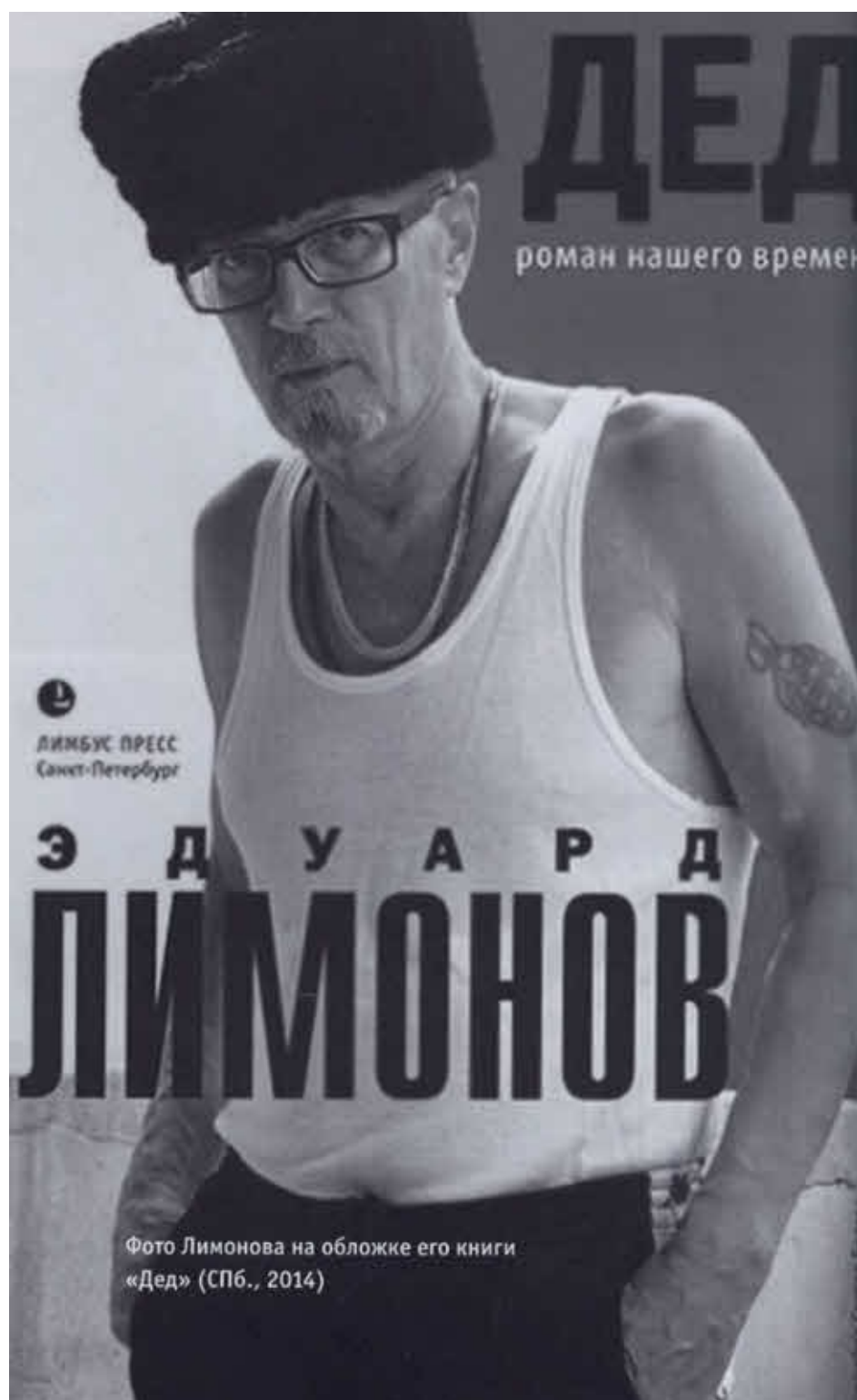

Фото Лимонова на обложке его книги
«Дед» (СПб., 2014)

Краткая библиография

1. Книги Эдуарда Лимонова (в порядке выхода в свет, указаны только первые издания)

- Русское (стихотворения). Ann Arbor (Michigan), 1979.
Это я, Эдичка. N. Y., 1979.
Дневник неудачника, или Секретная тетрадь. N. Y., 1982.
Histone de son serviteur (История его слуги, на фр. яз.). Paris, 1982.
Подросток Савенко. Paris, 1983.
Палач. Jerusalem, 1986.
Молодой негодяй. Paris, 1986.
Salade Nicoise (Салат Нисуаз, рассказы, на фр. яз.). Paris, 1986.
Des incidents ordinaires (Обыкновенные инциденты, рассказы на фр. яз.). Paris, 1987.
Ecrivain International (Интернациональный писатель, рассказы на фр. яз.). Paris, 1987.
La grande broque (У нас была великая эпоха, на фр. яз.). Paris, 1989.
Коньяк «Наполеон» (рассказы). Tel-Aviv, 1990.
L etranger dans sa ville Natale (Иностранец в смутное время, на фр. яз.). Paris, 1991.
Discours d'une grande gueule coiffée d'une casquette de prolo (Речь большой глотки в пролетарской кепочке, рассказы на фр. яз.). Paris, 1991.
Смерть современных героев. Tel-Aviv, 1992.
Исчезновение варваров; Дисциплинарный санаторий (эссе). М., 1992.
Убийство часового: Дневник гражданина (публицистика). М., 1993.
Le dos de Madame Chatain (Спина мадам Шатен, рассказы на фр. яз.). Paris, 1993.
Великая мать любви (рассказы). Tel-Aviv, 1994.
Лимонов против Жириновского (публицистика). М., 1994.
Укрощение тигра в Париже. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1994.
Чужой в незнакомом городе (рассказы). М., 1995.
Мой отрицательный герой (стихотворения). М., 1995.
Лимонов в фотографиях с комментариями, написанными им самим (альбом). М., 1996.
316, пункт «В». М., 1998.

Анатомия героя. Смоленск, 1998.
Американские каникулы (рассказы). М., 1999.
Книга мертвых. СПб., 2000.
Охота на Быкова. Расследование Эдуарда Лимонова. СПб., 2001.
Девочка-зверь (рассказы). СПб., 2002.
Книга воды. М., 2002.
Моя политическая биография. СПб., 2002.
В плену у мертвецов. М., 2002.
Другая Россия. Очертания будущего. М., 2003.
Священные монстры (портреты). М., 2003.
Контрольный выстрел (сборник эссе). М., 2003.
Русское психо (сборник эссе). М., 2003.
Как мы строили будущее России (публицистика). М., 2004.
По тюрьмам. М., 2004.
Торжество метафизики. М., 2005.
Бутырская-сортировочная, или Смерть в автозаке (пьеса). М., 2005.
Лимонов против Путина. М., 2005.
Ноль часов (стихотворения). М., 2006.
Смрт (рассказы). М., 2007.
Ереси: очерки натуральной философии. СПб., 2008.
Дети гламурного рая: о моде, стиле и путешествиях. М., 2008.
Мальчик, беги (стихотворения). М., 2009.
А старый пират (стихотворения). М., 2010.
Книга мертвых-2. Некрологи. СПб., 2010.
К Фифи (стихотворения). М., 2011.
Атилло длиннозубое: поздний классицизм (стихотворения). М., 2012.
В сырах. Роман в промзоне. СПб., 2012.
L'excité dans le monde des fous tranquilles: Chroniques 1989–1994
(Возбужденный в мире тихих сумасшедших, эссе на фр. яз.). Paris, 2012.
Iluminations: Очерки натуральной философии. М., 2012.
Проповеди: против власти и продажной оппозиции (сборник постов в блоге). М., 2013.
Апология чукчей: мои книги, мои войны, мои женщины. М., 2013.
Титаны (портреты). СПб., 2013.
СССР — наш Древний Рим (стихотворения). М., 2014.
Дед. Роман нашего времени. М., 2014.
Киев капут (сборник постов в блоге). М., 2015.
Книга мертвых-3: кладбища. М., 2015.
Золушка беременная (стихотворения). М., 2015.

Plus Ultra. СПб., 2016.
И его демоны. СПб., 2016.
Девочка с желтой мухой (стихотворения). М., 2016.
Последние известия (сборник статей). М., 2016.
Под небом Парижа. М., 2016.

2. Литература об Э. Лимонове и его сторонниках

Беляк С. Адвокат дьяволов. М., 2011.
Беляк С. Девушки партии (фотоальбом). М., 2011.
Бондаренко В. Эдуард Лимонов (серия «Жизнь замечательных россиян»). М., 1992.
Бойков И. Дзержинский 119-й (недокументальная быль). М., 2016.
Горячая молодежь России (сборник) / Сост. В. Савельев. М., 2006.
Данилин И, Крышталъ Н., Поляков Д. Враги Путина. М., 2007.
Данилин П. Новая молодежная политика 2003–2005. М., 2006.
Додолев Е. Лимониана, или Неизвестный Лимонов. М., 2012.
Жвания Д. Путь хунвейбина. СПб., 2006.
Загребальный М. Эдуард Лимонов (серия «Жизнь замечательных украинцев»). Харьков, 2010.
Каррер Э. Лимонов. М., 2012.
Коноплев Р. Евангелие от экстремиста. Брянск, 2005.
Колобродов А. Захар. М., 2015.
Краткий курс истории нацболов / Сост. А. Аверин. СПб., 2016.
Лаврентьева О. Процесс Двенадцати (комикс). СПб., 2013.
Лаврентьева О. Непризнанные государства (комикс). СПб., 2014.
Лимонка в войну (сборник) / Сост. А. Вольщец, З. Прилепин. М., 2016.
Лимонка в тюрьму (сборник) / Сост. А. Вольщец. М., 2012.
Лихачев В. НБП: идеологическая эволюция и политический стиль. — В кн.: Русский национализм. Идеология и настроение. М., 2006.
Окопная правда Чеченской войны (сборник) / Сост. А. Вольщец, А. Тишин. М., 2007.
Панюшкин В. Двенадцать несогласных. М., 2009.
Поколение Лимонки (сборник) / Сост. А. Глущенко. Екатеринбург, 2005.
Рысь Е. Религия бешеных. М., 2013.
Стогофф Н. Революция сейчас. СПб., 2001.

Топорова А. Нацболы в Санкт-Петербурге: образы и повседневность. — В кн.: Матецкая А. Социология культуры: Учебное пособие. Ростов н/Д., 2006.

Якеменко Б. Лимонов о Лимонове, и не только. М., 2006.

3. Периодические и электронные издания

Портал limonow.de: Полное собрание сочинений Э. Лимонова в электронном виде.

Блог Эдуарда Лимонова в ЖЖ limonov-eduard.livejournal. com.

Блог Захара Прилепина в ЖЖ prilepin.livejournal.com.

Газета «Лимонка». 1994–2008. № 1—322 (с № 205 под названием «Генеральная Линия», с № 292 — «На краю»).

Газета «Тотальная мобилизация». 2013–2016. № 1—25.

Газета «Смерч». 1998–2010. № 1—37.

Колонки Э. Лимонова в изданиях «Советская Россия» (1990–1993), «Новый взгляд» (1993–1998), «The Exile», «GQ», grani.ru (2005–2012), svpressa.ru (2012— настоящее время), «Известия» (2012–2016).

4. Прочее

Авторские интервью с Э. Лимоновым, 2013–2015.

Гребнев С. С Лимоновым на Алтае (рукопись), 2000–2001.

знак информационной продукции 16+

Балканский Андрей
ЭДУАРД ЛИМОНОВ

Редактор *В. В. Эрлихман*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Г. В. Платова*

Сдано в набор 31.03.2016
Подписано в печать 07.12.2016
Формат 84х108/32
Гарнитура «Newton»
Бумага офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,32+1,68 вкл.
Тираж 3000 экз.
Заказ № 1621750

Издательство АО «Молодая гвардия»
Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21
Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03903-2

ISBN 978-5-235-03903-2

9 785235 039032 >

Эдуард Лимонов — одна из самых противоречивых фигур современной российской литературы и политики. За свою жизнь он успел побывать московским богемным поэтом, бесприютным эмигрантом в Нью-Йорке, модным писателем в Париже, а потом, после возвращения в Россию — радикальным политиком, книги и выступления которого неизменно вызывали скандал. Лимонов и созданная им Национал-большевистская партия прославились громкими публичными акциями. Сегодня, несмотря на возраст, Лимонов сохранил энергию молодости во всех областях — творчестве, политике, личной жизни. Его биография у одних вызовет восторг, у других негодование — но никого не оставит равнодушным.

М О Л О Д А Я   Г В А Р Д И Я

---

notes

Примечания

Национал-большевистская партия (НБП) признана экстремистской организацией решением Московского городского суда от 19 апреля 2007 года, ее деятельность на территории России запрещена. — *Прим. авт.*

Кроме особо отмеченных случаев цитируются интервью, взятые у героя книги ее автором.

Пособие по безработице для иммигрантов в США.

Интервью взято в августе 2015 года, имеются в виду формирования нацболов в ополчении Донбасса.

Этому посвящен труд историка Михаила Агурского «Идеология национал-большевизма», впервые изданный в 1979 году в Париже.

По удивительному совпадению детство и юность Прилепина — нацбола № 2 — прошли в том же городе, где родился Лимонов.

Между железными вратами судьбы (*англ.*).

Организация запрещена в Российской Федерации.

Опубликовано за подписью «Э. Н.» в парижской газете «L'Express» 31 августа 2011 года. Вводный текст и интервью с Эмманюэлем Каррером перевел с французского специально для данного издания Александр Сивов.

Типичный пример заблуждения западной интеллигенции, вызванный как поверхностным знанием биографии героя, так и непониманием отношений двух народов.